

ISSN 2616-8162

Вестник Донецкого национального университета

НАУЧНЫЙ
ЖУРНАЛ
*Основан
в 1997 году*

Серия Д
**Филология
и психология**

1/2018

**Редакционная коллегия журнала «Вестник Донецкого национального университета.
Серия Д: Филология и психология»**

Ответственный редактор – д-р филол. наук, проф. **В.И. Теркулов**

Заместитель ответственного редактора – д-р филол. наук, проф. **О.Л. Бессонова**

Ответственный секретарь – канд. психол. наук, доц. **С.А. Вильдгрубе**

Члены редколлегии: д-р наук по соц. ком., проф. **И.М. Артамонова**, д-р филол. наук, проф. **Ш.Р. Басыров**, канд. психол. наук, доц. **Т.А. Вилюзжанина**, канд. психол. наук, доц. **А.В. Гордеева**, д-р психол. наук, проф. **С.Т. Джанерьян** (Южный федеральный университет, Российская Федерация), канд. психол. наук, доц. **Т.Б. Ильина**, канд. психол. наук, доц. **А.А. Кацера**, д-р филол. наук, проф. **В.Д. Калиущенко**, д-р филол. наук, проф. **А.А. Кораблёв**, д-р филол. наук, проф. **О.А. Кравченко**, д-р филол. наук, проф. **С.Е. Кремзикова**, д-р психол. наук, проф. **В.А. Лабунская** (Южный федеральный университет, Российская Федерация), д-р филол. наук, проф. **А.В. Петров** (Таврическая академия Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского, Симферополь, Российская Федерация), д-р филол. наук, проф. **Л.А. Петрова** (Крымский инженерно-педагогический университет, Российская Федерация), канд. психол. наук, доц. **С.В. Руденко**, д-р психол. наук, проф. **А.В. Сидоренков** (Южный федеральный университет, Российская Федерация), канд. психол. наук, доц. **Н.В. Устинова**, д-р филол. наук, проф. **В.В. Федоров**, д-р филол. наук, проф. **А.Л. Факторович** (Кубанский государственный университет, Российская Федерация), д-р филол. наук, проф. **Л.Н. Ягупова**, канд. психол. наук, доц. **М.И. Яновский**, канд. психол. наук, доц. **И.А. Ярмыш**.

**Editorial Board of journal “Bulletin of Donetsk National University
Series D: Philology and Psychology”**

Editor-in-Chief – Doctor of Philology, Prof. **V.I. Terkulov**

Deputy Editor-in-chief – Doctor of Philology, Prof. **O.L. Byessonova**

Executive Secretary – Candidate of Psychology, Associate Prof. **S.A. Vildgrube**

Members of the Editorial Board: Doctor of Social Communications, Prof. **I.M. Artamonova**, Doctor of Philology, Prof. **Sh.R. Basyrov**, Candidate of Psychology, Associate Prof. **T.A. Vilyuzhanina**, Doctor of Psychology, Prof. **S.T. Dzhaneryan** (Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation), Candidate of Psychology, Associate Prof. **A.V. Gordeeva**, Candidate of Psychology, Associate Prof. **T.B. Ilyina**, Candidate of Psychology, Associate Prof. **A.A. Katsero**, Doctor of Philology, Prof. **V.D. Kaliuščenko**, Doctor of Psychology, Prof. **A.V. Labunskaya** (Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation), Doctor of Philology, Prof. **A.A. Korablyov**, Doctor of Philology, Prof. **O.A. Kravchenko**, Doctor of Philology, Prof. **S.Ye. Kremzikova**, Doctor of Philology, Prof. **A.V. Petrov** (Taurida Academy of Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky, Simferopol, Russian Federation), Doctor of Philology, Prof. **L.A. Petrova** (Crimean Engineering and Pedagogical University, Simferopol, Russian Federation), Candidate of Psychology, Associate Prof. **S.V. Rudenko**, Doctor of Psychology, Prof. **A.V. Sidorenkov** (Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation), Candidate of Psychology, Associate Prof. **N.V. Ustinova**, Doctor of Philology, Prof. **A.L. Faktorovich** (Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation), Doctor of Philology, Prof. **V.V. Fyodorov**, Doctor of Philology, Prof. **L.N. Yagupova**, Candidate of Psychology, Associate Prof. **M.I. Yanovsky**, Candidate of Psychology, Associate Prof. **I.A. Yarmysh**.

Адрес редакции: ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»,
ул. Университетская, 24, 83001, г. Донецк

Тел: +38 062 302-92-33.

E-mail: terkulov@rambler.ru, s.vildgrube@mail.ru, hiteeva.v@gmail.com.

URL: <http://donnu.ru/vestnikD>.

*Печатается по решению Учёного совета ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».
Протокол № 1 от 26.01.2018 г.*

© ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», 2018

Вестник Донецкого национального университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ОСНОВАН В 1997 ГОДУ

Серия Д. Филология
и психология

№ 1/2018

СОДЕРЖАНИЕ

Филология

<i>Кузнецова Е.В.</i> Электронный диалектный атлас: проблемы и перспективы	3
<i>Курмакаева Н.П.</i> К вопросу о структуре региональной языковой личности и принципах её формирования	9
<i>Мозговой В.И.</i> Формирование языковой и ономастической нормы в условиях природной вариативности национального языка	15
<i>Морозова О.Е.</i> Архангельский региолект (на материале речи жителей Архангельска, Северодвинска, Новодвинска)	21
<i>Королёва Т.В.</i> Периферийные разряды донской ономастики Волгоградский области	28

Психология

<i>Безродный В.И.</i> Специальный экспертный опрос как метод исследования психологических причин травматизма	34
<i>Вилюжанина Т.А.</i> Психологическая безопасность образовательной среды в оценках преподавателей вузов	41
<i>Вильдгрубе С.А.</i> Особенности структурных компонентов самоотношения личности подростков в ситуации социальной депривации	50
<i>Гордеева А.В., Голышева Н.В.</i> Особенности представлений о временной перспективе у студенческой молодёжи	57
<i>Ильина Т.Б.</i> Развитие стрессоустойчивости в раннем юношеском возрасте	64
<i>Киселева И.В.</i> Образное мышление: теоретический анализ современных подходов к изучению	76
<i>Руденко С.В.</i> Особенности социального интеллекта в структуре интуитивно-чувственного отражения психологов	81
Правила для авторов	89

Bulletin of Donetsk National University

SCIENTIFIC JOURNAL

FOUNDED IN 1997

**Series D: Philology
and Psychology**

№ 1/2018

CONTENTS

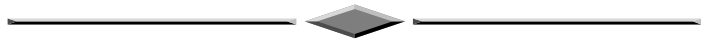
Philology

<i>Kuznetsova E. V.</i> Electronic dialect atlas: problems and prospects	3
<i>Kurmakaeva N. P.</i> On the structure of regional language personality and principles of its formation	9
<i>Mozgovoi V. I.</i> Formation of language and onomastic norms in the conditions of national language natural variation	15
<i>Morozova O. Ye.</i> Arkhangelsk regiolect (based on the speech of the inhabitants of Arkhangelsk, Severodvinsk, Novodvinsk)	21
<i>Korolyova T. V.</i> Peripheral groups of the Don onomastic system of the Volgograd region	28

Psychology

<i>Bezrodny V. I.</i> Special expert interview as a research method of traumatism psychological causes	34
<i>Vilyuzhanina T. A.</i> Psychological security of educational environment as estimated by university teachers	41
<i>Vildgrube S. A.</i> Peculiarities of structural components of adolescents' personality self-attitude in the situation of social deprivation	50
<i>Gordeeva A. V., Golysheva N. V.</i> Peculiarities of students' perception of time perspective	57
<i>Ilyina T. B.</i> Development of stress resistance in early adolescence	64
<i>Kiseleva I. V.</i> Creative thinking: theoretical analysis of contemporary approaches to study	76
<i>Rudenko S. V.</i> Peculiarities of social intellect in the structure of psychologists' intuition-perceptible reflection	81
Guidelines for authors	89

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 811.161.1

ЭЛЕКТРОННЫЙ ДИАЛЕКТНЫЙ АТЛАС: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

© 2018. *Е.В. Кузнецова*

ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет»

В статье говорится об информационной системе обработки и хранения диалектных лексических данных. Формулируются проблемы, связанные с отражением на диалектных картах общерусской лексики, очерчиваются направления исследования языкового материала, отражённого в электронном атласе.

Ключевые слова: диалект, диалектология, диалектная лексика, лингвистическая география, диалектная карта.

В ВГСПУ в 2011 г. создана информационная система, ориентированная на наиболее упрощённую, логичную, и продуктивную методику хранения и обработки диалектных данных.

«Лексический атлас Волгоградской области» (ЛАВО) – электронный лексический атлас, доступный в сети Интернет по адресу <http://dialekt.vspu.ru/index.php?q=node/2>. Информационная система реализует перспективную для мировой и российской лингвогеографии методику обработки лингвистических данных, основанную на современных информационных технологиях, использование которых в этой сфере становится всё более актуальным в последние десятилетия.

Создание атласа обусловлено следующими задачами:

а) хранение и обработка диалектного материала, составление диалектных лингвистических карт и работа с ними;

б) оптимизация процесса прохождения диалектологической практики студентами-филологами (одной из её частей, связанной с подготовкой электронной версии материала, собранного в предыдущие годы);

в) популяризация лингвистической географии и диалектологии, «приближение» этих отраслей науки к исследователям языка младшего поколения.

Лингвистическая география исследует границы диалектов и отдельных языковых особенностей, благодаря большому охвату территорий, обладает большими возможностями обобщения, давая тем самым картину диалектного языка. Однако составление атласа – это только первый этап. Второй этап – исследования, которые проводятся по материалам атласов и других лингвогеографических источников.

Диалектология и лингвистическая география в Европе и России в начале XXI в. столкнулась с острой необходимостью инвентаризации и интерпретации с точки зрения различных аспектов лингвистического исследования языковых данных, накопленных за 100 с небольшим лет с момента возникновения лингвогеографии как науки. В настоящий момент слабо проработана методология научного осмысления картографических данных в ареальном аспекте [3, с. 8]: прослеживание, сопоставление и трактовка ареалов, особенностей функционирования единиц с учётом их

пространственной соотнесённости и т.д. Одной из причин указанного недостатка является трудоёмкость процесса составления лингвистической карты (большой объём материала, точная, скрупулёзная работа). На современном этапе развития науки и техники подобная работа без применения компьютерных технологий оказывается несоизмеримо трудоёмкой, вследствие чего отодвигаются сроки её выполнения и результат исследований может «опаздывать».

Современные информационные и компьютерные технологии значительно облегчают процесс обработки диалектного материала и составления лингвистических карт, уменьшают вероятность появления ошибок при обработке, связанных с субъективными факторами.

Обращение к компьютерным и сетевым технологиям в процессе создания диалектологических атласов – перспективное направление современной лингвистики, которое требует преобразования существующей теоретической базы лингвистической географии и ареальной лингвистики.

На картах Лексического атласа Волгоградской области отражена диалектная лексика (содержащаяся в настоящий момент в базе данных) различных тематических групп, собранная в рамках диалектологических экспедиций преподавателей и студентов ВГСПУ в районах Волгоградской области по «Программе собирания сведений для Лексического атласа русских народных говоров» [5]. На картах отражается материал, накопленный течение 20 лет, за время сотрудничества ВГСПУ с Институтом лингвистических исследований РАН, и он пополняется каждый год по мере исследования говоров региона.

Проект находится на стадии разработки, часть карт уже в разной степени обработаны, например, карты 530–539, 541–448 в разделе «Метеорология, астрономия, календарь», карты 3–5, 10–19 в разделе «Растительный мир» и др.

Лексика, нанесённая на географическую карту может быть проанализирована с учётом факторов различного порядка: внутрилингвистических (структурность, нормативность, принадлежность языковых единиц к определённому лингвистическому уровню), внешнелингвистических (принадлежность к той или иной сфере национального языка) и внелингвистических (социальная, культурно-историческая, географическая обусловленность). Электронный атлас предоставляет возможность комплексного, динамического изучения лингвогеографического ландшафта региона.

Поскольку вопросы «Программы» представляют ту или иную часть действительности детально, подробно, система электронного атласа позволяет картографировать и проследивать на картах (при их сопоставлении) функциональные особенности лексем в говорах региона, отслеживать их семантические изменения и структурные преобразования, реализованные в пространстве диалектологической карты.

Возможность одновременного анализа нескольких карт позволяет видеть, что многие лексемы фиксируются более чем на одной карте (на двух или даже трёх), что говорит об их большом семантическом объёме и семантическом варьировании в диалекте. Семантическое варьирование необходимо проследивать по нескольким картам, т.к. большая часть карт атласа – лексические, а не семантические. Структурные же преобразования, результаты словотворчества диалектоносителей возможно проследить по одной отдельной карте.

При недифференцированном лингвогеографическом описании лексики говоров региона (а именно такого подхода мы придерживаемся), когда на карты электронного атласа наносятся и собственно диалектные, и общерусские наименования, анализ карт атласа позволяет проследить особенности функционирования не только собственно

диалектных лексем, но и лексики общерусского фонда, сопоставить эти сферы, выявить различия и пути их взаимодействия как на уровне структуры единиц, так и на уровне их семантики.

Важно отметить, что система ЛАВО является принципиально открытой, т.е. может постоянно пополняться новым материалом.

Однако уже на этом этапе работы над атласом перед нами встают вопросы методологического характера и одновременно формируются отдельные методики работы с лексическим материалом, представленным на картах.

Прежде всего необходимо коснуться проблемы отражения на картах общерусских, просторечных, диалектно-просторечных, интердиалектных наименований и диагностических возможностей карт [3, с. 15] в связи с наличием на них таких единиц.

Безусловно, при составлении лексических карт необходимо учитывать активное влияние литературного языка на диалекты. В современной лингвистической географии принцип недифференцированного описания, к которому приходят в последние десятилетия все большее количество учёных, описывающих систему диалектов, реализуется в полной мере при составлении карт только посредством индексов и комментариев к картам. На саму же карту, по объективным причинам (экономия места) наносятся в первую очередь собственно диалектные наименования. Такое положение дел может, как нам кажется, исказить реальную картину диалекта. На картах электронного атласа посредством масштабирования или изменения размера значков эта проблема может быть решена (в нашем атласе отражаются все наименования), что, однако не снимает вопросов теоретического характера. Эти вопросы связаны с особенностями сбора материала исследователями: одни, услышав необычное слово, записывают только собственно диалектное наименование, что не исключает наличия общерусской лексемы в говоре, другие, не услышав ничего необычного, записывают общерусскую лексему, тогда как возможно бытование в говоре не замеченного собирателем диалектного наименования. Следовательно, вопрос о том, как составить полную и объективную картину говора, остаётся актуальным и при использовании информационных технологий.

Практически на всех обработанных картах ЛАВО присутствуют общерусские наименования, на отдельных картах представлены только общерусские наименования, например, на карте 530 «Состояние атмосферы в данном месте в данное время» – только лексема *погода*.

С указанным выше вопросом связана проблема трактовки ареалов общерусских наименований на карте региона: как расценивать такие явления, как показатель функциональных и семантических различий или как результат недообследованности говоров? Образование ареала лексемой на карте, территориальное ограничение, – это признак, «диалектности» слова, показатель присутствия диалектного различия. Однако ареал, образующийся по причине недообследованности говоров не может являться источником изучения. Поскольку материал карт показывает, что в большинстве примеров общерусское наименование не образует ареала, а имеет большее или меньшее количество фиксаций (с разной степенью плотности) на всей территории области (см. например, карты 532, 533, 535), то ареалы, образованные общерусскими наименованиями на некоторых картах (см. карты 534, 536) мы не можем считать предметом исследования.

Иначе ситуация складывается при анализе семантических вариантов общерусских наименований, не входящих в словарный семантический объём лексемы в

литературном языке. Оттенки значений, появляющиеся в говорах и образующие ареалы на диалектной карте региона, приставляют особый интерес для исследователя. Вопросы «Программы...», в соответствии с которыми составлены карты ЛАВО, представляют ту или иную часть действительности детально, подробно, следовательно, система электронного атласа позволяет картографировать и прослеживать на картах (при их сопоставлении) функциональные особенности лексем в говорах региона, отслеживать их семантические изменения (как, впрочем, и структурные преобразования), реализованные в пространстве диалектологической карты. Анализируемые лексемы, часто фиксируются более чем на одной карте (на двух или даже трёх). Сопоставление таких карт – методика анализа семантического объёма и семантического варьирования слов в диалекте.

Поскольку абсолютное большинство карт ЛАВО в целом (и все обработанные) являются лексическими, семантическое варьирование зафиксированных единиц необходимо прослеживать по нескольким картам: название карты – это формулировка значения зафиксированной на ней лексемы.

Например, лексема *погода*, кроме упомянутой выше карты 530 «Состояние атмосферы в данном месте в данное время» (литературное значение), зафиксирована на картах 531 «Ясная солнечная погода» и 583 «Снег». Два последних примера реализуют собственно диалектные значения семантического диалектизма *погода*. Ещё пример. Лексема *жара* зафиксирована на картах 531 «Ясная солнечная погода», 532 «Жаркая погода, жара, зной» (литературное значение), 533 «Засушливая погода, засуха». Подобных примеров множество и они, безусловно, информативны для исследователя.

Тем не менее, общерусская, просторечная и диалектно-просторечная лексика на диалектологической карте, не образуя ареалов, также представляет собой ценнейший источник исследования. Это своего рода значимый «фон» при анализе карты. Лексическая карта позволяет отслеживать, активность или пассивность в говорах отдельных пластов лексики литературного языка, особенности функционирования некоторых единиц. Информативным оказывается сопоставление карт в плане наличия или отсутствия ареалов и количества фиксаций единиц относительно других, присутствующих на карте. Например, устаревшее и просторечное (в литературном языке) [6, I, с. 145] существительное *вёдро* 'ясная солнечная погода' (карта 531 «Ясная, солнечная погода»), распространено повсеместно на территории области и практически везде фиксируется совместно с одним из общерусских наименований (*ясная погода, солнечная погода*). Это, по нашему мнению, вытекает из функциональных особенностей лексемы *вёдро* как устаревающей и, следовательно, функционально неполноценной: параллельно с ней бытует наименование, относящееся к активному словарю.

В целом количество общерусских единиц на карте в соотношении с собственно диалектными является, как нам кажется, значимым и может быть показательным в плане исследования сохранности диалектной лексики и появления новых диалектных единиц в разных сферах жизнедеятельности человека. Например, на карте 547 «Ненастный (день, погода)» из 8 зафиксированных наименований общерусскими являются 3 (*ненастный, непогожий, пасмурный*) – в разделе «Лексика природы. Метеорология, астрономия, календарь». На карте 15 «Больной, низкий, кривой нестройной лес» из 11 наименований 2 – общерусские (*лес, больной лес*) – в разделе «Лексика природы. Растительный мир». На карте же 5004 «Женский персонаж, обитающий в доме» (в соответствии с муж. *Домовой*) все 7 наименований – собственно диалектные (*домовка, домовая, домовитка, домовиха, домушка, куренька, хозяйка*) – в разделе «Человек. Традиционная народная духовная культура».

Кроме того, собственно объём легенды, т.е. количество зафиксированных наименований на отдельной конкретной карте, при сопоставлении её с другими картами является показателем словообразовательной или семантической активности лексики диалектов в той или иной сфере. Такое сопоставление целесообразно производить как по тематическим группам, так и по лексико-грамматическим категориям. Например, проанализированные карты показывают, что в одной тематической группе «Метеорология, астрономия, календарь» карты, содержащие в легенде прилагательные (например, 543, 544, 546) показывают в целом меньшее количество единиц (3-5), чем карты, на которых отражены существительные и глаголы (например, 536, 537, 550, 551 – 5-15 единиц).

Таким образом, в настоящем исследовании мы отметили ряд вопросов, касающихся представления на диалектологической карте региона в системе ЛАВО общерусских, просторечных и диалектно-просторечных наименований. Как нам кажется, все сказанное актуально не только для изучения лексики Волгоградской области, а для методологии лингвогеографического исследования лексики говоров в целом.

Всё сказанное является лишь одним из множества аспектов, в рамках которых возможно анализировать лексику региона (более или менее обширного) в аспекте лингвогеографии. Так, например, не менее интересным представляется исследование явлений словообразования на лексической карте: активное порождение диалектами новых лексем в говорах позднего формирования, в том числе диалектные новообразования от общерусских производящих; ареалы структурных моделей и словообразовательных гнёзд; единичные наименования на карте поддержанные словообразовательным гнездом и моделью.

Отдельный аспект – исследование ареалов: их расположения (например, ареалы словообразовательных и семантических новообразований в крайних восточных регионах области), структуры, величины и соотношения (например, совпадающие ареалы словообразовательной модели на разных картах или компенсирующие, дополняющие друг друга ареалы однокоренных единиц на одной карте).

Итак, диалектный лексический материал, визуализированный в виде карты, даёт возможность комплексного взгляда на жизнь диалектов, возможность учёта как собственно языковых, так и экстралингвистических факторов их развития.

Кроме рассмотренной научной ценности система ЛАВО может помочь решить проблему преемственности исследований, привлечения к научной работе студентов и школьников и популяризации лингвистической науки.

Разработанная система предоставляет пользователю всю имеющуюся информацию в удобном виде, что делает возможным её применение в учебном процессе вуза, в рамках диалектологической практики студентов, так как позволяет преподавателю осуществлять контроль деятельности студентов. В 2010-13 гг. эта функция системы была апробирована: студенты успешно вносили ранее собранный материал на карты электронного атласа.

В дальнейшем каждый год система будет пополняться результатами новых обследований говоров, тем самым будут «дорисовываться» лингвистические карты. Причём в этой работе могут участвовать также учителя-филологи и ученики сельских школ в районах области. Собирая материал на местах, они смогут сразу вносить его на атлас и после одобрения администратора видеть результат своей работы на картах.

Помимо упомянутой выше открытости системы (возможности постоянно пополняться материалом), она обладает ещё одной важной особенностью: общедоступность (для просмотра). В сумме эти черты обеспечивают электронному

атласу возможность быть постоянным источником картографического материала и служить базой лингвистических исследований разного уровня.

Следовательно, атлас является не только результатом объединения разных наук, но и может способствовать объединению в одной науке людей разных социальных групп и учёных, работающих на разных уровнях лингвистики: от школы до академии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баранникова Л.И. Говоры территорий позднего заселения и проблема их классификации / Л.И. Баранникова // Вопросы языкознания, 1975. – № 2. – С. 22 – 31.
2. Бородина М.А. Проблемы лингвистической географии (На материале диалектов франц. яз.) / М.А. Бородина. – М.-Л.: Наука, 1966. – 219 с.
3. Вендина Т.И. К вопросу о диагностических возможностях карты / Т.И. Вендина // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2009 / Ин-т лингв. Исслед. – СПб.: Наука, 2009. – С. 7–30.
4. Кудряшова Р.И. Специфика языковых процессов в диалектах изолированного типа (на материале донских казачьих говоров Волгоградской области): монография / Р.И. Кудряшова. – Волгоград: Перемена, 1998. – 93 с.
5. Программа собирания сведений для Лексического атласа русских народных говоров: научно-методическое пособие / отв. ред. И.А. Попов. – СПб.: Изд. ИЛИ РАН, 1994. – 366 с.
6. Словарь русского языка: в 4 т. / РАН, Ин-т лингв. исслед.; под ред. А.П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – М.: Рус. яз.: Полиграфресурсы, 1999. – Т.1–4.

Поступила в редакцию 11.11.2017 г.

ELECTRONIC DIALECT ATLAS: PROBLEMS AND PROSPECTS

E.V. Kuznetsova

The article focuses on the information system of processing and storage of dialectal lexical data. The issues associated with reflection on dialect maps of the all-Russian vocabulary are formulated, the areas of study of the language material presented in the electronic Atlas are outlined.

Key words: dialect, dialectology, dialectal vocabulary, linguistic geography, dialect map.

Кузнецова Елена Валентиновна

Кандидат филологических наук, доцент
ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный
социально-педагогический университет»
Кафедра русского языка и методики его
преподавания
e-mail: kev7-78@mail.ru.

Kuznetsova Elena Valentinovna

Candidate of Philology, Associate professor
Volgograd State Socio-Pedagogical University
Department of the Russian language and its teaching
methods
e-mail: kev7-78@mail.ru

УДК 811.161. 1*27(470.325)

К ВОПРОСУ О СТРУКТУРЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ И ПРИНЦИПАХ ЕЕ ФОРМИРОВАНИЯ

© 2018. Н.П. Курмакаева

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк

В статье представлены соображения автора об объёме понятия «современная региональная языковая личность» в проекции на сложившуюся культурно-историческую и гуманитарно-образовательную ситуацию в Донбассе. Обосновываются компонентный состав и принципы формирования данного феномена. Ставятся вопросы о коррекции в образовательных программах лингвистического цикла в вузе с целью повышения статуса такой личности.

Ключевые слова: региональная личность, структура региональной языковой личности, регионоведческая компонента, текстоцентризм, принцип уникальности личности.

В последнее время в жизни нашего общества после долгих лет нигилистического отношения к понятиям *патриотизм, национальная гордость, национальное самосознание* отмечается положительная тенденция возвращения человека к своим историческим и культурным истокам [1, с.102-103; 3, с. 134; 6, с. 10-11; 11, с. 88-89 и др.]. Это определяется по всё возрастающему интересу русских людей к их малой родине, её культуре, истории, языку. Вновь актуальным стало высказывание Н.М. Карамзина: «Россия сильна провинцией». Во многих регионах России активному возрождению краеведения способствует научно обоснованное направление в гуманитарном секторе – лингворегионоведение, «которое рассматривается современными филологами и лингвометодистами в качестве реального пути изучения и преподавания родного языка через призму культуры» [10, с. 8]. Лингворегионоведение – раздел науки о языке, целью которого является изучение языковой ситуации конкретного региона, «отмеченного лингвокультурной спецификой» [2, с. 3].

В центре этой науки стоит языковая личность (в терминологии Ю.Н. Караулова). Языковую личность, наделённую регионоведческой компонентой, предложено называть «региональной языковой личностью» [8, с. 82]. Региональная личность в её современном понимании – это не серый, безликий провинциал с узким кругозором и скудным запасом не вполне литературных слов (хотя и таких значительное количество). В истории цивилизованного мира ее представители неоднократно поднимались на большие высоты, не забывая о своем происхождении. Вспомним из отечественной истории имена М.В. Ломоносова, В.И. Даля, К.Э. Циолковского, С.П. Королева и др. Среди них немало и наших земляков из Донбасса: организатор киноиндустрии, продюсер, режиссёр, сценарист А.А. Ханжонков, композитор с мировым именем С.С. Прокофьев, оперный певец А.Б. Соловьяненко, мировой чемпион по тяжёлой атлетике и писатель-публицист Ю.П. Власов и мн. др. А если помнить, что величие твоей родины «определяется величием поступков её представителей и могуществом духа всего народа» [1, с. 107] в самые ответственные моменты её истории, то региональная личность наполняется особым содержанием, приобретает отнюдь не периферийную значимость. И тут на память приходят имена знаменитых шахтёров Н.А. Изотова, А.Г. Стаханова,

И.И. Стрельченко, машиниста П.Ф. Кривоноса, трактористки П.Н. Ангелиной, педагога-новатора В.Ф. Шаталова, звезды мирового балета В.Я. Писарева – список бесконечен, как бесконечна самоотверженность носителей этих фамилий. Неоценим их вклад в развитие того дела, которому он посвятили и отдали свою жизнь, прославляя своим героическим трудом и талантом в том числе и донецкую землю.

Они доказали, что, как правило, из регионов поступают важные инициативы: трудовые, общественные, культурные, научно-методические и прочие, которые подхватываются всем социумом или соответствующей его частью. Так, совсем недавно из далёкого сибирского Томска пришла акция «Бессмертный полк», распространившаяся за короткое время не только по просторам России, но по всему миру. Новосибирск дал старт тотальному диктанту, с каждым годом расширяющему свою географию. Белгород предложил проведение научно-практических конференций по обмену мнениями и результатами изучения самых различных гуманитарных фактов и явлений в «региональном преломлении», т.е. по регионоведению [10, с. 8].

Условия, в которые поставлены русский язык и русская культура на территориях бывших советских окраин, с некоторых пор у их жителей – носителей русского языка – детерминируют просто критическое обострение национального самосознания. Нужно признать, что это пока ярко выражается только в отстаивании своего права говорить на родном языке и оставаться в русском культурном пространстве. Однако слабо распространяется на такие составляющие данного феномена, как знание истории малой родины, ее топонимии, персониферы, идиоматики и проч. Сохраняется ситуация, когда не разбужен у живущего на этой земле подлинный интерес к прошлому и настоящему своего края, нет острого желания понять, кто мы. Срабатывает десятилетиями формировавшийся стереотип о монолитной русской культуре с центром в Москве. Активно проходивший в своё время процесс «гиперцентрализации» страны (в терминологии проф. Р.Р. Чайковского из Магадана [9, с. 156]) как в аспекте эталонизации культурных феноменов, так и в аспекте утверждения единых образовательных стандартов привёл к тому, что и в школах, и в вузах русский язык и русская литература стали изучаться почти исключительно на текстах, имеющих отношение к общему национальному достоянию, но не отражающих культурно-языковую специфику региона проживания учащегося. Более того, как справедливо пишет профессор Белгородского университета В.К. Харченко, «при планировании и осуществлении научно-исследовательской деятельности мы также ориентируемся “на Москву” и за границу, не подозревая подчас (или забывая), что и региональный вуз в своём исследовательском порыве может выйти на весьма достойный уровень» [8, с. 81-82]. И главную задачу здесь она видит в поддержке региональной личности.

Рассуждая о структуре региональной языковой личности, В.К. Харченко предлагает для повышения её статуса обогатить это понятие через развитие таких прикладных аспектов филологии, как изучение «семейного родословия, фелицитарной лингвистики, пассионарной личности». В первом случае регионоведческая компонента подкрепляется «интересом к роду, семье и соответственно составлением семейного родословия»; второе направление – «это поддержка дефицитного сейчас в социуме оптимизма», то есть управление «коллективным бессознательным» через работу с соответствующими языковыми фактами; третье направление связано с пополнением личной персониферы

«региональными и всенепременно пассионарными образами великих земляков, рассказами о них и личным интересом к их судьбе» [8, с. 82-83].

Безусловно, предложения В.К. Харченко следует изучить и принять, поскольку они направлены на воспитание патриотической региональной языковой личности, бережно относящейся к своим корням. В развитие поднятой проблемы образ региональной языковой личности необходимо дополнить ещё некоторыми важными, на наш взгляд, компонентами.

Предварительно отметим, что в связи со сменой акцентов по линии «изучение языка – изучение речи, текста, дискурса» заметны перемены в современном языковом образовании: от изучения отдельных языковых явлений и фактов, описания их свойств в системе, которой они принадлежат, к изучению их функциональных особенностей и потенциальных возможностей в речи, в тексте. Иначе говоря, текстоцентрический подход, наблюдаемый в процессе лингвистического обучения, даёт учащемуся возможность осмыслить текст не только как единицу языка и речи, но и как единицу культуры, в которой отражается определённая картина мира как самого автора, так и того социума, к которому он принадлежит. А это значит, что в текстах заложен значительный потенциал лингвокультурологических возможностей, в том числе для воспитания региональной языковой личности при условии правильного, грамотного подбора текстов для изучения. Потому важнейшей регионоведческой компонентой нам представляется знание текстов о родном крае известных художников слова и местных авторов, изучение и постижение созданной ими картины мира, узнаваемой, близкой или даже родной читателю, а возможно только открывающейся перед ним и потому особенно захватывающей. В этом смысле считаем удачным и полезным опыт проведения в начале нынешнего учебного года входного контроля на всех первых курсах в виде диктанта на регионально-историческую тематику (отрывок из рассказа А.И. Куприна «В огне»), содержание которого ярко, образно и предельно точно передаёт картину будней Юзовского металлургического завода конца 19-го века. Текст диктанта включает специфическую тематическую лексику, отражающую колорит Донбасса как промышленного региона и ставшую неотъемлемой частью его лингвокультуры. Этот опыт стоит продолжить, знакомя студентов с произведениями, воссоздающими славную историю городов и поселков Донбасса, с жизнью и подвигами известных жителей региона, с освящённой суровостью труда и быта лингвистической незамысловатостью речевого тканья. А поскольку текст является основным источником, а его анализ – основным способом формирования лингворегионоведческой компетенции, то на занятиях по русскому языку и культуре речи регионально ориентированный текст должен занять свое заметное место. Задача наших филологов на ближайшую перспективу – собрать максимально полную картотеку текстового материала.

Одновременно происходит обогащение персониферы малоизвестными именами тех, кто когда-либо прославил своим трудом или подвигом не только себя, но и свою малую родину. Здесь культуроведческий аспект пересекается с регионоведческим, высвечивая гуманистическую направленность учебного процесса, всецело способствуя реализации воспитательного потенциала языка.

Важной составляющей региональной языковой личности следует признать осведомлённость в исторических фактах и событиях, имевших место на данной территории в разные периоды её развития. Как показывает проведённый недавно опрос студентов младших курсов исторического факультета, эти знания скромны

(далеко не всем удалось вспомнить три исторических события, связанных с нашим краем), нередко общи (часто без дат, ещё чаще региональные события подменяются общегосударственными: революция, индустриализация, коллективизация и под.), а подчас и неточны (путаница в названиях, датах, написании). Конечно, основная нагрузка по выравниванию ситуации приходится на историков, но и филологам есть с чем работать. Опять выручить могут тексты исторической, мемуарной, публицистической, научно-популярной направленности.

Региональная личность, как правило, владеет основной топонимией родного края. Географические объекты и их официальные и народные названия усваиваются жителями с детства. Данные опроса показали в целом неплохие результаты, однако высветили и проблемы: «хромающая» орфография, слабые ориентиры на местности, «убывание народной памяти». К сожалению, пласт народных названий из области микротопонимии представлен в анкетах слабее всего. То, что не зафиксировано в официальных источниках, грозит исчезнуть в следующем поколении живущих. А ведь это история места, история жителей края, порой целая эпоха. Сама собой напрашивается задача регистрации, сбора, описания и систематизации в виде словарно-методических материалов всех возможных фактов «народной» топонимии, гидронимии, урбанонимии, эргонимии и прочих лексических «визиток» региона.

В деле воспитания грамотной региональной языковой личности незаменимыми, более того – бесценными, могут оказаться труды Е.С. Отина, отдавшего полжизни на изучение наименований самых различных географических объектов Восточной Украины (и не только). Знакомство с этюдами о Юзовке (Юзово) – Сталино – Донецке, о Кальмиусе, Калке и Каяле, о Саур-могиле, об ильменах и лиманах, а также многом другом в географии Донетчины не только поможет восполнить и уточнить топонимическую лексическую систему индивида, но и даст глубокое научное представление об исследуемом описанном, его истории, развитии, трансформациях. Например, поможет разобраться в соотношении *Саур-могила* и *Саур-Могила*, чтобы быть точным в употреблении такого рода вариантных наименований, связанных метонимически: первое – название возвышенности, второе – поселение недалеко от неё [Отин, с.426]. Разъяснение подобных фактов – прямая задача преподавателя-лингвиста.

Самая главная региональная компонента, безусловно, заключается в языке его носителя, в его лексико-семантической, фонетико-орфоэпической, грамматической, стилистической составляющих. Следует признать, что речь коренного пожилого жителя Донбасса, звучащую по радио или телевидению, трудно спутать с русской речью киевлянина или москвича. «Образцом» такой колоритной донецкой речи всегда были выступления мэров Донецка В.В. Рыбака и А.А. Лукьянченко. Эти особенности ещё только предстоит зафиксировать, систематизировать и изучить. Секретами подобной работы могут поделиться коллеги из Белгорода [10], в частности Т.Ф. Новикова [4], много сделавшая в этом направлении.

Опрос студентов и школьников показал, что знаний в области местного лексикона и фразеологии у молодёжи немного. Как правило, они ограничиваются несколькими дежурными словами типа *тормозок*, *тремпель*, *ставок* и выражениями, ставшими классикой: *Донбасс никто не ставил на колени и никому поставить не дано; Донбасс порожняк не гонит; Вышел в степь донецкую парень молодой*, а также речовками наподобие: *За вас, за нас и за Донбасс; Всё будет Донбасс!* Однако в общей сложности создаётся определённое поле региональных слов, приведём некоторые: *дитё*, *коногонка*, *лузга*, *лушпайки*, *маячня*, *муляка*,

скибочка, стулка, часнИк, шАнтраАна, шахА, штакета; буцнуть, воикатъся, замахаться, куёвдиться, метушиться, сёрбать, шокать; брехливый, копытные, пор[э]панный, щАвлевый (сун). Некоторые похвастались неплохим запасом фразеологии, крылатизмов и паремий: *с террикона свалился; Поколение молодое прославится в забое; Шахтёрский забой – фронт передовой; Что ты знаешь о солнце, если в шахте ты не был; Закон шахтёрский не забудь: стыдись работать как-нибудь; Будь в лаве как в бою, прославь родину свою* и др. Работу в этом направлении следует интенсифицировать. Совершенно определённые задачи должны быть сформулированы для предстоящих социолингвистических практик, во время которых хорошо бы записывать «живую» речь, особенно тщательно фиксируя «бытовые изюминки», «семейные» слова и выражения.

Успех в реализации регионоведческого подхода в обучении языку и культуре речи, а следовательно, и в воспитании региональной языковой личности может быть достигнут при соблюдении ряда принципов. Один из них уже был назван – текстоцентризм. Дело остаётся за главным: отобрать регионоцентрические по содержанию и/или форме тексты, снабдить их заданиями и упражнениями; определить круг фоновых регионоведческих или культурологических знаний, необходимых для лучшего восприятия и понимания этих текстов.

Второй принцип – систематичность и комплексность в работе над подобным материалом. Систематичность – значит, использование регионального материала по возможности при изучении каждого раздела языка, поощрение студентов, использующих такой материал, иллюстрирующих теоретические выкладки примерами из региональных текстов. Комплексность предполагает выход на цельную, замкнутую на науку систему работы вплоть до написания рефератов, курсовых, бакалаврских и магистерских работ по лингворегионоведению. От преподавателя-лингвиста потребуется сформулировать тематику соответствующих научных сочинений.

Третий принцип – междисциплинарность в подходе к изучаемому материалу. Регионоведческая компонента в структуре языковой личности предполагает, как было отмечено выше, знание географии, истории, культуры родного края, а не только особенностей языка его жителей. Следовательно, и тексты, привлекаемые для языкового разбора, должны быть не только художественными, а и принадлежащими к другим стилям и жанрам.

Четвёртый, на наш взгляд, очень важный в такой работе принцип сформулировала В.К. Харченко в [7], но по отношению к иной учебной ситуации – принцип уникальности личности (уточним – региональной языковой личности), заключающийся во внимательном «отношении к речи окружающих», в уважении «к языковым особенностям того, с кем ведёшь беседу», в избавлении «от поверхностного восприятия чужих слов». Включение в работу данного принципа дает стимул исследователю к правильной самоидентификации, в первую очередь, и к правильному выстраиванию своего поведения в момент работы по сбору языковых фактов – во вторую. Это одновременная «разведка» как собственной индивидуальности, так и сильных сторон собеседника, это ориентир на бережное собирательство языковых сокровищ, настрой на серьёзное и ответственное отношение к делу. Только так возможно воспитать близкую к идеальной региональную языковую личность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Макарова А.А. Русская ментальность: пути и источники ее изучения / А.А. Макарова // Современные тенденции функционирования русского языка и культура речи вузовского преподавателя: Материалы Всероссийской научной конференции. В 2-х ч. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2006. – Ч.1. С. 102 – 105.
2. Новикова Т.Ф. Лингворегионоведение / Т.Ф. Новикова // Часть 1: программа и программно-методические материалы. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2010. – 76 с.
3. Новикова Т.Ф. Регионоведческая проблематика школьных исследовательских проектов по русскому языку и литературе / Т.Ф. Новикова // Моделирование внеурочной деятельности в образовательном процессе начальной школы: материалы региональной научно-практической конференции. – Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2015. – С. 134 – 138.
4. Новикова Т.Ф. Новые формы сосредоточения и сохранения регионоведческой информации филологического содержания / Т.Ф. Новикова // Язык и культура региона как составляющие образовательного пространства: Материалы II Международной научно-практической конференции. – Белгород, 2017. – С. 42 – 46.
5. Отин Е.С. Избранные работы / Е.С. Отин. – Донецк: «Донецчина», 1997. – 470 с.
6. Трофимов В.К. Душа России: истоки, сущность и социокультурное значение русского менталитета / В.К. Трофимов. – Изд. 2-е. – Ижевск: ФГОУ ВПО Ижевская ГСХА, 2010. – 408 с.
7. Харченко В.К. О языке, достойном человека: учеб. пособие / В.К. Харченко. – М.: Флинта; Наука, 2010. – 160 с.
8. Харченко В.К. Регионоведческая компонента в структуре языковой личности / В.К. Харченко // Язык и культура региона как составляющие образовательного пространства: Материалы II Международной научно-практической конференции. – Белгород, 2017. – С. 81 – 85.
9. Чайковский Р.Р. Метрополия и регионы: проблемы взаимодействия / Р.Р. Чайковский, Л.И. Чайковская // Образование на Севере: проблемы и перспективы. Материалы международной конференции. – Магадан: СМУ, 2002. – С. 156 – 159.
10. Язык и культура региона как составляющие образовательного пространства: Материалы II Международной научно-практической конференции (г. Белгород, 18-20 мая 2017 г.) / отв. ред Т.Ф. Новикова. – Белгород: ООО «Эпицентр», 2017. – 328 с.
11. Яцкина Е.А. Пути и принципы краеведческого подхода в языковом образовании / Е.А. Яцкина // Язык и культура региона как составляющие образовательного пространства: Материалы II Международной научно-практической конференции – Белгород, 2017. – С. 88 – 91.

Поступила в редакцию 10.12.2017 г.

ON THE STRUCTURE OF REGIONAL LANGUAGE PERSONALITY AND PRINCIPLES OF ITS FORMATION

N.P. Kurmakayeva

The article presents the author's views on the scope of the concept “modern regional linguistic personality” as reflected in the current cultural, historical, humanitarian and educational situation in Donbass. The phenomenon structure and principles of its formation are substantiated. The article raises questions about changes in the university linguistic academic programmes in order to improve the status of such a personality

Key words: regional personality, structure of the regional language personality, regional studies component, text-centrism, principle of the uniqueness of personality.

Курмакаева Нина Петровна

Кандидат филологических наук, доцент
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
Доцент кафедры русского языка
e-mail: kurmakayeva@mail.ru

Kurmakaeva Nina Petrovna

Candidate of Philology, Associate Professor
Donetsk National University
Associate Professor of the Russian language
Department
e-mail: kurmakayeva@mail.ru

УДК 81'373.21

ФОРМИРОВАНИЕ ЯЗЫКОВОЙ И ОНОМАСТИЧЕСКОЙ НОРМЫ В УСЛОВИЯХ ПРИРОДНОЙ ВАРИАТИВНОСТИ НАЦИОНАЛЬНОГО ЯЗЫКА

© 2018. *В.И. Мозговой**ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк*

В статье рассматриваются проблемы нормативности в контексте территорий, вычлененных из общепринятого национального языка и нацеленных на развитие своей самобытности в условиях сохранения и упрочения связи с метрополией. Актуальность темы обусловлена тем, что языковая норма определяется не теорией национального варианта русского языка (действовала в условиях украинского Крыма) или региолекта единого русского языка (действует в ДНР), а либо ее соответствием национальному языку как средству духовной общности на основе языкового и культурного многообразия, либо на основе формирования правовых механизмов передачи культурного потенциала сложившейся исторически оимной лексики, принятых всеми носителями национального языка как средства общности. Приводятся примеры неудачного экспериментирования политиков с региональным оимным фондом. Определяются перспективы дальнейших исследований в этой области.

Ключевые слова: ономастическая норма, региолект, вариативность национального языка, языки национальностей, правовая ономастика, ложная номинация.

Вступление русской лингвистики в XXI век ознаменовалось повышенным интересом исследователей к проблеме речевых вариантов в пределах одной языковой системы. Это наглядно демонстрирует появление огромного количества таких терминов, как литературный язык, диалект, жаргон, койне, суржик, просторечие, сленг, арг, обценная лексика, региолект, национальный язык, национальные варианты, и «раскачивание» литературной нормы в условиях двух противопоставленных процессов: а) глобализации и б) национальной обособленности территорий, входящих в состав метрополий.

Реалии глобализации коренным образом изменили отношение к языковой норме. Изначально нацеленный на унификацию, литературный язык постепенно превратился в абстракцию. Им стали пользоваться (и то не всегда) в условиях нейтрального, чаще опосредованного официального и культурного общения. В реальном же диалоге с конкретным коммуникантом и в конкретной ситуации «литературная абстракция» дополнялась всеми имеющимися в арсенале языка средствами, вплоть до жаргона, просторечия и диалекта. Сначала этот вполне объяснимый для сегодняшнего дня процесс был инициирован горожанами и интеллигенцией, осознающими значение норм, но нарушающими их в зависимости от речевых ситуаций и позиционирующих себя в качестве «билингвов» и «полилингвов».

Но **стремление к национальной обособленности территорий**, опирающееся на внутренне созревшую тенденцию к поиску национального «я», ещё более катализировало процесс переформатирования норм. Внешне внедрённый «вирус» национальной исключительности, охвативший так или иначе все слои общества, стал сопровождаться «мультилингвализацией» и смещением акцентов в политико-идеологическую плоскость: «...Метрополийный язык (русский в странах бывшего СССР, сербохорватский в странах бывшей СФРЮ и т.д.) получил в тех новых государствах, в которых он был в период «совместного проживания» либо только средством межнационального общения, либо

языком национального меньшинства, а иногда и тем, и другим, новый политический статус, новые параметры существования и развития» [7, с. 117].

Так, русский как родной в Украине стал презентовать как иностранный, постепенно приобретая признаки табуированного, и, наоборот, идеологический вектор изучения американско-английского языка все активнее внедрялся в практику общения и преподавания. Понятия «родной» и «неродной» стали настолько зыбкими, что главная составляющая русского, славянского и восточнославянского единства – духовная общность – была подточена эрозией недоверия. Традиционные нормы языковой жизнедеятельности подверглись чудовищному прессу со стороны государства, вплоть до его исчезновения.

Как альтернатива эскалации конфликтности между формой общения на русском языке и внешне инициированному неприятию культурно-языковой составляющей, постепенно вызрела новая социальная доктрина, исходящая из природы русского языка, стремящегося к взаимообогащению и общности культур, а не к их обособлению, поглощению или слиянию.

Наиболее ярко она была представлена лингвистами Крыма и Донбасса, опирающимися на концепцию **национального варианта русского языка** (А.Н. Рудяков) или **региолекта единого русского языка** (В.И. Теркулов). Несмотря на взаимную неготовность их авторов к восприятию противоположной точки зрения, можно констатировать, что между ними было гораздо больше общего, нежели отличного: оба взгляда были направлены на сохранение русского языка в условиях его отторжения украинской государственной идеологией.

Можно поэтому критиковать А.Н. Рудякова, который объявил русский язык национальным вариантом украинского (хотя под «национальным» автор, очевидно, имел в виду не «украинский», а «действующий на территории Украины») [6], однако нельзя отрицать, что таким образом он защищал Русский мир в украинском Крыму.

Можно возражать против концепции «русского региолекта» В.И. Теркулова [7], ибо русский язык ДНР задекларирован как государственный и в этом смысле должен постепенно приобретать черты национального, отмежёвываясь от первичного значения региолекта как «...речи жителей средних и малых городов, в которой в значительной мере ощущается влияние местных говоров и присутствуют следы просторечия»,¹ однако нельзя отвергать её значение для развития Русского мира на территории, где формируется новая государственность.

Но нужно и можно утверждать, что новые реалии на постсоветском пространстве (а тем более в Крыму и Донбассе) требуют корректировки старых норм, на которые пока ещё ориентируется языковая политика. Поскольку в сегодняшнем российском Крыму русский язык не является «вариантом украинского», а статус региолекта русского языка в ДНР не может быть скопирован с модели его функционирования в России, очевидно, что констатация политических подходов к нему уже не в состоянии определить действительное место и значение русского языка в регионе и мире.

¹Термин «региолект», предложенный А.С. Гердом для обозначения речи жителей средних и малых городов, в которой в значительной мере ощущается влияние местных говоров и присутствуют следы просторечия, отличается от местных территориальных диалектов тем, что он распространён на большей территории – в группе крупных городов, расположенных недалеко друг от друга. В то же время от речи, наблюдаемой в больших городах, его отличает относительное единообразие, поскольку его носителями являются местная городская интеллигенция и служащие административных учреждений [1].

Особым смыслом наполняется поэтому **концепция русского национального языка**, который перешагнул границы территорий и государств, не ограничен формой общения, но стал формировать культурно-психологическую и мировоззренческую общность у разных народов, стран и их языков. Скорее, это тип мышления, проявление философии и психологии определённого народа, который может реализовываться в разных языковых системах (литературном языке, диалектах, жаргонах, региолектах и т.п.) и даже любых проявлениях «русской по духу» культуры (живописи, музыке, архитектуре, танцах и т.п.).

В этом смысле культурную общность с Русским миром и внутринациональное единство может обеспечить только языковое многообразие, поскольку его искусственное ограничение приводит государство и народы, его населяющие, в состояние упадка. И наоборот, чем больше форм выражения национального сознания, тем богаче нация, устойчивее государство, и тем ярче представлен национальный язык.²

Вот почему естественной нормой развития национального языка является его открытость и вариативность при условии, что они не провоцируют социальные конфликты. Существует два главных типа норм, способных адекватно передать особенности национального языка:

1. Первый тип связан с речевыми вариантами внутри одной языковой системы, имеющими право на существование, если они не взламывают её и не противоречат социальному вектору развития национально-языковых коллективов.

Так, появление в национальном русском языке вариантов, типа *мой кофе* и *моё кофе*, *об этом* и *про это*, *в Донбассе* и *на Донбассе*, *что* и *шо*, *нет* и *не*, соответствует как статике грамматической (*кофе* – м.р. // с.р., *о* – П.п. // *про* – В.п., *в* // *на* – где?), фонетико-графической (*что* // *чо* // *шо*) или лексическо-грамматической систем (*хлеботор*, *бутцы*, *шузы*), так и социальным изменениям (*маркетинг*, *менеджмент* – под влиянием рыночной экономики; *сюрреализм*, *импрессионизм*, *кубизм* – при появлении новых направлений в искусстве и т.п.). Вот почему они могут не приниматься литературным языком, но вписываться в нормы национального языка, фиксируя его реальную жизнь в диалектах, просторечии, региолектах или жаргонах.

2. Второй тип оперирует вариантами номинации одной онимной культуры, связанной с другими проприальными культурами абсолютной открытостью. Изменения в структуре конкретного имени собственного (СИ) возможны поэтому только в случае, если они не разрушают сам объект номинации, его адресную и информативную функцию, хотя выполнить такую рекомендацию очень сложно: максимальная «свобода» в онимотворчестве рождает вполне объяснимую для норм орфографии условность.

Это подтверждает название донбасского посёлка *Константинополь*, которое в украинской письменной традиции передаётся формой *Костянтинопіль*. И это кажется правильным, если придерживаться норм украинского произношения (упрощение,

²Национальный язык как явление культуры нельзя путать с оценкой языков в контексте национально-языковой политики: языками национальностей как языками компактного проживания граждан определённой национальной группы на оконтуренной территории (которые несправедливо объявлены языками национальных меньшинств, куда попал и русский язык); государственным или государственными языками, которые понимает большинство граждан определённого государства; официальным языком как языком юридических документов, представляющих государство на межнациональном или международном уровнях; региональным языком, который понимает большинство населения определённого региона (как правило пограничного) или нетерриториальным языком, не связанным с границами его распространения [2]. Очень проблематичным в этом смысле выглядит спор о том, что первично: государство, нация или национальный язык. Безусловным является лишь утверждение, что без национального языка не может быть нации (и в этом смысле он первичен) и что национальный язык может существовать вне собственного государственного образования, стимулируя федерализацию.

чередование [o], [e] с [i]). Но если посмотреть на название с точки зрения национального языка, который обязан передать информацию о римском императоре Константине и названном в честь него «полисе», языковая вариативность превращается в ложную номинацию, стирающую целую эпоху греческой истории.

Проблема онимных норм, перенесённая в языковую плоскость «грамотной» фиксации на письме обычных слов, не выдерживает критики. Во многих случаях неясным оказывается сам процесс номинации, которому могут быть подвержены любые предметы и объекты. Именно так в класс онимов «перекочевали» названия, не имеющие отношения к собственным именам:

- номинативные предложения, не обладающие адресной функцией, в которых акцентирован денотат, но нет самой номинации, типа *Салон обуви, Парикмахерская, Продмаг, Гастроном, Химчистка*;

- названия, типа *Продукты, Пиво, Электротехника*, которые не выделяют конкретный объект из серии подобных;

- ложная и гибридная номинация, манипулирующие прописными буквами и кавычками: *Министр связи, Глава городской администрации, Заместитель Министра культуры, МОУ «Школа №7 города Донецка, МУНИЦИПАЛЬНОЕ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ «ШКОЛА № 16 ГОРОДА ТОРЕЗА», ВУЗ, Центральный Республиканский Банк, кафедра «Интенсивного обучения иностранным языкам №2 Минского государственного лингвистического университета», Хлебобулочные Изделия, Свадебный салон «Только Для Тебя»;*

- подмена реальных СИ ложными при эквивалентной передаче или переводе: *Дмитрий – Дмитро, Николай – Микола, Александр – Олександр, Екатерина – Катерина, Красный Молочник – Червоний Молочар, Рассвет – Світанок – Свитанок* и т.п. (подробней об этом см. [5]).

Ложные СИ появляются там, где номинатором выступают облечённые властью политики, игнорирующие права реального собственника [4], и тогда, когда ономастика, предпочитая **описывать** существующие способы номинации (в том числе неправильные), по сути, **узаконивает ошибки**, вместо того, чтобы **устанавливать и отстаивать социальные нормы их передачи** в историко-культурном и правовом пространстве. Двусмысленность «псевдонимов» в этих случаях расцветают пышным цветом, разрушая реальность и превращая её в иллюзорное языковое пространство, в котором вынуждено жить общество [3].

Таким образом, проблематичность существования современного онимного мира, связанная с пассивным отношением науки об именах к их формированию, требует коренного пересмотра принципов нормирования СИ. На данный момент речь идёт, как минимум, о трёх этапах их выделения из общей лексики:

1. Регистрация собственника. Она позволяет определить СИ как языковой аналог представлений о явлениях «очеловеченного» мира, связанных с правовыми отношениями в обществе (указанием на адрес, на собственника или собственников, на количество компонентов, передающих информацию о денотате и т.п.), который противопоставлен лексическим связям в составе нарицательных имён (НИ). Этот процесс фиксируется на письме при помощи прописной, строчной и заглавной букв: *рыболов – магазин «Рыболов», английская булавка – Английский банк, генерал – ул. Генерала Антонова, Булонский лес – город Чешский Лес, Молочный магазин «Бурёнушка»* и т.п.

2. Поиск реального собственника. Он предполагает деление онимов на собственные и условно собственные, фиксирующие реальных и вымышленных собственников:

- реальные собственники предполагают существование обязательных норм их фиксации в документах (*Донецк, Горловка, Никита, Лидия*), даже с ошибками, если они вводятся в официальный контекст (*Бар «Пивко», Ресторан «Дярёвня», Магазин приятных покупок «Рай Центр»*);

- ненастоящие собственники оперируют между тем только авторскими нормами в виде внешних интерпретаций или вымысла, фиксируемых в разговорной или художественной речи (*Сергей – Серый, Михаил – Мишаня, Константиновка – Констаха, Бабаёшка, Петербург – Северная столица, Катюха* и т.п.). Вот почему в официальном контексте *Александр* не может быть зарегистрирован как *Олександр, Алекс* или *Алёша*;

3. Оценка субъектно-объектной принадлежности СИ, которая отделяет антропонимы от остального онимного мира.

Антропонимный мир фиксируют субъектные отношения, идентифицируя в восточнославянской традиции конкретного обладателя имени, фамилии и отчества. Для него понятие перевода не существует, как не может существовать в праве двух абсолютно одинаковых физических лиц. Вот почему формы *Елена* и *Олена*, *Олейников* и *Алейников*, *Дементьев Вячеслав* и *Демент'ев В'ячеслав, Николаевич* и *Миколайович*, зафиксированные в паспорте, лишают его юридической силы. Изменение в антропонимах могут касаться лишь уровня языковых соответствий: русск. *Юрьевич* – укр. *Юрійович* (отец в любом из вариантов остается *Юрием*), укр. *Микола* – русск. *Микола* (а не *Мыкола*), русск. *Шевченко Тараса* – укр. *Шевченка Тараса* (для украинской формы склоняемость субъекта мужского пола обязательна) и т.п.

Неантропонимный (объектный) мир всегда вторичен, независимо от разряда онимной лексики. Он предполагает существование одинаковых норм для функционирования любых разрядов СИ (*Артём > ул. Артёма, Кузнецов > авианосец «Адмирал Кузнецов»; Донбасс > холодильник «Донбасс», народный ансамбль танца «Донбасс»*), в частности, запрещения переименований, сохранения первичного или исторически сложившегося собственника средствами другой (в частности, украинской) проприальной культуры (*Енакиев > укр. Єнакієв, а не Єнакіїв > Єнакієвська рада*) и выборочного перевода, исходя из уровня их информативной значимости:

- национальный уровень – исключает замену одних национальных форм СИ другими (*шахта «Южнодонецкая» > «Южнодонецька», а не «Південнодонецька»*);

- межнациональный уровень – допускает частичный перевод или эквивалентную замену форм в зависимости от количества языковых пользователей (русск. ул. *Горная* – укр. вул. *Гірнична*, связана с промышленностью, но вул. *Гірська*, связана с горами);

- международный уровень – предполагает передачу правовой информации при помощи полного перевода на все языки: русск. *Южный автовокзал* – укр. *Південний автовокзал*, но русск. *Южный микрорайон* – укр. *Южний мікрорайон*).

Выводы. Таким образом, методика установления современных языковых и ономастических норм русского языка обусловлена процессом глобализации и контекстом территорий, вычленившихся из общепринятого национального языка и нацеленных на развитие своей самобытности в условиях сохранения и упрочения связи с метрополией. Перспектива дальнейших исследований определяется тем, что языковая норма определяется её соответствием национальному языку как средству духовной общности на основе языкового и культурного многообразия, а ономастическая – формированием правовых механизмов передачи культурного потенциала сложившейся исторически онимной лексики, принятой всеми носителями национального языка как

средства общности. При таком понимании лексическая система языка **отражает действительность**, а проприальная культура **создаёт и материализует её**. Но обе системы опираются на природную вариативность и многомерность национального языка, которая обеспечивает социальную стабильность, устойчивость и развитие.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Герд А.С. Курс лекций и хрестоматия / А.С. Герд. – 2-е изд., исправл. – СПб.: Изд-во СП ун-та, 2005. – 457 с.
2. Мозговой В.И. Русская культура в украинском языковом контексте / В.И. Мозговой // Вестник Российского университета дружбы народов. – 2010. – №3. – С. 163–168. – (Серия: Рус. язык и иностр. языки и методика их преподавания).
3. Мозговой В.И. Иллюзативность современного языка в меняющемся мире / В.И. Мозговой // Филологические исследования. Сборник научных работ. Вып.18. // Отв. ред. В.М. Калинин – Киев: Издательский дом Дмитрия Бурого, 2016. – С. 289–301.
4. Мозговой В.И. Методика дезавуирования лжеименований в русской проприальной культуре / В.И. Мозговой, Л.Г. Вергазова // Русский язык в поликультурном мире: I Межд. симпозиум (8-12 июня 2017 г.) сб. науч.статей. В 2-х т. / отв. ред. Е.Я. Титаренко. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2017. – Т.1. – С. 313–318.
5. Мозговой В.И. Имена собственные и не собственные. Принципы выделения и классификации / В.И. Мозговой // Гуманитарно-педагогическое образование. Психология. Педагогика. Филология. Искусствоведение. Культурология. Научный журнал. – Т.3, №3 – Севастополь: СГУ, 2017. – С.44-51.
6. Рудяков А.Н. Георусистика и закономерности формирования национальных вариантов языка / А.Н. Рудяков // Функциональная лингвистика: сб. науч. работ / науч. ред. А.Н. Рудяков. –Симферополь, 2010. – Т.1. – С.5–6.
7. Теркулов В.И. Региолект или национальный вариант: к постановке проблемы / В.И. Теркулов. // Филология и культура. – Казань, 2012. – № 2(28). – С. 117–120.

Поступила в редакцию 09.12.2017 г.

FORMATION OF LANGUAGE AND ONOMASTIC NORMS IN THE CONDITIONS OF NATIONAL LANGUAGE NATURAL VARIATION

V.I. Mozgovoi

The article addresses the problem of norm on the territories, which, being separated from the metropolis, are distanced from the standard national language. Maintaining the relations with the metropolis, these territories tend to develop their identity. The topicality of the problem discussed is accounted for by the fact, that the language norm isn't determined by the theory of the Russian language national variant, which was in action in the Ukrainian Crimea. It isn't determined by the regional dialect of the Russian language spoken in DPR, either. The language norm is conditioned by its correspondence to the national language as a means of spiritual unity based on linguistic and cultural diversity. It is grounded on the legal mechanisms of cultural potential transmission of the historically shaped proper names. The legal mechanisms in question are approved by the speaking community. The author provides examples of politicians' communicative failures, caused by the wrong usage of onomastic vocabulary. The research perspectives in this field are highlighted, too.

Key words: onomastic norm, regional dialect, national language variation, languages of nationalities, legal onomastics, false nomination.

Мозговой Владимир Иванович

Кандидат филологических наук, доцент
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
Доцент кафедры русского языка
e-mail: mowi48@mail.ru

Mozgovoi Vladimir Ivanovich

Candidate of philology, Associate Professor
Donetsk National University
Associate Professor of Department of Russian
language
e-mail: mowi48@mail.ru

УДК 81'27

АРХАНГЕЛЬСКИЙ РЕГИОЛЕКТ (НА МАТЕРИАЛЕ РЕЧИ ЖИТЕЛЕЙ АРХАНГЕЛЬСКА, СЕВЕРОДВИНСКА, НОВОДВИНСКА)

© 2018. *О.Е. Морозова*

ФГАОУ ВО «Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова»

Статья посвящена проблеме изучения и описания региолектов. Предметом исследования автора является архангельский региолект, под которым подразумевается речь жителей трёх северных городов: Архангельска, Северодвинска, Новодвинска. Выявляются фонетические, лексические, морфологические и синтаксические особенности региолекта, рассматривается его ядро и периферия, описывается инвариантное и вариантное в речи.

Ключевые слова: региолект, просторечие, разговорная речь, диалект.

Русский язык, будучи гетерогенным образованием, имеет различные формы своего существования, такие как литературный язык, территориальные и социальные диалекты, просторечие. Литературный язык традиционно находится в поле зрения филологов, из других форм существования языка особый интерес у лингвистов всегда вызывали территориальные диалекты, связанные с народно-речевой культурой, а язык города долгое время оставался практически неисследованным, хотя о необходимости его изучения писали ещё А.А. Шахматов и Б.А. Ларин в начале XX века.

Интерес к изучению некодифицированных и переходных явлений в языке актуализировался в последней четверти XX века в связи с поворотом лингвистики от системоцентризма к антропоцентризму, когда значимым стал «фактор человека говорящего», а отступления от нормы стали для лингвистов не менее значимыми и интересными, чем правильная кодифицированная речь.

В настоящее время язык города изучается как минимум в трёх аспектах:

- 1) социолингвистическом (языки различных социальных групп);
- 2) территориальном (территориальные особенности речи горожан);
- 3) ономастическом (городские наименования, официальные и неофициальные).

Данная статья посвящена второму и частично третьему направлению исследований. Несмотря на процессы глобализации, интернет-коммуникацию, стирание культурных различий между городом и деревней, территориальное членение языка существует. Как пишут многие исследователи, современные диалекты не исчезают, а видоизменяются. Вслед за А.С. Гердом, в современной лингвистике активно используется понятие региолекта, понимаемого как «особая форма устной речи, в которой уже утрачены многие архаические черты диалекта, развились новые особенности. Это форма, с одной стороны, не достигшая ещё статуса литературного языка, а с другой, в силу наличия многих ареально варьирующихся черт, не совпадающая полностью и с городским просторечием» [1, с. 23–24].

Цель настоящей статьи – уточнить отдельные теоретические положения, связанные с понятием региолекта, и представить эмпирический материал, характеризующий архангельский региолект.

В лингвистической литературе в качестве дискуссионных вопросов, касающихся понятия региолекта, рассматривается, во-первых, отличие региолекта от других

идиомов (литературного языка, диалекта, просторечия), во-вторых, состав носителей региолекта и их социальные характеристики, в-третьих, языковой статус идиома.

Принято считать, что диалект и региолект функционируют на определённых территориях, а просторечие и литературный язык не имеют территориальных границ, в отношении просторечия данный тезис является спорным, о чем свидетельствуют словари народно-разговорной речи, издающиеся в последнее время в России.

Общеизвестно, что носители литературного языка имеют более высокий уровень образования, чем носители просторечия и диалекта. Вопрос об уровне образования носителей региолекта не является столь однозначным. «... региолект – смешанный тип речи, характерный для образованных жителей малых и средних городов, находящихся в диалектном окружении» (курсив наш) [4, с. 95]. В связи с этим возникает вопрос: а разве носители просторечия не могут одновременно быть также и носителями региолекта?

На наш взгляд, перспективным является статистический подход к изучению региолекта, позволяющий выявить вероятностную обусловленность владения регионализмами, на которую влияют различные факторы: образование, место рождения, специальность, гендерная принадлежность говорящего [2]. Из названных факторов наибольшее значение имеет место рождения. Кроме того, значима длительность проживания в регионе. Если человек приехал в регион в детском возрасте, он, естественно, усваивает большинство региональных особенностей речи. Уровень образования определяет особенности использования отдельных разновидностей регионализмов (см. об этом далее).

Региолект, в отличие от диалекта, явление неустойчивое, подвижное, представляющее сложность для описания. Как известно, относительная устойчивость типична для языковой системы, подвижность – для её речевой реализации. В связи с этим возникает вопрос: является ли региолект явлением речи или языка?

В современной лингвистике противопоставление языка и речи принято считать не абсолютным, а относительным, не исключающим наличие переходных явлений. З. Кёстер-Тома дифференцировала разновидности этноязыка в терминах *стандарт* – *субстандарт* – *нонстандарт* принимая во внимание полноту набора фонетических, морфологических, лексических, синтаксических и фразеологических показателей и учитывая при этом наличие признаков системности; при этом в качестве стандарта (системы) выступает литературный язык, диалект – понимается как субстандарт (подсистема), просторечие и жаргоны как нонстандарт (асистемные явления) [3].

Региолект – это языковая подсистема, занимающая промежуточное положение между субстандартом и нонстандартом, однако в отношении различных региолектов не может быть единого утверждения в отношении их системности, поскольку региолекты отнюдь не одинаковы с точки зрения своей структуры и формируются под влиянием различных лингвистических и экстралингвистических факторов.

Перейдём далее к анализу языкового материала (наблюдения за разговорной речью жителей трёх северных городов: Архангельска, Северодвинска и Новодвинска, а также фиксация этих наблюдений в словарях) [6; 7; 8].

По результатам наблюдений, региолект, функционирующий в трёх названных городах, не представляет единого целого, а является сочетанием инвариантного и вариантного.

Инвариантное в Архангельском региолекте связано, во-первых, с реликтами северновеликорусского говора. Население всех трёх городов традиционно пополнялось преимущественно за счёт жителей Архангельской области, что сформировало общую

базу региолекта, которой является северновеликорусский говор. Некоторым исключением является город Северодвинск, население которого активно пополнялось не только жителями Архангельской области, но и специалистами, приезжавшими из разных регионов СССР и РФ. На наш взгляд, они не являются носителями региолекта, но в их речи могут встречаться отдельные регионализмы.

Во-вторых, инвариантная составляющая региолекта определяется тесными контактами жителей друг с другом; поскольку города находятся на небольшом расстоянии. Жителям всех трёх городов известны неофициальные названия Архангельска (*Архара, Арха*), Новодвинска (*Новик*), Северодвинска (*Севск, Севчик*).

В изученном нами материале можно выявить ядро и периферию. Ядро формируются теми региональными особенностями, которые функционируют в речи абсолютного большинства коренных жителей региона (некоторые фонетические и лексические особенности). На периферии находятся морфологические особенности, которые используются по преимуществу носителями просторечия.

Остановимся на характеристиках региолекта более подробно.

Фонетические особенности являются тем маркёром, по которому представители других регионов узнают жителей северных городов. Для носителей региолекта характерны следующие особенности северновеликорусского говора: неполное оканье (обычно только в предударном слоге – *пойдём*), еканье: *n[e]так* (пятак), протяжная северная интонация, начальное й перед и (йИра). «Северная» разновидность литературного произношения характеризуется максимальным преобладанием мягкого согласного в сочетаниях «согласный + мягкий согласный» [5, с. 71]. Например, *Архан'гельск*. «В речи архангелогородцев можно отметить некоторые особенности и в области интонации, проявляющиеся в фонетическом строении интонационных конструкций и в ритмической структуре речи. Так, «повышение тона охватывает большее количество слогов, чем в литературном языке, что создаёт больше плавности» [там же: с. 72]. Речь ритмизована, мелодична, что создаётся за счёт повторов и постпозитивных частиц.

Лексические особенности. Лексические регионализмы содержат два пласта лексики: 1) диалектная лексика, 2) слова, возникшие в городской среде. Диалектная лексика включает несколько наиболее распространённых тематических групп.

1) глагольная лексика, наименования действий и состояний: *рэхать* – грубо и громко разговаривать, кашлять, *валить* – направлять на лечение в стационар (*Повалили девку в больницу*); *валиться* – ложиться спать; *водиться* – нянчиться с ребенком; *выкурнуть* – выглянуть в окно, *жамкать* – давить, мять что-либо руками и др.;

2) наименования продуктов питания, кулинарных изделий: *шанежка* – вид булочки из жидкого дрожжевого теста, выпекаемого в специальной форме, *рыбник* – рыбный пирог, *калитка* – ватрушка круглой формы из недрожевого теста с начинкой, *варя* – количество продуктов, достаточное для приготовления пищи на один раз, *варево* – наспех приготовленная, невкусная горячая еда; *грибовница* – суп из грибов;

3) наименования природных объектов и явлений: *своротка* – поворот на дороге, *ляга* – лужа, низкое, болотистое место, *борок* – лес на высоком месте;

4) наименования грибов, растений, ягод, приспособлений для их сбора: *брусница* (брусника), *сыроега* – сыроежка, *красноголовик* – подосиновик, *грабилка* – приспособление для сбора ягод;

5) наименования рыб и приспособлений для рыбной ловли: *корь, корюх* – корюшка, *трещочка* – треска (*Трещочки не поешь, не поработаешь*), *рюжа, мережа, верша* – рыболовная снасть с обручами;

6) характеристики человека: *халява* – неопрятный человек, *кулёма* – 1. Неловкий, нерасторопный человек. *Поторопись, кулёма*. Зап. 2002. 2. Неповоротливый, укутанный во множество одежд человек (обычно о ребёнке, закутанном поверх пальто в платок). *Ну, здравствуй, кулёма*. Зап. 2003. 3. Растрёпанный, неряшливо одетый человек. *Шапочку, которую я с любовью вязала когда-то своему маленькому сынишке, она постоянно лихо задирала со лба на макушку, как пацаненок. Устав поправлять шапочку, я не выдержала: «Да не трогай же ты шапку, Женя! А то похожа на кулёму». "Сами вы кулёма, – спокойно ответила Женя и пошла дальше по магазину. Ах ты!.. Это я-то кулёма! О. Головченко. Правда Севера, газ. 14. 04. 2005 [7, с. 90].*

7) наименования различных признаков: *баловной* — избалованный (о ребенке) *маркой* – быстро пачкающийся и др.

2. Среди наименований, возникших в городской среде, преобладают названия бытовых реалий. Эти слова могут присутствовать и в речи людей, не являющихся носителями региолекта, но длительно живущих в регионе: *пастик* – стержень шариковой авторучки, *маечка* – пакет, по форме напоминающий майку, *плечики* – вешалка для одежды, *палка колбасы* – батон колбасы, *патент* – застёжка-молния, *горлодер* – соус из помидоров и чеснока, *кетчунез* – смесь кетчупа и майонеза, *взъем* — подъем обуви; *кольцо* – о городских площадях в форме круга; *китайская стена* – о длинных многоподъездных домах, *страна чудес* – о криминальном микрорайоне.

Морфологические особенности. В ядро региолекта входят некоторые частицы, использование которых в речи северян является частотным. Например, частица «*дак*» (вместо так), которая употребляется в различных функциях:

ДАК. Диал. 1. Усилит. частица. Так. *Внучка у меня единственная, Бог наградил: все мальчики, пацанье, дак те драчуны такие, покоя от них нет*. Зап. 2001. 2. нареч. Поэтому. *Не соображаешь ничего, дак иди*. Зап. 2006. 3. Частица. Например. *Я дак уже с семи часов сижу, сканирую*. Зап. 2007 [7, с. 48].

Второй по частоте использования является частица *так-то да*.

так-то да́, частица. Употребляется как реплика-реакция на слова собеседника (из диал.) *Необычным кажется гостям и наш говор – окающий, немного проглатывающий гласные звуки. И когда Елена Коробко (уроженка Оренбурга, последовавшая после учёбы в Питере за мужем сначала на Камчатку, а потом в Северодвинск) сказала мужу нашу «фирменную» фразу с непонятным значением: «Так-то да!», он засмеялся: «Всё, теперь ты точно стала поморкой. Всего за три года». Северный рабочий, газ. 1.06. 2016 [6, с. 62].*

К периферии относится стяжение гласных в прилагательных (*добры* люди, *красно* платье) и глаголах (*знашь, понимаешь*); встречаются и диалектные морфологические формы (суффикс *-ти* в глаголах – *ести*, *-ся* в возвратных формах *–умываюся*, и некоторые другие особенности. Эти формы, за редкими исключениями, используются носителями просторечия.

Синтаксические особенности. Наиболее распространены паратаксические объединения глаголов: «*взяла написала*», «*плачет сидит*».

Вариантная составляющая региолекта обусловлена спецификой быта и жизни городов. Архангельск – старый русский порт, город моряков и рыбаков, «*всесоюзная лесопилка*». Новодвинск – город бумажников, градообразующим предприятием которого является целлюлозно-бумажный комбинат (АЦБК), в Северодвинске большая часть населения трудится на оборонных предприятиях: АО «ПО Севмаш» и АО ЦС «Звёздочка». Большинство северодвинцев занимаются кораблестроением и судоремонтом.

Особенности языкового облика городов, определяются, во-первых, неофициальными городскими наименованиями. «...В ономастических наименованиях с присущей народу наблюдательностью и меткостью запечатлены характерные черты улиц, зданий, кафе, памятников. В Северодвинске это, например, жилые дома: *Три поросёнка*, *Три тополя на Плющихе*, *Три колодца* и др. [6, с. 6]. Остров Ягры севердвинцы иронично именуют *Гаграми*. В Архангельске улицу Розы Люксембург называют *Розочкой*, площадь Дружбы народов – *Шайбой*, остров Бревенник – *Тайванем*, Дом работников просвещения – *Свечкой*, а *Аш-два-эс-о-четыре* – это район Соломбальского целлюлозно-бумажного комбината и т.п. Гости города не поймут, когда услышат из уст архангелогородцев: «*Еду на Третий*» или «*Живу на Двадцать девятом*» (речь идёт о лесозаводах и рабочих посёлках, расположенных рядом с ними). Знания о местных реалиях отражает и фразеология. «*Через Шишу в Маймаксу*» – скажут архангелогородцы о долгом и кружном пути (*Маймакса расположена к северу от Архангельска, Шиша* – к югу).

Во-вторых, особенности речи горожан обусловлены словами и их значениями, передающими специфику жизни и быта городов. Так, в Архангельске можно услышать жаргон моряков торгового и рыболовного флота, эти слова используют не только сами моряки, но и их друзья, родственники, члены семей. Почти все знают, что «*Поляки*», «*Финны*», «*Художники*», «*Механики*», «*Капитаны*» и т.п. – это не только названия национальностей и профессий, а наименования серий судов Северного морского пароходства.

В речи северодвинцев частотны флотские жаргонизмы, лексика непосредственно связана с продукцией оборонных предприятий, жизнью и бытом рабочих Севмаша и «Звёздочки»:

АКУЛА. Название самых больших в мире атомных подводных лодок проекта 941, построенных в Северодвинске (флот., завод.). *На прошлой неделе северодвинская «Звёздочка» завершила утилизацию атомного подводного ракетносца 941-го проекта класса «Турпоп», в просторечии называемого «Акула».* Корабельная сторона, газ. 10.09.2009 [6, с. 12].

ПАШАЕВКИ. Уход. В 1990-х: талоны (сертификаты) на питание, продукты, выдаваемые на Севмаше вместо денег в период кризиса (из завод.). *Вместо зарплаты в то время рабочий получал буханку хлеба, вместо рублей – «пашаевки».* Пожалуй, только в годы Великой Отечественной войны было труднее... <От Д. Г. Пашаев (директор Севмаша с 1988) [6, с. 49].

Архангельск и Северодвинск имеют разную историю. Архангельск очень долго был полностью деревянным городом. Северодвинск начал застраиваться кирпичными домами (сталинками) раньше и интенсивнее, чем Архангельск, а для Архангельска кирпичные дома были редкостью, поэтому возникло название *каменушка*:

КАМЕНУШКА, устар. Магазины в кирпичном здании. *Всю жизнь почти в каменушке на Поморской проработала.* Зап.1996 [7, с. 80]. Сравним с названием магазина в Северодвинске:

ДЕРЕВЯШКА, уход. Бывший овощной магазин (позже один из первых коммерческих магазинов «Стоик»); сейчас магазин «Берёзка». «*Берёзка*» на Бутумы, 1 когда-то была овощным магазином и называлась *Деревяшка*, потому что деревянная! (vk.com). *Деревяшка, где купил первую в жизни жвачку со вкладышем. Как всё было ХОРОШО!..* «Ионит-телеком», 16.01.2007 [6, с. 24]. Архангелогородцы *деревяшками* начали называть жилые деревянные дома, когда город стал интенсивно застраиваться кирпичными зданиями.

Новодвинск – моногород, жизнь его жителей тесно связана с целлюлозно-бумажным комбинатом (АЦБК) и его историей. Первой улицей Новодвинска, названной в честь строителей комбината стала улица Мельникова, а в народе её прозвали *Смоленской*. По воспоминаниям ветеранов, название пришло из известного стихотворения «*Ты помнишь, Алёша, дороги Смоленщины*», потому что дорога находилась в плохом состоянии, и ходить по ней было невозможно. Одно из частотных слов в речи новодвинцев прилагательное *комбинатовский* (*комбинатовский садик, комбинатовская столовая, комбинатовская булочка и т.п.*). Новодвинск – ещё очень молодой город, что отражается в неофициальных наименованиях. *Первый магазин* (деревянное здание, где торговали продуктами, керосином и прочими товарами) появился около комбината во времена его создания. Этот магазин до сих пор называется «Первый магазин». *Аварийный посёлок* – посёлок рядом с комбинатом, где раньше жило руководство АЦБК. *Аварийным* назывался, потому что в случае аварии людям не надо было бежать до предприятия два километра.

Обобщив все сказанное, отметим, что носителями региолекта являются коренные жители городов (или живущие в регионе длительное время) с различным уровнем образования, в том числе интеллигенция; ядро архангельского региолекта проявляется преимущественно на фонетико-интонационном и лексическом уровнях.

Границы Архангельского региолекта пока полностью не определены. Проблемным является вопрос о региолекте жителей ближайших деревень, находящихся на очень близком расстоянии от названных городов. Многие из жителей окрестных деревень работают в городах, диалектные особенности в их речи практически стерты и сохраняются лишь частично, как и в речи горожан, что определяет перспективы проведения дальнейших исследований

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Герд А.С. Введение в этнолингвистику: курс лекций и хрестоматия / А.С. Герд. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2001. – 488 с.
2. Ерофеева Е.В. Вероятностная структура идиомов: социолингвистический аспект / Е.В. Ерофеева. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2005. – 320 с.
3. Кёстер-Тома З. Стандарт, субстандарт, нестандарт / З. Кёстер-Тома // Русистика, Берлин. – 1993, – № 2. – С. 15–31.
4. Крысин Л. П. Современный русский интеллигент: попытка речевого портрета / Л.П. Крысин. // Русский язык в научном освещении. – № 1. – М., 2001. – С. 90–106. – Режим доступа: <http://philology.ru/linguistics2/krysin-01.htm>.
5. Пекишева Т.А. Фонетическое своеобразие разговорной речи жителей Архангельска/ Т.А. Пекишева // Живое слово Русского Севера. – Архангельск: Изд-во ПГУ. 1998. – С. 68–73.
6. Попов Р.В. Как это будет по-северодвински. Словарь местной лексики Северодвинска / Р.В. Попов // Издательские решения. 2017. – Режим доступа: <https://www.litres.ru/r-v-popov/>.
7. Словарь народно-разговорной речи города Архангельска: в 3 т. / сост. Е.Е. Котцова, О.Е. Морозова, Э.Н. Осипова и др. Т. 1: Городское просторечие/ под общ. ред. О.Е. Морозовой; Сев. (Арктич.) федер. ун-т им. М.В. Ломоносова /Котцова и др. – Архангельск: ИПЦ САФУ, 2013. – 204 с.
8. Словарь народно-разговорной речи города Архангельска: в 3 т. / сост. Е.Е. Котцова, О.Е. Морозова, Э.Н. Осипова и др. Т. 2.ч.1: Городские социолекты. Профессиональная речь моряков и рыбаков /под общ. ред. Т.А. Сидоровой; Сев. (Арктич.) федер. ун-т им. М.В. Ломоносова/Котцова и др. – Архангельск: ИПЦ САФУ, 2016. – 199 с.

Поступила в редакцию 21.11.2017 г.

ARKHANGELSK REGIOLECT (BASED ON THE SPEECH OF THE INHABITANTS OF
ARKHANGELSK, SEVERODVINSK, NOVODVINSK)

O.Ye. Morozova

The article focuses on the study and description of the Archangel regiolect, which refers to the speech of the inhabitants of the three Northern cities: Arkhangelsk, Severodvinsk, Novodvinsk. Phonetic, lexical, morphological and syntactic peculiarities of the regiolect in question are identified with reference to its core and periphery, with the invariant and the variant in the speech of the inhabitants being described.

Key words: regiolect, colloquial, colloquial speech, dialect.

Морозова Ольга Евгеньевна

Кандидат филологических наук, доцент
ФГАОУ ВО «Северный (Арктический)
федеральный университет имени М.В. Ломоносова»
Доцент кафедры русского языка и речевой
культуры
e-mail: moroz290693@yandex.ru

Morozova Olga Yevgenyevna

Candidate of Philology, Associate Professor
Northern (Arctic) Federal University named after
M.V. Lomonosov
Associate Professor of Department of the Russian
language and verbal culture
e-mail: moroz290693@yandex.ru

УДК 81'28

ПЕРИФЕРИЙНЫЕ РАЗРЯДЫ ДОНСКОЙ ОНОМАСТИКИ ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

© 2018 Т.В. Королёва

ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет»

В статье рассматриваются периферийные разряды донской ономастики Волгоградской области. Исследуется местная астронимия. Выявляются этнокультурные особенности (семантические, фонетические и акцентологические) астронимов и космонимов, зафиксированных на территории казачьих районов Волгоградской области. Приводится классификация донских зоонимов, определяется мотивация к их образованию, диалектные основы. Актуальность темы обусловлена необходимостью полномасштабного изучения донской ономастики. В ходе исследования характеризуются донские астронимы, космонимы и зоонимы.

Ключевые слова: зооним, астроним, космоним, донская ономастика.

Обычно при изучении ономастики какого-либо региона в первую очередь уделяется внимание «ядру русской ономии» [9, с. 7], то есть именам, фамилиям и прозвищам, затем топонимам и гидронимам. В целом ономастический профиль донских казачьих районов Волгоградской области давно находится в поле интереса лингвистов. Так, особенности донской антропонимии в целом описаны в работе Л.М. Щетинина, изучением топонимии занимался И.Г. Долгачёв. Эти разделы ономастики также освещались нами ранее. В 2009 году был издан словарь гидронимов «Реки и водоёмы Волгоградской области» В.И. Супруна и И.В. Крюковой.

«Околоядерное пространство составляют антропонимоподобные разряды» [Там же, с. 7–8], тяготеющие к периферии ономастического поля русского языка, – к примеру, зоонимы. Астронимия и «космонимия имеют дисперсную ядерно-периферийную репрезентацию в зависимости от таких экстралингвистических факторов, как величина именуемого объекта, степень известности имени собственного» [Там же, с. 8]. Эти периферийные разряды донской ономастики остаются недостаточно изученными – зоонимы, астронимы, космонимы, эргонимы и др. Геортонимы рассматриваемого нами региона достаточно подробно описаны в работах П.В. Чесноковой.

Цель нашего исследования – охарактеризовать в этнокультурном аспекте донские казачьи астронимы, космонимы и зоонимы.

Поставленная цель определила следующие *задачи*:

1. Собрать астронимы, космонимы и зоонимы для лингвистического анализа.
2. Охарактеризовать в этнокультурном аспекте зоонимы, астронимы и космонимы, бытующие в лексике донских казаков.

Астронимика «изучает названия небесных тел» [1, с. 198]. Объектами её исследования являются астронимы и космонимы. Астронимами называют вид онимов, обозначающих «собственное имя отдельного небесного тела, в т. ч. звезды, планеты, кометы, астероида (планетоида)» [6, с. 41], а под космонимом понимают «собственное имя зоны космического пространства, галактики, звёздной системы (созвездия)» [Там же, с. 68].

Особенность этого раздела ономастики заключается в том, что астронимы и космонимы «одни для всех народов. Они – межнациональны, интернациональны» [1,

с. 199] и «отличаются большой древностью» [Там же, с. 200]. При этом «в русских народных говорах имеется большой набор наименований созвездий, звёзд, планет» [Там же, с. 204].

Рассмотрим лингвокультурную составляющую семантики донских казачьих астронимов и космонимов, зафиксированных на территории Волгоградской области. Астронимы и космонимы для анализа были выбраны из «Словаря донских говоров Волгоградской области». Всего обнаружено 15 наименований небесных тел.

Среди онимов, обозначающих небесные тела и объекты, можно выделить только один астроним – *Зарница*. В донских говорах он выступает в значении ‘яркая утренняя звезда, планета Венера’ [8, II, с. 241].

Остальные онимы относятся к разряду космонимов. Это космонимы, образованные от диалектных лексем *арба* ‘длинная высокая повозка с перекладинами в виде лестниц’ [Там же, I, с. 58] – *Арба* ‘созвездие Большой Медведицы’ [Там же, I, с. 59], *Батыев Шлях*, *Звёздный Шлях*, *Казачий Шлях* ‘Млечный Путь’ [Там же, VI, с. 285] – от *шлях* ‘наезженная дорога между крупными казачьими станицами или ведущая в большие города’ [Там же, VI, с. 285–286]. Номинация в данных случаях основана на внешнем сходстве созвездия и галактики соответственно с понятиями, существующими в донских диалектах Волгоградской области.

Отметим, что Млечный Путь в казачьих говорах имеет и другие именованья: *Бакеева Дорога*, *Батеева Дорога*, *Батева Дорога*, *Батыева Дорога*, *Звёздная Дорога* [Там же, II, с. 71], *Батеев Путь* [Там же, IV, с. 518]. Группа онимов с атрибутивным компонентом *Бакеев*, *Батеев*, *Батев*, *Батыев*, *Батыева* несут в себе этнокультурную характеристику донской ономастики, связанную с историей региона. Казачество зародилось на территории, именуемой Диким Полем, т.е. в части лесостепей и степей, простиравшихся от Нижней Волги через Дон почти до Днепра. Сюда, в край степных кочевников, спасаясь от гнёта помещиков-крепостников, и уходили люди «в поисках желанной воли, создавая на южных рубежах России надёжный сторожевой щит» [2, с. 7]. Заселяли и осваивали Дикое Поле в том числе и белорусы, запорожские казаки, кавказские народы, ногайские и татарские племена, из которых в дальнейшем и сложился казачий субэтнос с преобладающей долей великороссов среди указанных выше этнических групп [Там же]. Очевидно, что все эти космонимы – производные от татарского имени Батый. Возможно, их происхождение связано с памятью всего русского народа о временах нашествия Золотой Орды, одним из правителей и «фактическим основателем» [12, III, с. 109] которой был хан Батый (ок. 1207 – 1256).

Космоним *Казачий Шлях* говорит о месте своего возникновения – на территории поселения казаков, в Области Войска Донского.

К диалектным космонимам можно отнести и следующие: *Сожары* [8, V, с. 236], *Стожары* [Там же, V, с. 286], *Висожары* [Там же, I, с. 252] – ‘звёздное скопление на ночном небе, созвездие Плеяд’ [Там же]. Последний также употребляется в значении ‘сгустки, скопления ярких звёзд на Млечном Пути’ [Там же]. Наименование *Большой Крест* носит одно из созвездий, точное название которого исследователям, к сожалению, установить не удалось. В «Словаре донских говоров Волгоградской области» мы находим такое толкование: «Созвездие (какое?)» [Там же, III, с. 178], и там же пояснение в иллюстративном примере из речи носителя диалекта – «*Большой крест – чатыри звязды*» [Там же].

Рассмотрим фонетические особенности донской казачьей космонимии («совокупность космонимов» [6, с. 68]). Для донских казачьих говоров характерна такая акцентологическая особенность, как перенос ударения. Он наблюдается в

космониме *А'рба* – в говорах зафиксирован вариант с ударением, отличающимся от литературного произношения, *а'рба* [8, I, с. 58].

В системе консонантизма донских казачьих космонимов функционирует следующая фонетическая черта, свойственная местным диалектам, – фрикативный [γ]: *Бакеева Доро[γ]а*, *Батеева Доро[γ]а*, *Батева Доро[γ]а*, *Батыева Доро[γ]а*, *Звёздная Доро[γ]а*.

Таким образом, при анализе донских астрономов и космонимов выявлены лингвокультурные особенности их семантики и диалектные черты фонетики.

Зоонимом называют «вид онима. Собственное имя (кличка) животного, в т.ч. домашнего, содержащегося в зоологическом саду, “работающего” в цирке, в охране, подопытного или дикого» [6, с. 59]. Исследованием зоонимии («совокупность зоонимов» [Там же, с. 60]) занимаются такие учёные, как А.В. Суперанская, В.А. Никонов, Л.М. Щетинин, О.В. Кирпичёва, Л.А. Климкова и др.

«Животные неизменно присутствуют в жизни донского казака, в его хозяйственной деятельности и как объект наблюдения в дикой природе» [11, с. 114], поэтому зоонимия может служить ещё одним источником для исследования быта и языка донских казаков. Как отмечают исследователи, «в зоонимии <...> используются диалектные слова, при этом встречаются слова, не зафиксированные ни диалектными (областными), ни общими словарями. И зоонимы <...> образуют региональные ономастические системы» [10, с. 180].

Зоонимы для анализа были собраны в полевых условиях. Нами было опрошено 95 респондентов в х. Зимняцком Серафимовичского района Волгоградской области в возрасте от 12 до 65 лет.

Хутор Зимняцкий – старинный казачий хутор, ранее «хутор Глазуновской станицы Усть-Медведицкого округа Области Войска Донского» [7, с. 231]. Ныне он является муниципальной единицей Серафимовичского района Волгоградской области, расположен к северо-западу от областного центра. По данным сельского совета, его население сейчас составляет около 2 тыс. жителей.

Изначально социум казаков был исключительно мужским, что обусловило специфику ранней казачьей культуры. Издавна верным спутником и помощником казака считался конь. Только к XVIII в. выделяется фемининный компонент духовной культуры казачества, связанный с переходом от кочевого образа жизни к оседлому, приведшему к тому, что казаки стали обзаводиться семьями, начали заниматься домашним хозяйством, уход и присмотр за которым осуществлялся преимущественно женщинами из-за длительного пребывания казаков на военной службе [2]. В наше время быт на территории бывшей Области войска Донского изменился, значительно сократилось количество домашнего скота, в связи с чем в местной зоонимии практически исключается лингвокультурный компонент.

Респондентам было предложено назвать клички кошек, собак, лошадей, коров, овец, коз, свиней и домашней птицы, то есть домашних животных традиционных для подсобного хозяйства. В результате было собрано 264 фелинонима («клички кошек» [3, с. 92]), 172 кинонима («клички собак» [6, с. 59]), 36 гиппонимов («клички лошадей» [Там же]), 147 кличек коров, 33 клички овец, 14 кличек коз, 77 кличек свиней, 49 орнитонимов («клички птиц» [Там же]).

Классифицируем зафиксированные нами зоонимы. Их можно подразделить на ряд групп по характеру мотивации к её образованию.

1. «Зоонимы, указывающие на какой-либо признак домашнего животного, характеризующие его. В этой группе выделяются следующие подгруппы» [4, с. 385]:

а) «наименования по цвету шерсти животного или цвету отдельных частей тела» [Там же]: кошки – *Черныш, Рыжик, Рыжий, Снежок, Белый, Шоколадка, Карамелька, Белка, Снежинка, Чернышка, Уголёк, Серый, Дымка, Чёрт, Рыжуля, Тигра, Мазурик*; собаки – *Белик, Седой, Чёрный, Туман, Жук, Волчок, Волчина, Букек, Бантик*; лошади – *Чалый, Гнедой, Искорка, Лысёна, Черноглазка, Бурушка*; коровы – *Белянка, Ряба, Карамелька, Рябая, Ромашка, Рябка, Рябина (от рябой), Лыска, Звёздочка, Звезда, Цыганка, Черничка, Пеструха, Рябой, Бурёнка*; овцы – *Шоколадка, Снежок, Белка, Беляш*; коза *Белка*; птицы – *Пеструшка, Ряба, Серая, Белая, Пегая, Белошейка, Белокрылка, Беляша, утка Адвокат* (так как чёрно-белой окраски, похоже на фрак) и др.;

б) «наименования по форме тела или отдельных его частей» [Там же, с. 386], по физическим особенностям: кошки – *Пушок, Тучка, Пух, Пухля, Косой*; собаки – *Пушок, Бублик, Пончик*; коровы – *Кудряша, Комолка, Лохмуша*; птицы – *Хромая, Одноглазая, Хохлатка, Чупатый* и др.;

в) «наименования по росту» [Там же]: кошки – *Буся* (от *бусина*, т.е. что-то маленькое), *Крошка, Малыш, Мушка*; собаки – *Кнопка, Малыш, Кнопа, Фунтик*; лошади – *Малышка, Малыш*; коровы – *Малышка, Кнопка, Кнопа, Кукла*; овцы – *Малышка, Малыш*; свиньи – *Кнопка, Фунтик* и др.;

г) «наименования по способу поведения и повадкам» [Там же], «особенностям нрава и “умственным способностям” животного» [Там же]: кошки – *Веник, Беска, Беся, Мурёна*; собаки – *Волчок, Лайка, Ветер, Гром, Пират, Беся, Дружок, Бушуй, Дик, Стрелка, Лютый, Дозор*; лошади – *Гроза, Абрек, Орлик, Буян, Быстрый, Вираз, Буря*; коровы – *Марышка, Болван, Ласка, Голубка, Стрелка*; баран *Скорый*; птицы – *петух Крикун, гусь Смирный, Кусачий, селезень Вожак* и др.;

д) «наименования в зависимости от времени рождения животного» [Там же]: собака *Марта*; лошади – *Ночка, Заря, Рассвет*; коровы – *Апреля, Марта, Февралька, Зорька, Ночка, Майка, Заря*; овца *Зорька* и др.;

е) «наименования в зависимости от обстоятельств выращивания животного или его появления на свет» [Там же]: собака *Найда*; конь *Везунчик* и др.

2. Зоонимы, мотивация которых «не имеет непосредственного отношения к самому объекту, к животному, а может быть обусловлена следующими факторами» [Там же]:

а) «отношением хозяев к своему животному» [Там же]: кошки – *Принцесса, Графиня, Милок, Маркиз, Маркиза, Милка*; собаки – *Султан, Барон, Граф, Рада, Дружок*; коровы – *Красуля, Красюля, Красавчик, Ждана, Жданка, Нежданка, Красотка, Милка, Рада, Сказка, Краса, Дочка*; овцы – *Мила, Милка* и др.;

б) «популярностью традиционных кличек домашних животных» [Там же]: кошки – *Мурка, Мурзик, Персик, Барсик, Муся*; собаки – *Жучка, Шарик, Тузик, Бобик, Тоби, Тобик, Чапа, Чапик, Валет*; конь *Валет*; коровы – *Зорька, Бурёнка, Роза, Розочка*; коза *Роза*; кабан *Персик* и др.;

в) «стремлением отразить имена известных героев художественных произведений, фильмов, сериалов», мифов, исторических лиц [Там же]: кошки – *Том, Зевс, Багира, Брунгильда, Матильда, Муха, Спартак, Масяня, Симка, Лунтик, Кассандра (Кася), Персей, Матроскин*; собаки – *Бим, Муха, Цезарь, Капитанка, Рекс, Тарзан, Тимон, Умка, Шарик, Мухтар, Роки, Филя, Фунтик, Джульбарс, Герда, Атос*; лошади – *Гермес, Бурушка*; корова *Масяня*; овца *Мальвина*; свиньи – *Пеппа, Нюша, Ниф-Ниф, Нуф-Нуф, Черчилль, Нафаня* и др.

3. В качестве кличек зачастую выступают производные от имён собственных:

а) антропозоонимы («зооним, образованный от любого антропонима» [6, с. 59]): кошки – *Тишка, Катя, Алиса, Славик, Сима, Люся, Степан, Капитон, Анфиса, Василий I, Василий II, Дуся, Федя, Кузя, Фрол, Наташка, Ричард, Марфа, Лиза, Люся, Ева, Даня, Дашка, Матвей, Семён, Сёма, Тёма, Василиса, Фрося, Лёвик, Проха, Лёха, Тима*; собаки – *Адам, Миша, Жека, Тихон, Дина, Тимоха, Люси, Дашка, Берта, Кузьма, Амир*; лошади – *Мишка, Регина, Люська, Машка, Кеша*; коровы – *Марфа, Юля, Тома, Тамара, Манюня, Дуся, Дунька, Зоя, Роман, Маруся, Манька, Яна, Варя, Яшка, Гапка, Фёкла*; овец – *Катя, Лена, Дина, Ваня, Филя, Яша*; козы – *Стёпа, Катя, Соня, Егор, Машка, Федя, Маня, Аня*; свиньи – *Машка, Вася, Боря, Джордж, Маня, Фрося, Нюра, Васька, Маруся, Кузик, Витька, Кузя, Зоя, Зина, Митяй, Люся*; птицы – петух *Петя, Аркадий, Гоша, Никола, Павлик*, курица *Кристина, Верка, Рита*, индюк *Филька, Вася* и др.;

б) топонимы («зооним, образованный от любого топонима» [Там же]): собаки – *Тайга, Байкал, Казбек*; лошади – *Казбек* и др.

4. В роли кличек «часто используются названия животных, птиц, насекомых, рыб (курсив Марудовой А.С., все не оговорённые выделения принадлежат нам. – Т.К.)» [4, с. 386]: кошки – *Тигра, Рыся*; коровы – *Белка, Мартышка, Голубка, Ласточка*; овца *Белка*; коза *Белка* и др.;

5. Зоонимы, образованные от названий растений: кошка *Мелисса, Сакура*; пёс *Бук*; коровы – *Калинка, Малина, Роза, Ромашка, Вишня*; свиньи – *Ромашка, Лаванда* и др.;

6. Зоонимы, происхождение которых достаточно трудно определить [Там же, с. 387]: кошки – *Ёржик*; собаки – *Буля, Тум, Бум, Босик, Айна*; бык *Морс*; свинья *Чича* и др.

От диалектных лексем образованы гиппонимы *Абрек* ‘разбойник’ [8, I, с. 43] и *Чалый* ‘рыжего цвета (о масти животных)’ [Там же, VI, с. 162], фелиноним *Мазурик* от *мазура* ‘грязный, неопрятно одетый человек’ [Там же, III, с. 318] и орнитоним *Чупатый* ‘имеющий чуб, с чубом, чубатый’ [Там же, VI, с. 236].

Таким образом, практически полное отсутствие зоонимов с ясно выраженной этнокультурной семантикой связано, на наш взгляд, с изменением культурного фона (по В.А. Масловой, «характеристика номинативных единиц (слов и фразеологизмов), обозначающих явления социальной жизни и исторические события» [5, с. 48]) исследуемой местности. Если антропонимы, топонимы, космонимы и астронимы имеют древние корни и поэтому до сих пор несут в себе характерные особенности языка, быта, культуры и истории донского казачества, то местная зоонимия более склонна к отражению современных историко-культурных и языковых процессов. Именно это обуславливает столь малое количество зоонимов, образованных от диалектных лексем, среди зафиксированных нами, и преобладание зоонимов, мотивация к образованию которых свойственна общерусской системе зоонимии, особенно в группе зоонимов, стремящихся отобразить в своём содержании имена героев популярных художественных произведений, фильмов, мультфильмов, сериалов и проч. Такая тенденция характерна для подростковой и молодёжной среды.

Полученные выводы свидетельствуют о необходимости дальнейшего исследования донской ономастики, в том числе изучения эргонимов, существующих на территории казачьих районов Волгоградской области.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бондалетов В.Д. Русская ономастика: Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. № 2101 «Рус. яз. и лит.» / В.Д. Бондалетов. – М.: Просвещение, 1983. – 224 с.
2. Брысина Е.В. Этнокультурная идиоматика донского казачества: монография / Е.В. Брысина. – Волгоград: Перемена, 2003. – 293 с.

3. Кирпичева О.В. Зоонимические стереотипы (на материале экспериментального исследования) / О.В. Кирпичева // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – № 9–10. – 2016. – С. 92–95.
4. Марудова А.С. Мотивация и источники номинации домашних животных в Белорусском Поозерье / А.С. Марудова // Ономастика Поволжья: материалы XV Международной научной конференции (Арзамас, 13–16 сентября 2016 г.) / Под ред. Л.А. Климковой, В.И. Супруна; Арзамасский филиал ННГУ. – Арзамас; Саров: Интерконтакт, 2016. – С. 384–388.
5. Маслова В.А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В.А. Маслова. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 208 с.
6. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. 2-е изд., перераб. и доп. / Н.В. Подольская. – М.: Наука, 1988. – 192 с.
7. Рябов С.И. Верховое донское казачество (Исторические сведения о станицах, хуторах и их жителях) / С.И. Рябов. – Волгоградское научное издательство, 2014. – 784 с.
8. Словарь донских говоров Волгоградской области / Авторы-составители Е.В. Брыкина, Р.И. Кудряшова, В.И. Супрун; Под ред. проф. Р.И. Кудряшовой. Вып. 1–6. – Волгоград: Изд-во ВГИПК (ВГАПК) РО, 2006 – 2009.
9. Супрун В.И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал: Монография / В.И. Супрун. – Волгоград: Перемена, 2000. – 172 с.
10. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного / А.В. Суперанская. – М.: Наука, 1973. – 367 с.
11. Сутормина О.А. Зооморфизмы в языковой картине мира донского казачества / О.А. Сутормина // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – № 2. – 2014. – С. 114 – 118.
12. Трепавлов В.В. Батый / В.В. Трепавлов // Большая Российская энциклопедия: В 30 т. / Председатель Науч.-ред. совета Ю.С. Осипов. Отв. ред. С.Л. Кравец. Т. 3. «Банкетная кампания» 1904 – Большой Иргиз. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2005. – С. 109.

Поступила в редакцию 19.11.2017 г.

PERIPHERAL GROUPS OF THE DON ONOMASTIC SYSTEM OF THE VOLGOGRAD REGION

T.V. Korolyova

The article analyzes peripheral groups of the Don onomastic system. Local astronyms are investigated. Ethno-cultural peculiarities (semantic, phonetic and accentological) of astronyms and cosmonyms recorded on the territory of the Cossack districts of Volgograd region are revealed. The classification of the Don zoonyms is suggested. Their motivation and dialectal bases are determined. The topicality of the problem under study is accounted for by the need for a full-scale study of the Don onomastics. In the course of the study the Don astronyms, cosmonyms and zoonyms are characterized.

Key words: zoonym, astronym, cosmonym, the Don onomastics.

Королёва Татьяна Владимировна

ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет»

Кафедра русского языка и методики его преподавания

e-mail: tat.korolyova2011@yandex.ru

Korolyova Tatiana Vladimirovna

Volgograd State Social-Pedagogical University

Department of the Russian language and methods of its teaching

e-mail: tat.korolyova2011@yandex.ru

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 15. 019. + 153. 1

СПЕЦИАЛЬНЫЙ ЭКСПЕРТНЫЙ ОПРОС КАК МЕТОД ИССЛЕДОВАНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ПРИЧИН ТРАВМАТИЗМА

© 2018. *В.И. Безродный*

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк

Приводятся данные экспериментальных исследований возможностей экспертного опроса для изучения психологических причин производственного травматизма. Предлагается способ вычисления экспертного индекса травмирования, который может быть использован как для сравнительных, так и корреляционных исследований.

Ключевые слова: экспертный опрос, психологические причины травматизма, статистические связи.

Одной из центральных проблем в изучении психологических причин травматизма является формирование полярных групп людей, с которыми часто либо, напротив, редко происходят несчастные случаи. Аналогично может быть поставлена задача отбора групп по таким показателям как частота нарушения правил техники безопасности (ТБ), осторожность – неосторожность и т. д.

Особенно остро перед исследователями стоит проблема формирования полярных групп в некоторых видах профессиональной деятельности, в частности на подземных работах.

Очень важный вопрос – это фиксация травм. Для этого можно использовать официальные источники (акт Н-1), или опросы непосредственно руководителей. В первом случае мы выполняем отбор людей по жёсткому объективному критерию, однако не все травмы фиксируются в актах. Травма причиняет материальные убытки не только тому, кто ее получил, но и всему трудовому коллективу (звену, бригаде, начальству). Поэтому их часто скрывают разными способами.

Во втором случае при использовании экспертного опроса нельзя исключить элемент субъективизма.

Можно видеть, что оба подхода, опирающиеся либо на мнения экспертов, либо на данные актов Н-1 имеют определённые недостатки. Отчасти может спасти положение предложение М.А. Котика фиксировать все имеющиеся травмы [3]. Однако на подземных работах достоверность подобной информации невысокая, ввиду сокрытия всех видов травм. Звену, бригаде намного выгоднее отработать за травмированного, чем нести материальные и моральные санкции за повышение показателей травматизма на участке [2; 4; 6].

При отборе испытуемых в экспериментальные группы мы не можем опираться на результаты невключённого наблюдения за трудом рабочих, поскольку присутствие исследователя искажает поведение наблюдаемых. Использование других видов наблюдения в условиях лавы практически невозможно или потребовало бы слишком больших затрат времени. Поэтому более целесообразно использовать ретроспективный подход, анализируя информацию об уже происшедших, опасных ситуациях. Обычно

информация этого рода собирается при исходах опасных ситуаций, закончившихся несчастным случаем. При этом мы полагаем, что для рабочих, которые чаще других оказываются в опасных ситуациях, выше вероятность травмирования. Следовательно, некоторые из них должны иметь больше травм к моменту исследования и могут быть выделены по этому признаку. Как дополнительный критерий можно использовать данные о частоте нарушений рабочим правил ТБ, поскольку это также может приводить к опасным ситуациям.

Для формирования полярных групп можно использовать возможности экспертного опроса. Эксперт (от лат. “опытный”, “искушённый”) – компетентный человек, имеющий специальный опыт в конкретной области. В нашем случае в качестве экспертов выступили звеньевые, бригадиры, горные мастера, начальники смен, т. е. люди, которые имеют максимальную возможность наблюдать за горнорабочими в специфических условиях подземных работ.

Экспертные оценки предполагалось получить при интервьюировании в соответствии с требованиями, изложенными в [1; 5]. В частности, интервьюирование проводилось после предварительного знакомства с опрашиваемыми, совместного пребывания в шахте, на рабочих местах с тем, чтобы расположить опрашиваемых к контакту. Поле интервьюирования было стандартизовано; опрос проводился наедине с опрашиваемым, в спокойной обстановке. Перед началом интервью давалась гарантия полного сохранения тайны опроса. Во время опроса не допускалось санкционирование ответов опрашиваемого (похвала или порицание, выражение согласия или несогласия с помощью мимики и т. п.). Интервьюер не вступал в полемику с опрашиваемым и не выражал свою точку зрения по вопросам интервью.

Интервью начиналось с открытого вопроса, пробуждающего активность опрашиваемого, и включало контрольные вопросы для оценки надёжности ответов. Вступительный вопрос не был трудным, касался в общих чертах первых вопросов интервью. Вопросы интервью были построены таким образом, чтобы избежать влияния эффекта излучения, но в тоже время не оставить впечатления скачкообразности, бессвязности. Использовались закрытые вопросы в целях стандартизации и устранения субъективизма при регистрации ответов интервьюером.

Таким образом, интервью было формализованным и проводилось по определённой схеме. Опрашиваемому предъявлялся список звена, отпечатанный на пишущей машинке чётким, разборчивым шрифтом. Фамилии расположены в алфавитном порядке и пронумерованы. Вопросы задавались интервьюером в строгой последовательности и в одной и той же форме. Все вопросы и их последовательность предварительно заучивались наизусть. Если опрашиваемый задавал встречные вопросы, то интервьюер объяснял, что ответит на них после опроса, и продолжал интервью по установленной форме.

Ответы регистрировались интервьюером на заранее подготовленном бланке, при этом указывались не фамилии рабочих, а их номера по списку у опрашиваемого. Мнение интервьюера об особенностях проведённого им интервью заносилось в соответствующий бланк. Интервьюер не ограничивал опрашиваемого в отношении количества отбираемых им людей, но стремился, чтобы это число было не менее 15–20% состава звена. При оценке интервью опрашиваемых, учитывалось их поведение, отношение к опросу, знание людей.

При составлении выборки соблюден принцип случайности (рандомизации) – шахты избраны без предвзятости. Изученные свойства выборки можно перенести на генеральную совокупность, представляющую собой определённое множество шахт, характеризующихся признаками, сходными с признаками выбранных шахт.

При определении объёма выборки учитывались требования, предъявляемые для математической обработки результатов. Для определения вида распределения изучаемого признака и последующего корреляционного анализа желательно иметь группу около 100 человек. С учётом возможного отсева испытуемых необходимо отобрать около 110–160 человек в каждую группу.

Апробирование методики формирования экспериментальных групп проводилось в ходе пилотажного исследования на шахте № 17 "Кировская" г. Донецка. Списочный состав горнорабочих очистного забоя (ГРОЗ) шахты на момент исследования – 586 человек. В ходе контент-анализа изучались данные о травматизме за 5 лет. Выяснилось, что в актах о несчастных случаях, журналах травматизма отдела техники безопасности и медпункта содержится практически одна и та же информация. Поэтому реально можно опираться только на данные о травмах с потерей трудоспособности, отмеченных в актах Н-1. Анализ этих данных показал, что около 70 % ГРОЗ в течение 5 лет получают травмы с потерей трудоспособности. Из общего количества травмированных ГРОЗ около 10 % получали травмы неоднократно (табл. 1).

Таблица 1

Сведения о травмах ГРОЗ на шахте № 17 за 5 лет

Количество травм	1	2	3	4
Количество ГРОЗ	397	39	4	3

Анализ документации о нарушениях правил ТБ горнорабочими был проведён на участке № 11 этой же шахты. На участке работало 118 ГРОЗ, разрабатываемый пласт имел высоту 1,1 м, при выемке угля применялся узкозахватный комбайн, кровля крепилась стойками типа ГС. Результаты контент-анализа приведены в табл. 2. Эти данные показывают, что количество зарегистрированных нарушений правил ТБ невелико и, очевидно, не может служить основанием для формирования групп по признаку соблюдения правил ТБ. Следует также отметить, что только один рабочий из группы нарушителей правил ТБ вошёл одновременно в группу лиц, имеющих повторные травмы.

Для уточнения данных, полученных на участке № 11, был проведён экспертный опрос.

Таблица 2

Сведения о нарушениях правил ТБ горнорабочими участка № 11 за 5 лет

Количество нарушений правил ТБ	2	3	4	5	6
Количество ГРОЗ	16	13	7	2	1

В группу экспертов вошли 7 человек: 5 горных мастеров и 2 звеньевых. Экспертные оценки были собраны на 100 горнорабочих. При обработке результатов выяснилось, что 9–23 % ГРОЗ получили взаимоисключающие оценки у разных экспертов (табл. 3). Совпадение экспертных оценок для остальных рабочих было не одинаковым для разных характеристик. От 10 до 35% рабочих получили совпадающие оценки у двух и более экспертов и 2–18% – у трёх и более экспертов (табл. 4).

Сопоставительный анализ данных, полученных при экспертном опросе и контент-анализе, показал, что никто из рабочих, характеризующихся экспертами, как лица, чаще других, получающие травмы, не вошёл в аналогичную группу, выделенную при контент-анализе, а в отношении ГРОЗ, нарушающих правила ТБ, совпадение при обоих методах составило 30,7 %.

Методика экспертного опроса была апробирована также на шахте № 13-бис г. Ханжонково. Исследования проводились на участке УПР, где работало 140 проходчиков. На каждого рабочего было получено 7 экспертных оценок, данных бригадирами, горными мастерами, начальником участка и его помощником. Проходческие звенья меньше по количеству, чем звенья ГРОЗ, а горные мастера на участке УПР постоянно работают с одними и теми же звеньями. Поэтому можно было ожидать, что совпадение экспертных оценок в этом случае будет больше, чем у экспертов, оценивающих ГРОЗ. Это предположение подтвердилось (табл. 5.). Однако и в этом случае количество горняков, одинаково оцениваемых хотя бы половиной экспертов, составляет лишь около 10% от общего количества группы, отобранной экспертами, 6-11% проходчиков получили взаимоисключающие оценки.

Таблица 3

Количество ГРОЗ, получивших взаимоисключающие оценки у разных экспертов

Характеристики	Количество ГРОЗ	
	Чел.	%
Опытные - неопытные	10	10
Чаще других получают травмы - реже других получают травмы	9	9
Осторожные - неосторожные (лихачи)	17	17
Чаще других нарушают правила ТБ - реже других нарушают правила ТБ	9	9
Чаще выполняют опасную работу - реже выполняют опасную работу	23	23
Хуже других справляются с опасной работой - лучше других справляются с опасной работой	22	22

Таблица 4

Количество ГРОЗ, получивших совпадающие оценки экспертов

Характеристики	Число экспертов	Количество ГРОЗ	
		человек	%
Опытные	≥ 2	35	35
	≥ 3	18	18
Неопытные	≥ 2	18	18
	≥ 3	11	11
Чаще других получают травмы	≥ 2	30	30
	≥ 3	18	18
Реже других получают травмы	≥ 2	18	18
	≥ 3	5	5
Осторожные	≥ 2	28	28
	≥ 3	10	10
Неосторожные	≥ 2	10	10
	≥ 3	2	2
Чаще других нарушают правила ТБ	≥ 2	13	13
	≥ 3	3	3
Реже других нарушают правила ТБ	≥ 3	15	15
	≥ 2	29	29
Чаще выполняют опасную работу	≥ 2	28	28
	≥ 3	17	17
Реже выполняют опасную работу	≥ 2	29	29
	≥ 3	10	10
Хуже других выполняют работу	≥ 2	21	21
	≥ 3	10	10
Лучше других выполняют работу	≥ 2	29	29
	≥ 3	17	17

Только 15 % проходчиков, имеющих, согласно документам, повторные травмы с потерей трудоспособности, были оценены экспертами, как лица, травмирующиеся чаще других.

Расхождение мнений экспертов ставит под сомнение возможность использования экспертного опроса для отбора групп. Более определённую информацию можно извлечь из официальной документации о травматизме. Безусловно, мы учитываем, что в шахтной документации выделение лиц, травмированных по своей вине, сомнительно. Собственный опыт и литературные источники [2; 4; 6] показывают, что сведения о личностных причинах травм, приводимые в актах Н-1, не всегда соответствуют реальному положению вещей. В них не учитываются такие причины возникновения опасной ситуации, приведшей к травме, как склонность пострадавшего к рискованным действиям, нарушению правил ТБ, флюктуирующее внимание и т.д.

Таблица 5

Совпадение мнений экспертов при оценке некоторых характеристик горняков

К-во экспертов, дающих совпадающие оценки	К-во горняков, получивших совпадающие оценки			
	Чаще других получающие травмы	Реже других получающие травмы	Чаще других нарушающие правила ТБ	Реже других нарушающие правила ТБ
<i>шахта № 17</i>				
2	-	18	12	14
3	1	4	3	12
4	2	-	-	4
5	1	-	-	-
<i>шахта № 13</i>				
2	17	20	19	16
3	9	16	6	13
4	5	10	6	13
5	2	5	5	-
6	1	1	1	3
7	1	6	-	1

Мы полагаем, что возможности экспертного опроса далеко не исчерпаны. Если полученную от экспертов информацию представить в виде своеобразной оси выраженности изучаемого признака, например, частоте травмирования (рис. 1), то все члены исследуемой выборки расположатся на оси от -1 до $+1$. Число 7, в нашем случае, это число экспертов. В таком случае показатель выраженности признака, в нашем случае экспертный индекс травмирования (ЭИТ) будет равен числу экспертов, которые отнесли конкретного человека к категории лиц, травмирующихся чаще других. Соответственно, чем большее число экспертов отнесли данного человека в эту группу, тем большим будет показатель с соответствующим знаком. Аналогичная ситуация и с правой частью шкалы. Только в этом случае увеличение индекса свидетельствует о росте травмрезистентности испытуемого. Тогда в центре окажутся лица, которые не названы ни одним из экспертов (0), либо имеющие взаимоисключающие оценки (+,-). Подобное несовпадение мнений может быть объяснено разными причинами: здесь и влияние ситуации, а каждый эксперт наблюдает и оценивает рабочих в различных ситуациях, воздействие таких социально-психологических механизмов как стереотипизация, «эффект ореола».

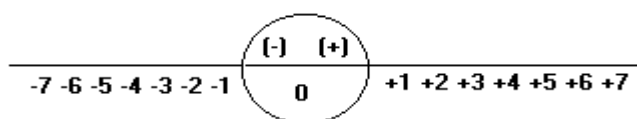

Рис.1. Ось выраженности вероятности травмирования

Представляет интерес установление статистической связи между экспертным индексом травмирования и другими объективными и субъективными критериями травморезистентности человека. К числу таких критериев мы относим: 1) количество травм за время работы под землёй, указанных самим рабочим; 2) индекс, выражающий отношение вышеуказанного показателя к подземному стажу; 3) количество травм за 10 лет работы под землёй, полученных из актов Н-1; 4) показатель, выражающий отношение количества травм за время работы на шахте к времени работы на этой шахте. Указанные критерии отличаются по степени объективности, точности и часто используются исследователями для формирования экспериментальных групп при изучении психологических причин травматизма.

Как видно из табл. 6 коэффициент корреляции и уровень достоверности растёт при переходе от субъективных критериев (анкетный опрос) к объективным (акты Н-1).

Таблица 6

Корреляционная связь экспертного индекса травмирования с некоторыми показателями

Показатель	r	P<
Количество травм за время работы под землёй (анкетный опрос рабочих)	-0,18	0,05
Количество травм за время работы под землёй (анкетный опрос рабочих) / подземный стаж	-0,20	0,05
Количество травм за 10 лет работы под землёй (по актам Н-1)	-0,25	0,01
Количество травм за время работы на шахте 13-бис (по актам Н-1) / время работы на шахте	-0,35	0,001

Следует отметить, что в официальных актах о травматизме не всегда четко можно выделить психологические причины травмирования, связанные непосредственно с конкретным виновником происшествия.

Результаты наших исследований показывают, что в исследовании психологических причин травмирования экспертный опрос занимает должное место. Особенно целесообразно его использовать в таких специфических видах профессиональной деятельности как подземные работы. Применение специальной биполярной шкалы оценок, описанной в данной работе, позволит получать индивидуальный экспертный индекс травмирования, который может быть использован как в сравнительных, так и корреляционных исследованиях психологических причин травматизма.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Горбатов Д.С. Практикум по психологическому исследованию: учебн. пособие / Д.С. Горбатов. – Самара: Издательский Дом «БАХРАХ – М.: 2000. – 248 с.
2. Ильин Е.П. Психология риска / Е.П. Ильин. – СПб.: Питер, 2012. – 288 с.
3. Котик М.А. Психология и безопасность / М.А. Котик. – Таллин: Валгус, 1989. – 448с.
4. Лесенко Г.В. Анализ и профилактика производственного травматизма. – Киев; Техника, 1970. – 184 с.
5. Рабочая книга социолога. – М.: Прогресс, 1975. – 576 с.

6. Рихман И.И. Значение экстренного извещения и обследования в борьбе с производственным травматизмом / И.И. Рахман // Здоровоохранение Белоруссии. – 1964. – № 4. – С. 51–53.

Поступила в редакцию 28.11.2017 г.

SPECIAL EXPERT INTERVIEW AS A RESEARCH METHOD OF TRAUMATISM PSYCHOLOGICAL CAUSES

V.I. Bezrodny

The article addresses experimental investigation data of expert interview possibilities for studying psychological causes of industrial traumatism. The article provides a method of calculating the traumatism expert index, which can be used both in comparative and correlation studies.

Key words: expert interview, traumatism psychological causes, statistical connections.

Безродный Владимир Иванович

Кандидат психологических наук, доцент
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
Доцент кафедры психологии
e-mail: bezrodnuy@rambler.ru

Bezrodny Vladimir Ivanovich

Candidate of Psychology
Donetsk National University
Associate Professor of the Department of Psychology
e-mail: bezrodnuy@rambler.ru

УДК 159.9: 37.062+37.015.3

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ В ОЦЕНКАХ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ВУЗОВ

© 2017. *Т.А. Вилюжанина*

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк

В статье анализируются современные подходы к проблеме психологической безопасности образовательной среды. Представлены результаты пилотажного исследования, направленного на выявление уровня психологической безопасности образовательной среды вуза и различий в его оценке преподавателями.

Ключевые слова: безопасность, психологическая безопасность, образовательная среда, психологическое благополучие, психолого-педагогическое сопровождение.

Постановка проблемы. Потребность в безопасности, в том числе психологической, по А. Маслоу, одна из базовых потребностей личности в любом возрасте. Потребность в безопасности актуализируется в критических, экстремальных, хронически неблагоприятных, угрожающих ситуациях, в условиях социальной дезорганизации, радикальных общественных изменений, которые разрушают привычные стереотипы поведения и сложившийся образ жизни. Именно в периоды кризисных социальных изменений, в одном из которых мы находимся, особенно остро ощущается блокировка потребности в безопасности. Человек начинает остро чувствовать свою социальную незащищённость, неуверенность в собственном будущем, угрозу безопасности существования как полноценного гражданина и личности. Многие люди открыто заявляют, что они являются объектами манипулятивного воздействия и, в частности, политических манипуляций, «политической игры», на которые они отвечают раздражением, злостью, нетерпимостью, увеличивая тем самым и без того значительный потенциал разрушительности в общественной психологии.

Образовательная среда является частью среды обитания человека, поэтому оказалась не защищённой от неблагоприятных тенденций жизни общества, где определённое место занимают проявления социально-психологического насилия, агрессивности, недоброжелательности, а также негативное психологическое воздействие, распространены конфликты и оскорбления, угрозы, которые рассматриваются как нарушение психологической безопасности. Психологическую безопасность личности можно понимать как систему межличностных отношений, которые вызывают ощущение принадлежности; убеждают человека, что он находится вне опасности; укрепляют психическое здоровье, определённую защищённость сознания от воздействий, способных против его воли и желания менять психические состояния [8]. Учебные заведения, как социальный институт общества, являются субъектами безопасности, и важность изучения психологической безопасности личности в образовательной среде заключается в том, что учебные заведения (в частности, высшие) способны строить свою локальную (частную) систему безопасности как через обучение и воспитание, так и через решение задач развития [2].

Сегодняшняя ситуация в высшей школе характеризуется, с одной стороны, глобальным противоречием между ценностями, которые провозглашаются в обществе,

и реально существующими с жёсткой конкуренцией и культом силы, в результате чего у студенческой молодёжи происходит резкий рост тревожных состояний через восприятие окружающего мира, как опасного, и себя, как неспособного противостоять этой опасности. Нельзя не обойти вниманием и такие явления, как неадекватное восприятие студентами педагогических требований, увеличение числа студентов с проблемами в обучении, эмоциональными и когнитивными расстройствами, аддиктивными формами поведения. С другой – значительным снижением степени педагогической удовлетворённости профессией, потерей смысла выполняемой работы, психологическим дискомфортом, кризисами опустошённости, бесперспективности, нереализованности у преподавателей [6]. В связи с этим все острее возникает необходимость создания психологически безопасных условий вузов, основная цель которых – сделать образовательную среду доступной для эффективного развития каждого ее субъекта.

Анализ последних исследований и публикаций. В отечественной психологической науке проблема психологии безопасности исследовалась в основном в сфере трудовой деятельности (В.А. Бодров, С. Никифоров, Е.А. Климов, Н.Л. Шлыкова и др.), в контексте обеспечения национальной и информационной психологической безопасности (А.К. Гливаковский, И.М. Семенов, Р. Яновский), безопасности жизнедеятельности (Е.А. Дорофеев, А.В. Злобин). Значительный вклад в осмысление психологии образовательной среды внесли Б.Г. Ананьев, Г.М. Андреева, И. Дубровина, А.А. Реан, В.И. Слободчиков, В.А. Ясвин и др. Существенный интерес для изучения социально-психологической безопасности образовательной среды представляют работы К.А. Абульхановой--Славской, А.Г. Асмолова, А.И. Донцова, В.В. Рубцова и др. Развитие этих идей нашло свое продолжение в работах, посвященных психологии безопасности образовательной среды. Ряд авторов (И.О. Баева, Л.А. Регуш) описывают образовательную среду с точки зрения психологической безопасности как среду, в которой можно выражать свои мысли без страха быть отвергнутым и чувствовать защищенность от негативного обращения.

В.В. Рубцов определяет образовательную среду как общность, основным психологическим компонентом которой является характер общения и взаимодействия субъектов образовательного процесса, особенности их коммуникативного поведения. Важной чертой образовательной среды является сущность и характер межличностных отношений, которые происходят в ней, то есть тех отношений, которые возникают между субъектами данной среды в ходе реализации образовательных функций. Фактически это образовательный потенциал, пространство культурного диалога (полилога), происходящего между всеми участниками образовательного процесса как внутри учебного заведения, так и за его пределами [5].

Психологическая безопасность образовательной среды может рассматриваться как защищённость от психологического насилия во взаимодействии с такими структурными компонентами как унижение, угрозы, недоброжелательное отношение, игнорирование и т.д. В модели В.В. Рубцова и И.О. Баевой выделены четыре условия, обеспечивающие психологическую безопасность образовательной среды: защищённость от психологического насилия; референтная значимость окружения; удовлетворённость в личностно-доверительном общении; система психологической помощи и сопровождения субъектов образовательной среды [1]. Необходимо смоделировать и спроектировать такую образовательную среду, где бы все ее участники чувствовали защищённость и удовлетворённость основных потребностей, хранили и развивали психическое здоровье. Психически здоровой личностью может быть

только в определённых условиях. Психологическая безопасность образовательной среды является ведущим компонентом, влияющим на психическое здоровье субъектов учебно-воспитательного процесса. Психологическое сопровождение, способствующее созданию психологической безопасности из-за снижения психологического насилия в образовательной среде, является фактором, который гармонизирует психологическое здоровье участников образовательного процесса, повышает качество жизни. Сопровождение участников образовательного процесса, направленное на создание психологической безопасности образовательной среды, успешно, если: осуществляется комплексно по всем субъектам; основой для его проектирования и моделирования служат показатели психологической безопасности образовательной среды и ее отражение в характеристиках психического здоровья; строится на принципах активного социально-психологического обучения, соотносится с проблемами возрастного и профессионального развития её участников; включает групповые дискуссии и обучение жизненно важным умениям по вопросам безопасности психологического взаимодействия, ненасильственной коммуникации, последствий психологического насилия для личностного роста.

Согласно исследованиям, уровень психологической безопасности в среде может повышаться или снижаться в зависимости от ситуации, в которой находится человек, а именно, от его взаимоотношений с референтной группой [7]. Ситуации нарушения психологической безопасности в образовательной среде относятся к ситуациям повышенного риска (по показателям психологического климата и социальной поддержки). Негативные переживания наряду с состоянием напряжённости, страха и подавленности входят в определение психологического дискомфорта и являются следствием нарушения психологической безопасности личности. Основной угрозой психологической безопасности, вызывающей негативные переживания, является психологическое насилие в межличностных отношениях. На проявление насилия в межличностных отношениях влияют представления о нем – для одних людей неуважение в межличностных отношениях, игнорирование, обиды и т.п. могут быть насилием, а для других нет. Психологические последствия насилия влияют на все уровни функционирования личности, они вызывают нарушения в познавательной сфере и снижают производительность психической деятельности в целом, проявляются в виде тревожных и депрессивных переживаний и экстраполируются в будущее, провоцируют определённые паттерны поведения и формируют негативные представления, которые отражаются на поведении и взаимодействии с другими людьми, приводят к стойким личностным изменениям. Причинами психологического насилия являются биологические факторы, семейные отношения, средовые факторы и межличностные отношения. Если говорить о биологических и семейных причинах психологического насилия, то учебное заведение может лишь опосредованно влиять на тех людей, которые проявляют признаки насилия во взаимодействии, а на уровне средовых условий и межличностных отношений есть возможность контролировать и корректировать их. Для того, чтобы отказаться от психологического насилия и создать безопасную окружающую среду, человек должен иметь представление не только о том, что является насилием, но и как создать условия для внутренней безопасности и безопасности референтной окружающей среды, должен уметь управлять чувствами и идентифицировать, что происходит в группе, определять пути, с помощью которых опасное поведение может стать насильственным.

Выделяются три параметра образовательной среды с точки зрения психологической безопасности: пространственно-предметный, психодидактический,

социально-психологический. Пространственно-предметный компонент – это физическое пространство жизнедеятельности. Психодидактический компонент включает в себя несколько составляющих: программа обучения, тип образовательной среды (творческий, карьерный, беззаботный или догматический, по В.А. Ясвину), стиль преподавания (авторитарный, демократический или либеральный), место информационных технологий в обучении, эмоциональная насыщенность среды. Социально-психологический компонент, безусловно, является центральным в плане влияния на психологическую безопасность (ПБ), он включает аспект межличностных отношений участников образовательного процесса, особенности психологического климата коллектива, проблему социального расслоения и др. [4].

И.Б. Бессонов, Е.В. Дьяченко определяют психологическую сущность образовательной среды вуза как совокупность деятельностно-коммуникативных актов и взаимоотношений участников образовательного пространства. Авторами в рамках конкретных образовательных сред установлен ряд существенных отличий во мнениях студентов педагогического и медицинского вузов по показателям «отношение к вузу», «удовлетворённость характеристиками его среды», «защищённость в ней». Обобщённый индекс удовлетворённости образовательной средой достоверно выше выражен у студентов педагогического вуза, которые в сравнении с будущими медиками чувствуют себя более комфортно и защищённо в образовательной среде своего вуза. Авторы считают, что создание психологически безопасной образовательной среды может быть одной из центральных задач Центров психологического сопровождения образовательного процесса в высшей школе. Её реализация возможна через насыщение среды вуза программами и психотехнологиями, обеспечивающими устранение психологического давления во взаимодействии [2].

Таким образом, психологически безопасная образовательная среда – среда взаимодействия, основанная на гуманистических принципах, свободная от проявления психологического насилия, имеющая референтную значимость для её участников и проявляющаяся в эмоционально-личностных и коммуникативных характеристиках её субъектов. Именно психологическая безопасность является условием, обеспечивающим формирование и развитие функционального комфорта, поддержание высокого уровня личностно-эмоциональной защищённости и социально-психологической умелости, оптимизацию резервных возможностей личности в деятельности.

Постановка задачи. Несмотря на то, что проблема психологической безопасности становится все более актуальной и ведутся практические исследования в данном направлении, пока недостаточно представлена в научных публикациях и практических исследованиях психологической безопасности такая узкоспециализированная профессиональная группа, как преподаватели вузов. В этой связи изучение данного вопроса представляется весьма своевременным и актуальным.

Цель исследования: изучить оценку представителей организационных культур нескольких высших учебных заведений состояния психологической безопасности образовательной среды.

Изложение основного материала исследования. Образовательные реформы привели к тому, что деятельность преподавателя вуза становится все более похожей на производственный процесс, в результате чего приоритет отдаётся развитию методик и технологий, разработке тестов, программ в ущерб чисто человеческому взаимодействию субъектов образовательного процесса. Закономерным в такой ситуации становится резкое увеличение психической и психологической напряжённости преподавателей. Можно констатировать, что в результате этих

тенденций вуз становится фактором угрозы для психологической безопасности педагогов, приводя к росту числа проблемных и дезадаптированных личностей. Нарушение психологической безопасности преподавателя проявляется в пассивности и скуке, бессилии что-либо изменить, что выливается в чувство бессмысленности всего обучения, потери уверенности в себе и постоянное переживание тревоги, которое невротизирует личность и приводит к нарушениям здоровья. В условиях обучения важно чувствовать не только свою интеллектуальную, но и коммуникативную способность, то есть чувствовать себя достойным уважения, иметь возможность осваивать зрелые формы и модели поведения, свободные от психологического насилия, давления, манипуляций [3]. Поэтому именно коммуникативный компонент несёт на себе основную нагрузку по удовлетворению потребности в безопасности всех субъектов образовательного пространства, обеспечивает возможность сохранения и повышения их самооценки и способов самоактуализации.

Психологическая безопасность является субъективным состоянием личности. Мы никогда до конца не знаем, что нарушает этот процесс у каждого конкретного человека, ведь даже внешне благоприятные условия микросреды высшего учебного заведения могут вызвать у отдельных преподавателей переживания неблагополучия, которое возникает в силу их частных проблем. То, что нормально и безопасно для одного человека, другим воспринимается как катастрофа. Это связано с индивидуально-психологическими качествами личности, её потребностями и др. Но в то же время необходимо выделить факторы образовательной среды, которые могут привести к нарушению психологической безопасности. Зная эти факторы, можно в определённой степени оказывать на них влияние, регулировать с целью предупреждения нежелательного воздействия. Поэтому на основе проведённого теоретического анализа нами было проведено пилотажное исследование, в результате которого были определены предварительные критерии психологической безопасности образовательной среды вуза. Первый критерий – это защищённость от психологического насилия во взаимодействии для всех участников образовательной среды. Угрозой психологической безопасности будет непризнание референтной значимости образовательной среды её участниками и, как следствие, реализация намерения её покинуть или отрицание её ценностей и норм. Второй критерий психологической безопасности образовательной среды – её референтная значимость, что фиксируется как отношение к ней. Угрозой психологической безопасности будет отсутствие у участников образовательной среды удовлетворённости основными характеристиками процесса взаимодействия, так как в этом процессе содержатся возможности и условия, обеспечивающие личностное развитие. Эмпирическими проявлениями здесь являются: эмоциональный комфорт, возможность высказать свою точку зрения; уважительное отношение к себе; сохранение личного достоинства; возможность обратиться за помощью, учёт личных проблем и трудностей; внимание к просьбам и предложениям; помощь в выборе собственного решения. Третьим критерием психологической безопасности образовательной среды является уровень удовлетворённости основными характеристиками процесса взаимодействия.

Для выявления уровня психологической безопасности образовательной среды вуза и особенностей его оценки преподавателями была использована методика «Диагностика психологической безопасности образовательной среды» (автор И.О. Баева). В основе методики лежит концептуальный подход к эмпирическим критериям оценки психологической безопасности образовательной среды вуза. И.О. Баева выделяет три эмпирических критерия психологической безопасности образовательной среды:

1) отношение к образовательной среде (позитивное, нейтральное или отрицательное), измеряемое системой шкал, содержащих когнитивный, эмоциональный и поведенческий компоненты данного отношения;

2) значимые характеристики образовательной среды и удовлетворённость ими, рассчитываемая как суммарная оценка удовлетворённости отдельными характеристиками социального взаимодействия в среде вуза;

3) защищённость от психологического насилия в среде вуза со стороны его участников (преподавателей, сокурсников).

Общая выборка на этапе пилотажа составила 78 респондентов: преподаватели Института последиplomного образования инженерно-педагогических работников (г. Донецк) – 28 человек (группа А), филологического факультета Мариупольского государственного университета – 22 (группа Б), Макеевского экономико-гуманитарного института – 28 человек (группа В). Такая выборка позволила нам выполнить сравнительный анализ данных, выявить различия и сходство в восприятии образовательной среды и уровня психологической безопасности респондентов.

Рассмотрим некоторые результаты пилотажного исследования психологической безопасности образовательной среды, касающиеся изучения уровня психологической безопасности и её структурных компонентов в образовательных учреждениях, особенностей оценки уровня психологической безопасности субъектами образовательной среды. Анализ результатов полученных данных показывает, что более половины участников образовательной среды положительно к ней относятся, 28% участников среды относятся нейтрально и 12% участников относятся отрицательно. Оценка социальной среды сотрудниками говорит в целом об их удовлетворённости средой, что является важным условием профессиональной деятельности. Однако положительная оценка была обнаружена лишь у 60% испытуемых, что свидетельствует о возможных трудностях и проблемах в социальной среде. Из проведённого исследования уровня психологической безопасности образовательной среды (табл. 1) видно, что существуют различия в оценке преподавателей различных вузов уровня психологической безопасности:

Таблица 1

Уровни психологической безопасности (ПБ) преподавателей вузов

Группы респондентов	Количество респондентов (%)			
	Высокий уровень ПБ (0-0,5)	Средний уровень ПБ (0,6-1)	Низкий уровень ПБ (1-более 1)	Среднее значение уровня ПБ (баллы)
Группа А	23,6	52,9	23,5	0,78
Группа Б	22,5	65,4	12,1	0,63
Группа В	85,8	14,2	-	0,45

Самый высокий уровень психологической безопасности наблюдается в группе В, низкий показатель уровня психологической безопасности – у преподавателей группы А. Доминирующим компонентом отношения в вузах является эмоциональный компонент, который свидетельствует о том, что сотрудники чувствуют положительные эмоции, довольны своей работой и вузом, в котором работают. Наиболее значимыми характеристиками социальной среды вуза при описании психологически комфортного пребывания в нем респонденты чаще отмечают сферу межличностных коммуникаций

(взаимоотношения с коллегами и студентами), чем сферу проявления собственного Я (сохранение личного достоинства, возможность высказать свою точку зрения, помощь в выборе собственного решения).

Существует противоречие между оценками удовлетворённости характеристиками среды: преподавателей удовлетворяют отношения с руководством и коллегами, в то же время им не дают возможность высказать своё мнение, проявить инициативу и не уважительно к ним относятся. Значение показателя психологической защищённости от руководства по шкале «принуждение к какой-нибудь работе» и по шкале «игнорирование» заметно ниже других показателей, что можно объяснить незащищённостью сотрудников перед выполнением не запланированной или формальной (иногда бессмысленной) работы, что доставляет определённый дискомфорт и чувство незащищённости. Более низкие показатели по критерию защищённости от игнорирования связаны с тем, что участники образовательной среды испытывают недостаток внимания к себе как со стороны коллег, так и руководства, что может быть связано с отсутствием общих встреч, мероприятий, с незнанием методов обеспечения психологической безопасности персонала со стороны руководства. Наиболее распространёнными областями, в которых встречаются серьёзные угрозы психологической безопасности социальной среды организации, являются «посягательство на авторитет» (45% случаев) и «коммуникативные нападения» (34% случаев). Насмешки, неуважительное отношение, унижение - это те действия, которые со временем могут нанести значительный вред авторитету человека, тем самым подорвав его уверенность в себе. Мы выяснили, что 38% преподавателей чувствуют себя более безопасно и защищённо от публичного оскорбления, угрозы, принуждения что-либо делать против желания, игнорирования, недоброжелательного отношения со стороны коллег. Скорее незащищёнными от перечисленных факторов чувствует себя 9,4% преподавателей.

В исследовании были выявлены наиболее значимые характеристики образовательной среды с точки зрения участников опроса. Так, после расчёта критерия по статистике χ^2 обнаружены различия в достоверно большей значимости в оценке преподавателями группы А таких показателей, как уважительное отношение к себе ($p < 0,01$), возможность обратиться за помощью ($p < 0,05$), учёт личных проблем и затруднений ($p < 0,01$). Для преподавателей группы Б наиболее значимыми выступили отношения с коллегами ($p < 0,01$). По отношению к коллегам наиболее защищёнными чувствуют себя преподаватели группы А, в группе В выявлены достоверно более низкие показатели защищённости от угроз, связанных с преподавателями ($\chi^2 = 17.14$; $p = 0.05$). По отношению к студентам наибольшую защищённость продемонстрировали также респонденты группы А, наименее защищёнными оказались преподаватели группы Б. Сравнение оценок преподавателей защищённости от администрации показало, что чувствуют себя более комфортно и безопасно преподаватели группы В ($\chi^2 = 53.33$; $p = 0.001$).

Однако обобщённый индекс защищённости у респондентов всех вузов выражен одинаково, на уровне выше среднего (от 3-х до 4-х баллов), что свидетельствует о выраженном наличии у них чувства защищённости от психологического насилия в виде оскорблений, угроз, публичного унижения и т. п.

Результаты анализа позволили определить следующее. Во-первых, во всех группах уровень психологической безопасности образовательной среды в оценках преподавателей достаточно высок. Данный результат можно рассматривать с точки зрения статусно-ролевых особенностей исследуемых и предположить, что образовательная среда для преподавателей воплощает в себе поле их профессиональной деятельности и по ценностно-смысловому содержанию может

выступать как достаточно значимая. Во-вторых, различия в уровне психологической безопасности образовательной среды в различных вузах в оценках преподавателей выражены достаточно ярко, что может говорить о том, что психологическая безопасность образовательной среды для педагогов может детерминироваться различными факторами.

Выводы исследования и перспективы дальнейших исследований в данном направлении. Проведённое пилотажное исследование имело целью апробации методологических, методических и организационных решений, принятых на этапе подготовки программы исследовательского проекта. Пилотажное исследование проводилось по сокращённому плану и без строгого контроля внешних переменных, поэтому надёжность данных, получаемых в результате пилотажа, небольшая, но его проведение позволяет устранить грубые ошибки, связанные с выдвижением гипотезы, планированием исследования, контролем переменных.

Психологическая безопасность образовательной среды различных вузов в оценках преподавателей имеет выраженную дифференциацию и различия в зависимости от конкретного учреждения. Статистическая обработка результатов исследования показала достоверность различий в оценке психологической безопасности образовательной среды с позиций изученных групп респондентов.

Дальнейшая работа в этом направлении должна быть связана с более детальным изучением проблемы взаимозависимости социально-психологических характеристик человека с процессом формирования психологической безопасности в условиях образовательной деятельности. Актуальной является проблема влияния уровня развития психологической безопасности на эффективность деятельности субъекта образовательного процесса. Представляется актуальным и раскрытие содержания феномена психологической безопасности в контексте личностных характеристик субъекта, развития мотивационных процессов человека, готовности к преподавательской деятельности в современных условиях, обеспечения надлежащего качества жизни.

Подводя итоги, хотелось бы отметить, что проблема психологической безопасности образовательной среды вуза требует пристального внимания. Практическое воплощение многих положений требует дополнительных ресурсов, таких, как психолого-педагогическая подготовка кадров, разработка и внедрение вариативных технологий психолого-педагогического сопровождения психологической безопасности образовательной среды и методики измерения их эффективности, выявления характеристик психологической безопасности по соответствующим категориям.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баева И.А. Психологическая безопасность образовательной среды как ресурс психического здоровья субъектов образования / И.А. Баева // Психологическая наука и образование. – 2012. – № 4. – С. 11–17.
2. Бессонов И.Б. Психологическая безопасность образовательной среды высшей школы: сравнение педагогического и медицинского вузов / И.Б. Бессонов, Е.В. Дьяченко // Научный диалог. – 2014. – № 6 (30): Педагогика. Психология. – С. 6–14.
3. Бородин И.А. Основы психологии корпоративной безопасности. / И.А. Бородин – М.: Высшая школа психологии, 2004. – 160 с.
4. Деулин Д.В. Психологическая безопасность образовательной среды вуза правоохранительной системы / Д.В. Деулин // ВВ: Психология и психотехника. – 2014. – № 3. – С. 128–140.
5. Ефимова Н.С. Профессиональная безопасность как психолого-педагогическая проблема подготовки специалистов / Н.С. Ефимова // Научно-технические ведомости СПб ПГУ: Гуманитарные и общественные науки. – 2011. – № 4. – С. 145–150.

6. Ибрагимова А.Г. Психологическое насилие и безопасность в социальной среде организации / А.Г. Ибрагимова // Психология безопасности как основа гуманитарных технологий в социальном взаимодействии / Под ред. проф. И.А. Баевой. – СПб: ООО «Книжный Дом», 2008. – С.153–167.

7. Львов В.М. Основные составляющие психологической безопасности субъектов профессиональной деятельности. / В.М. Львов // Журнал практического психолога – 2008. – № 4. – С. 122–137.

8. Шлыкова Н.Л. Проблемы психологической безопасности личности / Н.Л. Шлыкова // Журнал практического психолога. – 2007. – № 4. – С. 121–136.

Поступила в редакцию 28.11.2017 г.

PSYCHOLOGICAL SECURITY OF EDUCATIONAL ENVIRONMENT AS ESTIMATED BY UNIVERSITY TEACHERS

T.A. Vilyuzhanina

The article deals with modern approaches to the problem of psychological safety of the educational environment. The results of the pilot study aimed at identifying the level of psychological safety of the educational environment at universities and the differences in its assessment by teachers are presented.

Key words: safety, psychological safety, educational environment, psychological well-being, psychological and educational support.

Вилюзжанина Татьяна Анатольевна

Кандидат психологических наук, доцент

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

Доцент кафедры психологии

e-mail: vilyuzhanina@mail.ru

Vilyuzhanina Tatyana Anatolievna

Candidate of Psychology, Associate Professor

Donetsk National University

Associate Professor of the Department of Psychology

e-mail: vilyuzhanina@mail.ru

УДК 159.923.2

ОСОБЕННОСТИ СТРУКТУРНЫХ КОМПОНЕНТОВ САООТНОШЕНИЯ ЛИЧНОСТИ ПОДРОСТКОВ В СИТУАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ ДЕПРИВАЦИИ

© 2017. С. А. Вильдгрубе

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк

В статье рассматриваются особенности структурных компонентов самооотношения личности подростков, особенности специфической социальной ситуации развития, которая создает условия для неравномерного формирования компонентов самооотношения, обеспечивает разный уровень реализации функций самооотношения, оказывает влияние на особенности связей между компонентами и степени интегрированности самооотношения в единую систему.

Ключевые слова: личность, подростки, самооотношение, депривация.

Проблема формирования личности всегда была и остается одной из самых актуальных в психологии. Общество ставит перед психологическими службами новые цели и новые задачи, приоритетным направлением которых является центрация на человеке, формирование способности к саморазвитию, самоопределению и самореализации. На первое место выдвигается вопрос о целостном развитии личности, что достигается через обретение способности выступать активным творцом собственного становления, способным к самореализации и самоопределению.

Существенный вклад в изучение личностного развития внесли такие исследователи, как Л.И. Божович, И.Д. Бех, Н.Й. Боряшевский, Е.В. Бондаревская, Л.С. Выготский, Я.А. Гошовский, А.А. Деркач, И.С. Кон, Г.С. Костюк, А.М. Леонтьев, М.И. Лисина, А.А. Люблинская, С.Д. Максименко, А.В. Петровский, Д.Я. Райгородский, П.Г. Чамата, Ю.М. Швалб, Н.Г. Ярошевский и многие другие. Благодаря их работам исследования личности в наше время превратилось в самостоятельное научное направление.

Самоотношение является одним из основных детерминант саморазвития и в значительной степени определяет оценку окружающей действительности, формирование представлений о мире и о себе самом, обеспечивает прогнозирование своей социальной эффективности и отношений к себе окружающих, регулирует межличностные отношения, постановку и достижение целей, разрешение кризисных ситуаций, оказывает влияние на процесс самосовершенствования [4].

Понимание самооотношения как целостной личностной характеристики способствует полноценному развитию индивида, изменению его позиции в обществе. Сегодня на основе идей Б.Г. Ананьева, Л.И. Божович, А.В. Мудрика, Н.И. Сарджвеладзе, В.В. Столина, С.Л. Рубинштейна [1; 2] самооотношение рассматривается как важнейший элемент всей внутренней личности, как результат интериоризации ведущих социальных ценностей, позволяющий ориентироваться в мире материальной и духовной культуры общества. В современной науке и образовательной практике разрабатываются различные подходы к процессу формирования самооотношения индивида.

Сегодня в период переживания сложных демократических перемен, экономического, морального кризиса общества актуальным становится изучение особенностей структурных компонентов самооотношения лиц, находящихся в условиях

социальной депривации (ситуация лишения родительской опеки). Рост численности детей, которые лишены родительской опеки, обостряет необходимость выявления внешних и внутренних факторов, которые вызывают дисгармоническое развитие самоотношения личности. Следствием поставленной проблемы является определение особенностей структурных компонентов самоотношения и формирование их в зависимости от социально-психологических условий жизни человека.

Анализ научных работ (Г. Бернса, Б.С. Братуся, Л.В. Давыденко, Г.В. Захаровой, А.М. Колышка, Дж. Марвелла, В.В. Столина, С.Г. Пантелеева, И.И. Чесноковой) показал, что исследователи рассматривают самоотношение как сложное когнитивно-аффективное образование, зрелость которого определяется взаимосвязью и степенью согласованности его составляющих.

Согласно концепции Л.С. Выготского, психическое развитие личности определяется социальной ситуацией, то есть положением в обществе, системой отношений со взрослыми и сверстниками. Социальная ситуация развития не строится извне, а создаётся в процессе живого взаимодействия. Рассматривая проблему отражения социальной позиции на строении самоотношения и опираясь на взгляды А.В. Петровского о не тождественности личностных и психических характеристик индивида, С.Г. Пантелеев утверждает, что со сферой самоотношения и его строения ближайшим образом связан феномен аттракции. Ведь аттракция является родовым понятием для различных проявлений межличностных эмоциональных отношений. Последние же существенно связаны с эмоциональным самоотношением личности. Оба вида этих отношений разворачиваются во внутреннем пространстве личности. Именно в этом пространстве сначала возникает человеческое отношение к другому индивиду. Глубокая связь между отношением к себе и отношением к другому явственно выступает не только на уровне теоретико-методологического анализа, но и на уровне конкретных эмпирических исследований. Так, В.В. Столиным показано сходство структур и содержание между эмоциональными измерениями самоотношения и отношение к другому. Аналогичные результаты были добыты Л.Я. Гозманом [6]. По мнению С.Г. Пантелеева, существует вполне достаточно аргументов, чтобы предполагать, что содержание эмоционального отношения к «другому» и к «себе» следует искать в действительных жизненных отношениях личности и социальных контекстах, что стоят за ней. Так становится понятно, почему многочисленные попытки концептуализировать самоотношение в терминах эмоций, переживаний или самоаттитюдов не привели к адекватному и непротиворечивому пониманию этого явления.

Вполне очевидно, что социум не непосредственно влияет на самоотношение, что это влияние осуществляется на разных уровнях и с помощью различных механизмов вовлечения личности в социальные отношения. Причём, влияние социального контекста на самоотношение через язык эмоциональных отношений осуществляется опосредованно, через социальную ситуацию развития, в которую включена личность. Социальные ситуации развития различны не только для разных индивидов, но и меняются в ходе жизни отдельного индивида, приводя к закономерным изменениям его личностной организации. Уникальная социальная ситуация развития, в которую оказывается включённым индивид, оказывает влияние на строение и содержание его самоотношения двояким образом: во-первых, она задаёт ту иерархию ведущих деятельности и мотивов, по отношению к которым происходит осмысление собственного «Я» – наделить его смыслом; во-вторых, она во многом задаёт и тот «алфавит» эмоциональных переживаний, в котором это осмысление осуществляется. Влияние это, как правило, не имеет жёстко определённых форм. Ведь деятельность

определяет личность, но личность, в свою очередь, выбирает ту деятельность, которая её определяет. Ведущие деятельности не даны субъекту с самого начала, а заданы конкретной социальной ситуацией развития, в которой осуществляется его жизнь.

Определение социокультурных факторов развития невозможно без учёта и анализа специфики социальной среды (социальной ситуации развития), что формирует ребёнка. «К началу каждого возрастного периода складывается совершенно своеобразные, специфические для данного возраста, исключительные, единственные и неповторимые отношения между ребёнком и действительностью, его окружающей, прежде всего социальной. Эти отношения мы и назовём социальной ситуацией развития данного возраста. Социальная ситуация развития представляет собой исходный момент для всех динамических изменений, происходящих в развитии в течение данного периода. Она определяет целиком и полностью те формы, и тот путь, следуя по которому ребёнок приобретает новые и новые свойства личности, черпая их из социальной действительности как из основного источника развития, тот путь, на котором социальное становится индивидуальным» [5, с. 258–259].

В настоящее время в современной психологической науке накоплено значительное количество основанных на многочисленных исследованиях различных учёных достоверных фактов по проблематике развития и формирования личности детей, находящихся в условиях социальной депривации. Труды Л.В. Байбородовой, Л.И. Божович, В.Г. Бочаровой, А.В. Виноградовой, В.А. Винс, Я.А. Гошовского, И.Ф. Дементьева, И.В. Дубровино, Л.И. Евграфовой, Т.И. Землянухиной, Н.П. Ивановой, Е.И. Казаковой, А.М. Прихожан, Н.М. Толстых, Е.Л. Фрухт касаются проблем психологических особенностей развития личности в условиях социальной депривации. Среди видов депривации (нехватки условий полноценного развития) различают: психическую, материнскую, двигательную и социальную. Явление депривации, характерное для учреждений интернатного типа, через изолированность от социума и закрытость контактов, негативно отражается на становлении самоотношения личности.

И.М. Богданова определяет такие негативные аспекты социализации детей в условиях социальной депривации:

- отсутствие общения с биологическими родителями;
- деформация семейных связей через тяжёлое прошлое;
- дефицит любви, ласки, внимания;
- узкий круг общения через закрытый коллектив;
- случаи жестокости со стороны персонала и воспитанников;
- регламентация проведения времени;
- несформированный образ «Я»;
- повышение чувства тревоги, ориентация на враждебность социума;
- закомплексованность, эмоциональное неудовлетворение;
- отсутствие социальных навыков личной жизни;
- отсутствие личного пространства (своей комнаты, места, где можно уединиться);
- экономическая депривация: дети не имеют собственных сбережений и опыта распоряжаться деньгами;
- постоянное пребывание в узком коммуникативном пространстве;
- отсутствие личных вещей (кроме одежды и предметов личной гигиены);
- ранние сексуальные связи; случаи сексуального насилия;
- ограниченные возможности в выборе профессии;
- отсутствие навыков решения собственных проблем с официальными структурами.

В результате разностороннего анализа научных работ психологов определено, что психическая депривация индивида является состоянием, которое возникает в ситуации длительного неудовлетворения его жизненно важных потребностей (Й. Лангмейер, И. Матейчек). Это состояние признается одним из самых сложных и самых разрушительных симптомов негативного влияния воспитания при отсутствии семейных взаимодействий на личностный рост детей, особенно в период подросткового возраста. К тому же современные исследования свидетельствуют, что в закрытых детских учреждениях отсутствуют условия для компенсации так называемого «депривационного синдрома, следствием которого является повышение тревожности, страхи, неуверенность в себе, агрессивность, низкая мотивация достижения (А.И. Казакова, И.А. Коробейников, В.М. Слуцкий, В.М. Ослон, Е.Г. Трошихина, И.А. Фурманов, А.Б. Холмогорова, Л.М. Шипицина).

Таким образом, развитие ребёнка во многом определяется его положением в системе социальных отношений. Социальная ситуация развития детей, находящихся в условиях социальной депривации, имеет свою специфику и представляет собой неблагоприятную почву для развития личности. Отсутствие безусловного принятия, а также значимой фигуры, которая постоянно заботится о ребёнке, необходимость постоянно приспосабливаться и заслуживать хорошее отношение приводят к снижению активного отношения к жизни, к другим, негативно влияет на самоотношение личности.

Основная цель статьи заключается в выявлении особенностей структурных компонентов самоотношения как системно-структурного образования личности, которая находится в условиях социальной депривации. Анализ специфической социальной ситуации развития, которая создаёт условия для неравномерного формирования структурных компонентов самоотношения, обеспечивает разный уровень реализации функций самоотношения, влияет на особенности связей между компонентами и степень интегрированности компонентов самоотношения в единую систему.

Основная часть. Нами было определено содержание компонентов самоотношения в двух группах подростков. Анализируя не только содержание компонентов самоотношения как полимодальной системы, но и наличие связи между модальностями, нами был проведён корреляционный анализ с помощью критических значений коэффициента корреляции r - Пирсона (корреляции 0,18 и выше значимы на 5% уровне), который позволил определить степень интегрированности компонентов самоотношения в единую систему. Показателем интегрированности модальностей самоотношения в единую систему является их упорядоченность и сбалансированность.

Корреляционный анализ показал особенности проявления связей между модальностями и между структурными компонентами самоотношения как системно-структурного образования у лиц с различными условиями протекания процесса социализации.

Мы исходим из того, что компоненты самоотношения выступают элементами единой системы, характер взаимосвязей между компонентами самоотношения свидетельствует о зрелой и сформированной системе самоотношения.

Так, в основной группе (подростки, которые лишены родительского попечительства) отмечаются значения отрицательной корреляции между модальностями эмоционально-оценочного компонента с модальностями эмоционально-ценностного компонента и эмоционально-регуляторного компонента (рис. 1). Модальность «Отношение других» отрицательно коррелирует с модальностью «Аутосимпатия» ($r = - 0,26$); модальность «Самопонимание» с модальностью «Самоинтерес» ($r = - 0,21$); модальность «Самообвинение» с модальностью

«Самоуважение» ($r = -0,18$); «Самоинтерес» с «Руководство собой» ($r = -0,27$); также отмечаются значения положительной корреляции модальности «Самоинтерес» с модальностью «Ожидаемое положительное отношение от других» ($r = 0,33$).

В контрольной группе (подростки из семей) отмечаются значения положительной корреляции между модальностями эмоционально-оценочного компонента с модальностями эмоционально-ценностного компонента и эмоционально-регуляторного компонента (рис. 2). Модальность «Аутосимпатия» положительно коррелирует с модальностями «Ожидаемое положительное отношение от других», «Отношение других» и «Руководство собой» ($r = 0,23$ ($r = 0,23$ ($r = 0,23$ соответственно); также отмечаются отрицательные корреляционные связи модальности «Самообвинение» с модальностью «Самоуважение» ($r = -0,26$); модальности «Самопонимание» с модальностью «Руководство собой» ($r = -0,21$); модальности «Самопринятие» с модальностью «Отношение других» ($r = -0,29$).

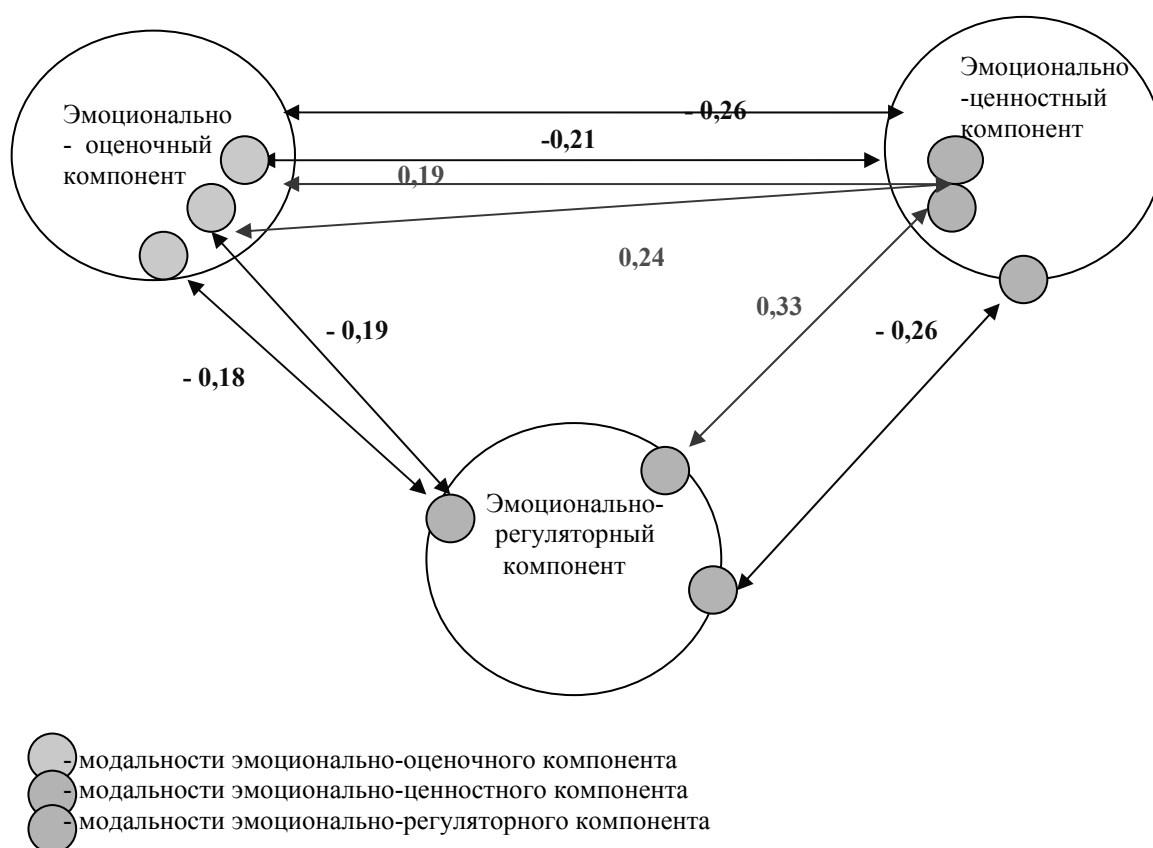

Рис.1 Структура взаимосвязей компонентов самооотношения в основной группе подростков.

В основной группе самооотношение менее благоустроенное, слабо сбалансированное, что указывает на незрелую, несформированную систему. Эмоционально-ценностный компонент продолжает занимать ядерную позицию, тем самым неблагоприятно влияя на формирование эмоционально-оценочного компонента и затрудняя формирование эмоционально-регуляторного компонента самооотношения. Характер самооотношения определяется высоким уровнем внутренней конфликтности и самообвинения, неприятием самого себя, что сочетается с высоким уровнем согласия с самим собой при неспособности к саморефлексии, нежелании осознавать своё «Я» и высоким уровнем потребности в уважении и принятии. Таким образом, существуют

возможные основания для развития самооотношения, но присутствуют ограничители, затрудняющие его дальнейшее формирование.

В контрольной группе подростков самооотношение более гармонично, упорядоченно и сбалансированно, но ещё не зрелое, не достаточно сформировано. Появляется ощущение ценности собственной личности, заинтересованность в собственном «Я» сочетается с желанием активности в реализации самостоятельно определенной цели, умении принимать решения. Это является предпосылкой для интенсивного формирования эмоционально-регуляторного компонента, который обеспечивает смысловой вектор жизненного пути личности

Подытоживая результаты корреляционного анализа следует отметить, что между модальностями самооотношения у исследуемых обеих групп есть тесные связи, но системообразующие элементы разные. В контрольной группе общее количество связей меньше, чем в основной группе, однако модальности органично интегрированы в систему ценностно-смысловых отношений. В основной группе отдельные модальности в значительной степени влияют на общую структуру самооотношения, интеграция в систему ценностно-смысловых отношений менее органична, а иногда противоречива.

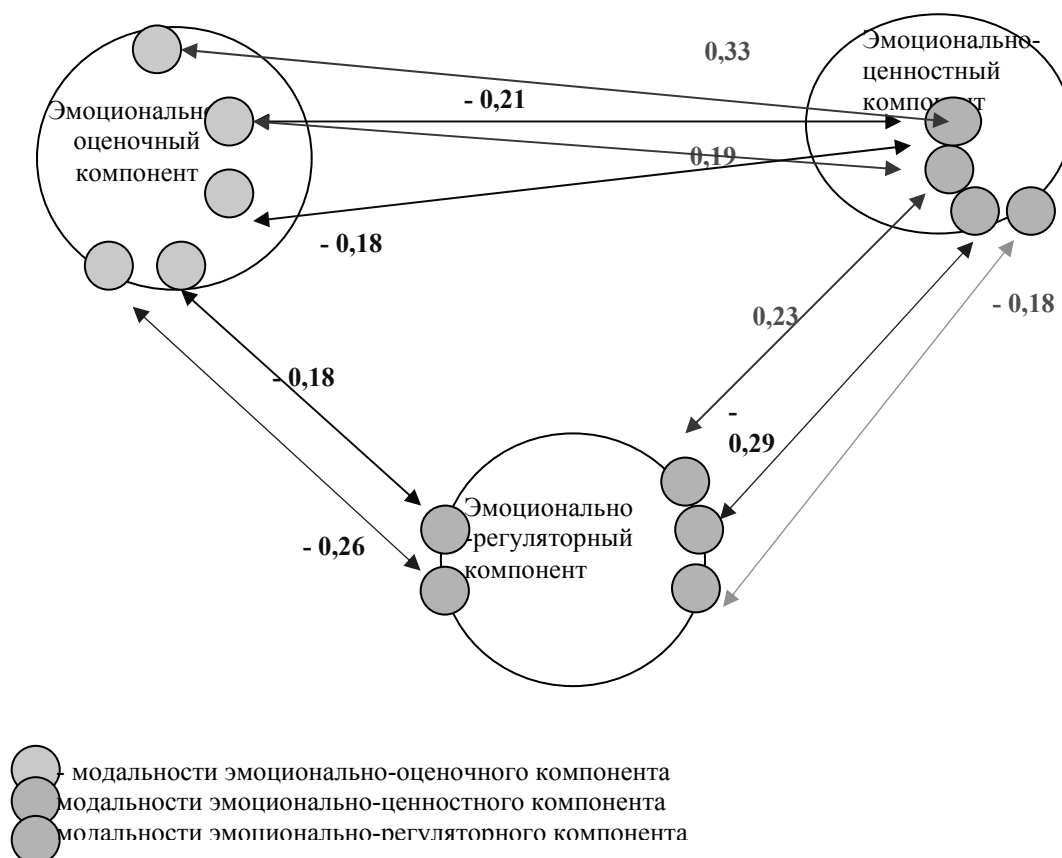

Рис.2. Структура взаимосвязей компонентов самооотношения в контрольной группе подростков.

Заключение. В данной статье мы рассматривали самооотношение как полимодальную трёхуровневую эмоционально-ценностную систему, которая выражает особенности отношения человека к самому себе и обеспечивает центрирование ее внутреннего пространства, формирование смыслового вектора жизненного пути, активность и продуктивность жизнедеятельности. Структурные компоненты самооотношения объединены в единую систему, которая включает в себя эмоционально-

оценочный компонент, эмоционально-ценностный компонент эмоционально регуляторный компонент. Самоотношение представляет собой сложный феномен, динамичную иерархическую систему, которая содержит в себе иерархически устроенные подсистемы. Относясь к ядерным образованиям личности, самоотношение выступает как важный регулятор поведения. От него зависят взаимоотношения человека с окружающими, его критичность, требовательность к себе, отношение к успехам и неудачам. Тем самым самоотношение влияет на эффективность деятельности и дальнейшее развитие личности.

Сложность построения самоотношения, уровень выраженности самоотношения и его отдельных модальностей, а также его внутренняя структура обусловлены социальной ситуацией развития личности. Исследование особенностей структурных компонентов самоотношения личности подростков в ситуации социальной депривации показало, что специфическая социальная ситуация развития создаёт условия для неравномерного формирования структурных компонентов самоотношения, обеспечивает разный уровень реализации функций самоотношения, влияет на связь компонентов самоотношения и степень интегрированности компонентов самоотношения в единую систему.

Работа не исчерпывает проблемы, перспективным направлением дальнейшего исследования является изучение специфики самоотношения в других возрастных группах в зависимости от социального статуса, соматического статуса, по параметрам устойчивости, адекватности и наличию отдалённых последствий действия семейной депривации на становление личности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ананьев Б.Г. Избранные психологические труды : в 2 т. / под ред. А.А. Бодалева, Б. Ф. Ломова. – М. : Педагогика, 1980. – Т. 1. – 230 с.
2. Божович Л.И. Этапы формирования личности в онтогенезе / Л. И. Божович // Вопросы психологии. – 1979. – № 4. – С. 23–33.
3. Божович Л.И. Личность и ее формирование в детском возрасте / Л.И. Божович. – М. [и др.] : Питер, 2008. – 398 с. : ил., портр., табл. – (Мастера психологии).
4. Вилицкас Г.К. Самооценка у несовершеннолетних правонарушителей / Г. К. Вилицкас, Ю.Б. Гиппенрейтер // Вопросы психологии. – 1989. – № 1. – С. 45–62.
5. Выготский Л.С. Основы дефектологии / Л.С. Выготский. – СПб. : Лань, 2003. – 656 с.
6. Гозман Л.Я. Взаимосвязь отношения к себе и другим / Л. Я. Гозман, Ю. А. Алешина // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14: Психология. – 1982. – № 4. – С. 21–29.

Поступила в редакцию 05.12.2017 г.

PECULIARITIES OF STRUCTURAL COMPONENTS OF ADOLESCENTS' PERSONALITY SELF-IDENTITY IN THE SITUATION OF SOCIAL DEPRIVATION

S.A. Vildgrube

The article discusses peculiarities of structural components of adolescents' personality self-identity as well as features of the specific social situation of development, which creates conditions for the uneven formation of self-attitude components, provides different level of the self-attitude functions realization, and influences the links between the components and the degree of self-attitude integration into a single system.

Key words: personality, teenagers, self-attitude, deprivation.

Вильдгрубе Светлана Александровна
Кандидат психологических наук, доцент
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
Доцент кафедры психологии
e-mail: S.Vildgrube@mail.ru

Wildgrube Svetlana Alexandrovna
Candidate of Psychology
Donetsk National University
Associate Professor of the Department of Psychology
e-mail: S.Vildgrube@mail.ru

УДК : 159.9.072

ОСОБЕННОСТИ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ВРЕМЕННОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ У СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЁЖИ

© 2017. *А.В. Гордеева, Н.В. Голышева*

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк

В статье рассматриваются особенности представлений о временной перспективе у студентов гуманитарного и естественно-научного направления. Основное внимание уделяется временной перспективе и категориям, которые выступают как основополагающие составляющие её образа.

Ключевые слова: временная перспектива, образ будущего, студенты гуманитарного и естественного профилей подготовки.

Современные отечественные психологи рассматривают временную перспективу как совокупность субъективных представлений личности о её будущем, упорядоченных относительно временной оси. Временная перспектива играет важную роль в регуляции поведения зрелой личности, особенно в тех её аспектах, которые связаны с выбором и целеполаганием [4]. Кроме того, в последних научных исследованиях психологи указывают на то, что для людей, обладающих сбалансированной временной перспективой, характерны позитивные эмоциональные состояния: счастье, удовлетворённость жизнью, оптимизм, надежда. Сами мысли о будущем могут способствовать снижению чувства беспомощности и чувства безнадежности у личности [7].

В настоящее время исследования по изучению временной перспективы личности ведутся в следующих направлениях: качество жизни (психологическое благополучие, представления о жизненном успехе), ценностно-смысловая сфера личности, личностная саморегуляция, стратегии организации времени, при изучении возрастных кризисов, мотивации. Временная перспектива исследуется в рамках геронтопсихологии, нарративной психологии, изучаются ее связи с различными психологическими феноменами: склонностью к рисковому поведению, аддикциями (алкоголизм, игромания, наркомания и др.), тревожностью, автобиографической памятью [7].

Теоретико-методологической основой нашего исследования послужили современные подходы к изучению временной перспективы личности Е.Ю. Мандриковой, временной перспективы как мотивационной переменной Ж. Нюттена, причинно-целевой концепции психологического времени Е.И. Головахи, А.А. Кроника, а также работы, в которых рассматривается возрастная динамика временных ориентаций личности А.И. Сырцовой, О.В. Митиной, профессиональное самоопределение как построение образа возможного будущего Д.А. Леонтьева, Е.В. Шелобановой, представление старшеклассников о будущем как аспекте их социализации В.В. Барабановой, М.Е. Зеленовой, особенности жизненной перспективы у ветеранов войны в Афганистане и ликвидаторов аварии на ЧАЭС Е.А. Миско, Н.В. Тарабриной.

В исследовании А.И. Сырцовой, О.В. Митиной [7] установлено, что временная перспектива имеет половозрастную обусловленность. Также установлено, что выявленный конструкт сбалансированной временной перспективы связан с осмысленностью жизни, жизнестойкостью, удовлетворённостью жизнью и характеризуется ощущением ценности того, что было в прошлом, происходит в настоящем и будет происходить в будущем. Такая

временная перспектива является наиболее психологически оптимальной для личности и её функционирования в обществе [7].

Д.А. Леонтьев и Е.В. Шелобанова обратились к процессу конструирования возможных вариантов будущего как одному из ключевых, на их взгляд, звеньев процесса самодетерминации в ситуации личностного выбора [3]. Испытуемые прошли сессию интерактивной работы с компьютерной программой LifeLine (А.А. Кроник), позволяющей выстроить субъективную картину своего жизненного пути, отрефлексировать и скорректировать свои жизненные ориентации. На основе результатов данных корреляционного анализа исследователи выделили личностные характеристики и стратегии выполнения задания, которые условно обозначены авторами как стратегия, ориентированная на настоящее, и стратегия, ориентированная на будущее. Так, стратегия, ориентированная на настоящее, сочетается с показателями высокой удовлетворённости настоящим, его высокой эмоциональной насыщенности, низкой спонтанности поведения. У испытуемых, с преобладающей первой стратегией, возникают трудности в выполнении экспериментального задания, они подменяют описание возможного будущего анализом настоящего. Вторая стратегия, ориентированная на будущее, сочетается с низкой удовлетворённостью настоящим, низкой эмоциональной насыщенностью настоящего. Люди с данной стратегией не самодостаточны, они открыты в будущее, устремлены к нему, адекватно справляются с заданием, конструируя возможные варианты будущего [3].

Достаточно продуктивными являются разработки В.В. Барабановой и М.Е. Зеленовой, которые отмечают, что старшеклассники в современных условиях ориентированы на освоение профессиональной деятельности и на создание семьи. «Эти традиционные жизненные ценности по-прежнему занимают большое место в структуре их жизненных планов и представлений о будущей взрослой жизни, при этом большое место уделяется профессионализации и связанной с ней хорошей материальной обеспеченности. Такая позиция старшеклассников в отношении своего будущего представляется достаточно зрелой и реалистичной. Опрошенные старшеклассники хотят жить самостоятельно, иметь семью, получить высшее образование, профессию и обеспечивать себя сами, при этом они считают себя способными добиться этого и готовы приложить необходимые усилия. Получение высшего образования является для старшеклассников ценным и высокозначимым» [1, с. 5]. Таким образом, по мнению авторов, юноши и девушки в целом оптимистично смотрят в будущее. У них достаточно развиты предпосылки и факторы, способствующие их успешной социализации, а именно удовлетворённость настоящим, уверенность в будущем, реалистичные и адекватные профессиональные и семейные установки [1].

В работе Е.А. Миско, Н.В. Тарабриной отмечается, «...что наличие психической травмы тесно связано с восприятием жизненной перспективы. В частности, изменяется эмоциональное отношение к будущему: индивиды описывают свою жизненную перспективу как зависящую от обстоятельств, заставляющую волноваться – такую, на которую невозможно повлиять. Снижается способность человека строить предсказуемое будущее (когнитивный компонент): они чувствуют себя зависимыми от социальной среды, от состояния здоровья, как правило, не строят планы на ближайший год, их планы продиктованы сиюминутными потребностями. Переживание позитивных чувств по поводу будущего связано с общей направленностью личности на активные связи с внешней реальностью, а негативных – с поглощённостью своим внутренним состоянием» [5, с. 51].

В рамках данной работы основной акцент делался на особенности представлений о временной перспективе (о будущем) у студенческой молодёжи в контексте

психологического времени, так как именно в молодости человек начинает утверждать себя в жизни, осуществлять поставленные цели. Ему важно видеть, представлять уже сейчас перспективы, которые ожидают его в будущем, а именно в личной и профессиональной сферах жизни, и возможно предпринимать конкретные способы действия по разработке и осуществлению своих жизненных целей, чтобы потом на границе со зрелостью более мягко пережить кризисные явления своей жизни либо просто, более продуктивно подойти к их разрешению.

Основная часть. Целью данного исследования было изучение образа временной перспективы у студентов, а также сравнение особенностей представлений о временной перспективе студентов гуманитарного и естественного направления подготовки.

Гипотезой исследования выступило предположение о том, что, во-первых, образ временной перспективы у студентов будет позитивным; во-вторых, существуют различия в представлении временной перспективы у студентов гуманитарного и естественного направления подготовки.

Описание выборки: в исследовании приняли участие 50 человек: 25 студентов-филологов (23 девушки, 2 юноши) и 25 студентов-биологов (22 девушки, 3 юноши), все студенты 2-го курса дневной формы обучения в возрасте 18–20 лет.

В психодиагностический инструментарий исследования вошли следующие методики: 1) графический тест Коттла (Тест «Круги времени») – с целью исследования временной перспективы; 2) методика Ж. Нюттена «Метод мотивационной индукции» (ММИ) для анализа содержания мотивации и временной перспективы; 3) методика «Перспектива моей жизни» (ПМЖ), которая позволяет оценить жизненную перспективу в целом как пессимистическую или оптимистическую; 4) адаптированная шкала диспозиционной надежды Снайдера для анализа степени надежды у студенческой молодёжи; 5) тест смысложизненных ориентаций (СЖО) Д.А. Леонтьева – с целью получения данных о смысложизненных ориентациях у студенческой молодёжи.

Результаты, их интерпретация и выводы. Анализ результатов по методике Коттла «Круги времени» показал, что в целом у студентов специальностей «Филология» и «Биология» есть общая позитивная направленность на будущее, что подтверждают средние значения диаметров кругов будущего у испытуемых (7,1 см и 7,4 см соответственно). Сравнение оценок по диаметрам кругов показало, что большее количество испытуемых рисовали круги среднего размера относительно будущего (48% и 64% филологов и биологов соответственно). Что касается процентного распределения испытуемых по способам пересечения кругов, то у 84% филологов и 90% биологов круги разделены, т.е. в сознании молодёжи отсутствует идея о влиянии или взаимовлиянии временных интервалов, данные периоды представляются изолированными друг от друга. По способам взаимного расположения кругов филологи и биологи практически не отличаются, обе группы расположили круги наиболее типичным способом, характерным для среднего восприятия (прошлое, настоящее, будущее). Однако в группе биологов 12% студентов рисовали прошлое и настоящее включёнными в будущее, что можно интерпретировать как ведущую значимость будущего, которое определяет оценку прошлого и настоящего, и у одного испытуемого настоящее и будущее включены в прошлое, соответственно ведущую значимость для него составляет прошлое.

Результаты, полученные по методике «Метод мотивационной индукции» Ж. Нюттена представлены в таблицах 1 и 2. Существуют некоторые различия в представлении временной перспективы в группах студентов филологов и биологов.

Установлено, что среди содержательных категорий методики «Метод мотивационной индукции» Ж. Нюттена первое место в обеих группах занимает активность, связанная с

общей потребностью в самореализации, саморазвитии, однако в большей степени она выражена у филологов. Второе место у филологов занимают социальные контакты, а у биологов данная категория располагается на третьей позиции, но выраженность её несколько выше. У биологов на втором месте активность в полноценной учёбе, а у филологов данная категория заняла четвёртое место. Кроме того, филологи более ориентированы на поддержку со стороны других людей, но при этом готовы сами оказывать им помощь, в отличие от биологов, у которых данные категории слабо выражены.

Таблица 1

Иерархия употребления основных содержательных категорий по методике «ММИ» по группам

Студенты-филологи	Ранг	Студенты-биологи
Содержательные категории (выраженность категорий)		Содержательные категории (выраженность категорий)
самореализация. (5,28)	1	самореализация (4,16)
субъект хочет, чтобы другие вступили с ним в контакт (2,32)	2	активность в полноценной учёбе (3,76)
Я (2,2)	3	субъект хочет, чтобы другие вступили с ним в контакт (2,64)
активность в полноценной учёбе (1,76)	4	желание интимного контакта (замужество) (1,68)
желание интимного контакта (замужество) (1,48)	5 / 5,5	Я (1,52)
альтруистический контакт (1,36)	6 / 5,5	субъект выражает свои желания, надежды, касающиеся других (1,52)
обладание вообще (1,2)	7	обладание вообще (1,24)
поддержка (1,12)	8	активность в профессиональной деятельности (0,76)
досуговая активность (0,96)	10	привязанность, любовь (0,64)
привязанность, любовь (0,96)	10	альтруистический контакт (0,64)
активность в профессиональной деятельности (0,96)	10	досуговая активность (0,64)
субъект выражает свои желания, надежды, касающиеся других (0,84)	12	поддержка (0,56)

Что касается временных категорий, то основными временными периодами, составляющими временную перспективу испытуемых из обеих групп, являются периоды взрослости и период обучения в высшей школе, также мотивационные объекты, которыми субъект хотел бы обладать не только на данный момент (категория открытое настоящее), но и в более или менее отдалённом будущем.

Таблица 2

Иерархия употребления основных временных категорий по методике «ММИ» по группам

Студенты-филологи	Ранг	Студенты-биологи
Временные категории (выраженность категорий)		Временные категории (выраженность категорий)
открытое настоящее (5,92)	1	открытое настоящее (4,68)
период взрослости (3,48)	2	период взрослости (4)
период обучения в высшей школе (1,32)	3	период обучения в высшей школе (1,88)

По результатам методики «Перспектива моей жизни» (рис. 1.) установлено, что в обеих группах в большинстве случаев перспектива жизни оценивается оптимистично, что подтверждают среднегрупповые значения по всем категориям вместе и по каждой в отдельности (91,6 у филологов и 87,3 у биологов из 105 возможных).

Также в обеих группах испытуемых высоко оцениваются такие ее аспекты как:

эмоциональное отношение: жизненная перспектива представляется радостной, волнующей, интересной, безопасной;

определённость и длительность: насыщенная событиями, длинная, определённая и полна надежд;

социальное благополучие: жизненная перспектива представляется обеспеченной и в окружении близких людей;

когнитивный компонент: жизненная перспектива осмысленная, отчётливая и светлая.

И, наконец, прослеживается *активная позиция* испытуемых по отношению к жизненной перспективе, т.е. они считают, что их жизненная перспектива, в большей степени запланированная и зависит от них самих.

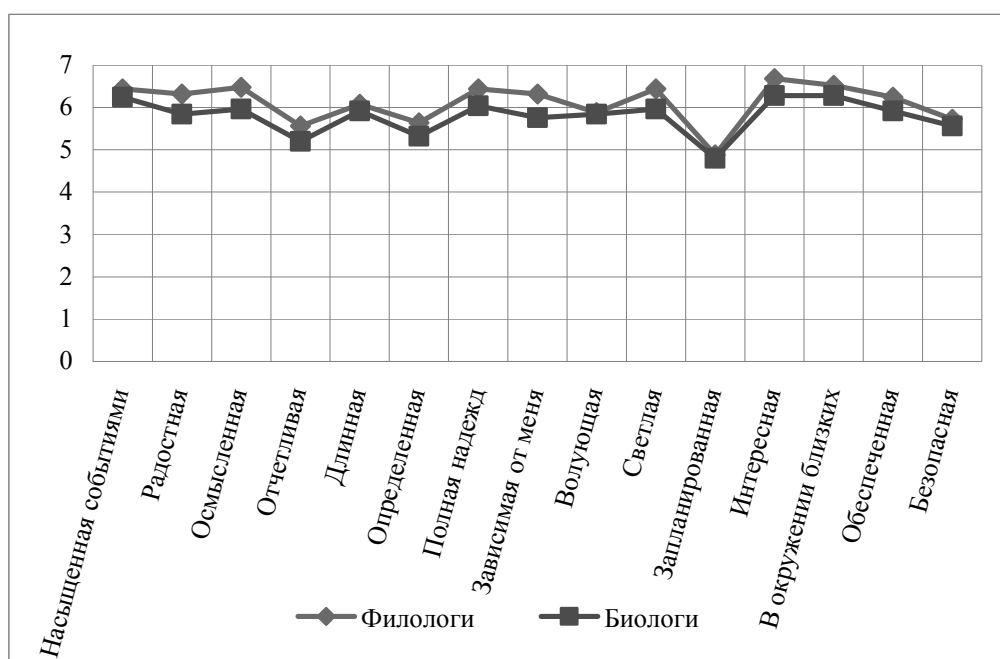

Рис.1. Сравнение средних оценок категорий в группах филологов и биологов

Анализ результатов по шкале диспозиционной надежды показал, что у 92% филологов и 96% биологов установлена средняя степень надежды, у 4% студентов в обеих группах – высокий уровень надежды, а низкий уровень надежды выявлен только в группе филологов (4%).

Анализ полученных данных по субшкалам методики «СЖО» показал, что средние значения в группах биологов и филологов превышают нормативные значения (таблица 3, рис.2). Сравнение средних, выполненное с помощью t-критерия Стьюдента, выявило, что значимых статистических расхождений в оценках между студентами специальностей «Филология» и «Биология» нет.

Такие результаты могут свидетельствовать в пользу того, что у филологов, как и у биологов, жизнь наполнена смыслом, в ней есть место целям на будущее, которые придают ей осознанность, направленность и временную перспективу.

Таблица 3

Сопоставление средних значений с нормой по шкалам теста СЖО

Наименование	Цели	Процесс	Результат	Локус контроля - Я	Локус контроля - жизнь	Осмысленность жизни
филологи	33,54	33	26,9	22,3	33,2	111,2
биологи	31,2	30	25	20	31	103
Норма	29,58	28,8	23,3	18,58	28,7	95,76

Рис.2. Сравнение показателей осмысленности жизни по группам.

Заключение. Результаты исследования позволили получить данные, касающиеся особенностей представлений о временной перспективе у студентов гуманитарного и естественного направлений подготовки. Поставленная гипотеза подтвердилась частично.

Во-первых, в целом у филологов и биологов есть общая позитивная направленность на будущее, образ временной перспективы у студентов обеих групп достаточно позитивен, в большинстве случаев жизненная перспектива оценивается оптимистично и подкрепляется средней выраженностью надежды. Кроме того, жизнь студентов этих специальностей наполнена смыслом и в ней есть место целям на будущее, которые передают ей осмысленность, направленность и временную перспективу.

Во-вторых, существуют некоторые различия в представлении временной перспективы в группах студентов филологов и биологов. В обеих группах первое место в рейтинге категорий мотивации и временной перспективы занимает активность, связанная с общей потребностью в самореализации, саморазвитии, однако в большей степени она выражена у филологов. Для студентов биологов более, чем для филологов, значима активность в полноценном обучении. Кроме того, филологи более ориентированы на поддержку со стороны других людей, однако при этом готовы сами оказывать им помощь, в отличие от биологов, у которых данные категории слабо выражены.

Результаты нашего исследования подтвердили работы А.И. Сырцовой и О.В. Митиной, в которых указывается, что в период ранней взрослости (21-29 лет) во

временной перспективе личности имеет место высокая представленность в сознании мыслей о своём будущем, а также показано, что конструкт сбалансированной временной перспективы связан с осмысленностью жизни, жизнестойкостью и удовлетворённостью жизнью. В свою очередь, А.К. Муздыбаев отмечал, что студенческая молодёжь, обладающая высоким баллом по шкале диспозиционной надежды, чаще идентифицирует себя с будущим, более позитивно оценивают свою жизнь.

Таким образом, необходимо отметить, что образ временной перспективы студентов в большей степени определяется их возрастными особенностями, чем профилем подготовки. Использование концепции временной перспективы имеет большой потенциал для практического применения, например, в консультативной работе со студентами, имеющими проблемы в эмоциональной сфере, с целью профилактики стресса, эмоционального выгорания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барабанова В.В. Представление старшеклассников о будущем как аспекте их социализации / В.В. Барабанова, М.Е. Зеленова // Психологическая наука и образование. – Москва: МГППУ, 1998. – № 1. – С. 52–59.
2. Головаха Е.И. Психологическое время личности / Е.И. Головаха, А.А. Кроник. – М.: Смысл, 2008. – 267 с.
3. Леонтьев Д.А. Профессиональное самоопределение как построение образов возможного будущего / Д.А. Леонтьев, Е.В. Шелобанова // Вопросы психологии. – Москва: ООО «Вопросы психологии», 2001. – № 1. – С. 57–65.
4. Мандрикова Е.Ю. Современные подходы к изучению временной перспективы личности / Е.Ю. Мандрикова // Психологический журн. – Москва: ФГУП Издательство «Наука», 2008. – Т.29. № 4. – С. 54–65.
5. Миско Е.А. Особенности жизненной перспективы у ветеранов войны в Афганистане и ликвидаторов аварии на ЧАЭС / Е.А. Миско, Н.В. Тарабрина // Психологический журнал – Москва: ФГУП Издательство «Наука», 2004. – Т.25. № 3. – С. 44–52.
6. Нюттен Ж. Мотивация, действие и перспектива будущего / Ж. Нюттен. – М.: Смысл, 2004. – 608 с.
7. Сырцова А. Возрастная динамика временных ориентаций личности / А.И. Сырцова, О.В. Митина // Вопросы психологии. – Москва: ООО «Вопросы психологии», 2008. – № 2. – С. 41–54.

Поступила в редакцию 25.11.2017 г.

PECULIARITIES OF STUDENTS' PERCEPTION OF TIME PERSPECTIVE

A.V. Gordeeva, N.V. Golysheva

The article deals with peculiarities of time perspective perception by the students majoring humanities and sciences. The focus is made on the time perspective and the categories it is constituted by.

Key words: time perspective, image of the future, students majoring humanities and sciences.

Гордеева Алла Валериановна

Кандидат психологических наук, доцент
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
Заведующий кафедрой психологии
e-mail: a.valer@mail.ru

Gordeeva Alla Valerianovna

Candidate of Psychology
Donetsk National University
Head of the Department of Psychology
e-mail: a.valer@mail.ru

Голышева Надежда Викторовна

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
Старший преподаватель кафедры психологии
e-mail: golysheva-nadya@mail.ru

Golysheva Nadegda Viktorovna

Donetsk National University
Senior lecturer of the Department of Psychology
e-mail: golysheva-nadya@mail.ru

УДК 159. 923

РАЗВИТИЕ СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТИ В РАННЕМ ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ

© 2017. *Т.Б. Ильина*

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк

В статье обосновывается актуальность изучения стрессоустойчивости в раннем юношеском возрасте. Описаны компоненты стрессоустойчивости и особенности их развития путём использования тренинговых технологий. Выявлены и описаны психологические особенности лиц, различающихся уровнем стрессоустойчивости.

Ключевые слова: стресс, структура стрессоустойчивости, ранний юношеский возраст.

Социально-экономические, политические, производственные условия современного общества требуют от человека значительных затрат физических и психических ресурсов не только для успешного выполнения деятельности и обеспечения субъективного психологического комфорта, но и для соответствующей адаптации к их достаточно быстрым изменениям. Не всегда подобные внешние преобразования всего комплекса различных сфер жизнедеятельности человека могут быть восприняты личностью и, способствовать активизации индивидуального «пласта» средств и способов приспособления и противостояния, которые необходимы для успешного функционирования в той или иной области деятельности. В связи с этим актуальность проблемы стресса и путей его преодоления трудно переоценить. Данный вопрос в социальной жизни и трудовой деятельности человека стал изучаться у нас в стране и за рубежом в последние четыре-пять десятилетий. Этому способствовал ряд обстоятельств: во-первых, появление фундаментальных работ по влиянию экстремальных факторов деятельности на функциональное состояние и работоспособность человека; во-вторых, возрастающее внимание к изучению человеческого фактора в связи с увеличением роли психологических причин в снижении эффективности и безопасности труда, сокращении профессионального долголетия и возникновении психосоматических заболеваний; в-третьих, существенное повышение уровня общей тревожности, напряжённости, беспокойства у значительного количества людей под влиянием природных бедствий, техногенных катастроф и т.д. [1]. Когда общая стрессогенность сочетается с проявлением нормативных возрастных кризисов, ситуация усложняется во много раз. С полным основанием все вышесказанное можно отнести к старшекласникам, выпускникам школ.

Ранний юношеский возраст – это сенситивный период развития всех составляющих ментальной модели мира, связанной с развитием теоретического мышления и его высшей формы – гипотетико-дедуктивного мышления, переходом на новый уровень морального и личностного развития, началом профессионального и личностного самоопределения, расширением жизненного пространства личности (Л. Колберг, К. Левин, Ж. Пиаже, Е. Шпрангер, В. Роменец, В. Татенко и др.) [4; 5].

Основными направлениями развития ментальной модели мира в раннем юношеском возрасте являются формирование мировоззрения, развитие идентичности, формирование собственной системы моральных убеждений, усложнение и объективизация системы оценки взрослых и сверстников, появление жизненной

перспективы (А.А. Бодалев, Э. Эриксон, И.Ю. Кулагина, Т.В. Снегирёва, И.Д. Бех и др.) [6]. Особенностью Я-концепции в этом возрасте является наличие внутренних противоречий, обостряющихся вследствие интроекции социальных стандартов и способных нарушать устойчивость и целостность представлений о себе. Таким образом, выпускники школ составляют группу повышенного риска, связанного с трудностями переходного возраста: психогормональными процессами, неопределённостью социального статуса ранней юности, трудностями перестройки механизма социального контроля и т.д.

Внутренняя неустойчивость, противоречивость старшеклассников на фоне общей жизненной стрессогенности может провоцировать агрессивное, депрессивное, суицидальное, аддиктивное поведение.

Для обоснования актуальности исследования, нами был проведён опрос студентов I курса (вчерашних выпускников) для выявления событий, связанных с сильными отрицательными переживаниями. 66% опрошенных назвали события, носящие ярко выраженный стрессовый характер. В перечень попали следующие события (по рейтингу): смерть близких и родных; обстрелы; разрушение или повреждение жилья; проявление агрессии (драки, попытки изнасилования, насилие над другими); конфликты и ссоры с близкими, друзьями; социальные события (сложности с трудоустройством у родителей, переезд, в том числе и ГИА).

Согласно мнению Г. Ремшмидта, для старшеклассников характерно интолерантное поведение. Оно проявляется в межгрупповых механизмах распределения на своих и чужих: социальной категоризации, социальном сравнении, межгрупповой дискриминации, стереотипизации и атрибуции. В этом возрасте актуализируется множество черт интолерантности: агрессивность к «инаковости», непринятие индивидуальности других, закрытость референтных групп [6].

Сильный агрессивный элемент в молодёжной культуре и цинизм чаще всего является защитной реакцией, желанием отделиться для самостоятельного развития, защитой собственных позиций. Агрессивность чаще всего выполняет защитные функции или способствует снятию напряжения. Недостаточная стрессоустойчивость, неумение регулировать свои психофизические и эмоциональные состояния может привести к серьёзным отрицательным последствиям как в сфере здоровья, так и различных видах деятельности старшеклассников.

Избежать подобных последствий возможно с помощью создания согласованной системы психологического обеспечения. Одним из ее элементов является психопрофилактика и психокоррекция, направленная на формирование умений и навыков оптимального использования индивидуальных ресурсов и способностей для повышения эффективности деятельности, сохранения и восстановления психического и соматического здоровья [3]. В нашей работе основное внимание уделяется созданию и апробированию программы тренинга по развитию стрессоустойчивости старшеклассников. Развитие стрессоустойчивости весьма актуально в юношеском возрасте, т.к. в современном обществе растёт психологический барьер, по одну сторону которого стоят подростки, производящие «разведку боем» своих прав и возможностей, по другую – взрослое сообщество с «крепостной защитой» и редкими вылазками навстречу детям. Именно в этой зоне, в результате объективного появления названного барьера возникают и углубляются критические точки в отношениях юношей, приводящие к различным срывам в их психике и поведении. Но здесь же, в этой зоне, где происходит осмысление себя во взрослом мире, в зоне возможного, но не сформированного адекватно потребностям подростка или юноши, психологического контакта со взрослыми, существуют большие

возможности психолого-педагогических воздействий.

На данном этапе развития науки существует множество теорий, касающихся особенностей становления, развития, функционирования стрессоустойчивости, факторов, обуславливающих её проявление, роли психики в её обеспечении. Но достаточной ясности в характеристиках признаков рассматриваемого свойства для вычленения этого состояния из множества аналогичных по своей природе и действию пока нет, поэтому нередко в этом аспекте употребляется синоним стрессоустойчивости – эмоциональная устойчивость.

Большинство авторов эмоциональную устойчивость связывают с характеристиками темперамента, которые оказывают влияние на реактивность и силу эмоциональных переживаний. Другие считают её проявлением волевых характеристик личности и определяют, как способность управлять возникающими эмоциями при выполнении деятельности. Детерминированность эмоциональной устойчивости динамическими (интенсивность, гибкость, лабильность) и содержательными (виды эмоций, их уровень) характеристиками эмоционального процесса подчёркивается в исследованиях М.И. Дьяченко и К. Изарда. П.Б. Зильберман под эмоциональной устойчивостью понимает интегративное свойство личности, характеризующееся таким взаимодействием эмоциональных, волевых, интеллектуальных и мотивационных компонентов психической деятельности индивида, которое обеспечивает успешное достижение цели деятельности в сложной эмоциональной обстановке [2; 11].

В.А. Пономаренко и М.И. Дьяченко, развивая положение об отражении эмоциональной устойчивостью способности человека успешно осуществлять необходимую деятельность в сложных условиях, считают, что при рассмотрении соответствующих ей результатов деятельности обязательно следует учитывать зависимость успеха в выполняемой деятельности от многих личностных качеств человека, в том числе и от его опыта. По мнению авторов, эмоциональными детерминантами стрессоустойчивого поведения являются эмоциональная оценка ситуации, эмоциональное предвосхищение хода и результатов деятельности, испытываемые в данной ситуации эмоции и чувства, эмоциональные установки, прошлые переживания. Результаты их исследований свидетельствуют, что рассматриваемое явление представлено единством следующих компонентов: мотивационного, эмоционального, волевого (сознательная саморегуляция действий), интеллектуального (оценка и определение требований ситуации, прогноз ее возможного изменения) В. А. Бодров в своей книге «Психологический стресс: развитие и преодоление» предлагает следующее определение стрессоустойчивости – «это интегративное свойство человека, которое, во-первых, характеризует степень его адаптации к воздействию экстремальных факторов внешней (гигиенические условия, социальное окружение и т.п.) и внутренней (личной) среды и деятельности. Во-вторых, оно определяется уровнем функциональной надёжности субъекта деятельности и развития психических, физиологических и социальных механизмов регуляции текущего функционального состояния и поведения в этих условиях. И, в-третьих, это свойство проявляется в активации функциональных ресурсов организма и психики, а также в изменении работоспособности и поведения человека, направленных на предупреждение функциональных расстройств, негативных эмоциональных переживаний и надёжности деятельности» [2]. Основываясь на предложенном определении, в качестве основных, обуславливающих регуляционные механизмы стрессоустойчивости человека, выделяют следующие характеристики: а) мотивация и целенаправленность поведения; б) функциональные ресурсы и уровень их активации;

в) личностные черты и когнитивные возможности; г) эмоционально-волевая реактивность; д) профессиональная подготовленность и работоспособность.

С проблемой стрессоустойчивости неразрывно связано понятие так называемых «механизмов совладания» или «копинг-стратегий», которые в последнее время находятся в сфере внимания большинства исследователей. Впервые термин «копинг» был использован Л. Мерфи в 1962 г., в исследованиях способов преодоления детьми требований, выдвигаемых кризисами развития. Данное понятие также активно разрабатывалось Р.С. Лазарусом, который определил его как стратегию действий, предпринимаемых человеком в ситуациях психологической угрозы, в частности в условиях приспособления к болезни как угрозе физическому, личностному и социальному благополучию.

Личностно-типологические особенности, влияющие на выбор копинг-стратегий, представляют собой одну из составляющих копинг-ресурсов, разработка и систематизация которых представлена в исследованиях С. Фолкман и Р. Лазарус, Д. Амирхан [8; 11]. Изучением связи типологических свойств личности с паттернами реакций на стресс и с клиническими особенностями развивающихся в последствии состояний дезадаптации занималась Л.Н. Собчик. Таким образом, стрессоустойчивость, как личностное свойство, определяющее степень эффективности преодоления стрессовой ситуации, является многокомпонентным явлением, тесно связанным с копинг-стратегиями и зависящим от ряда индивидуально-типологических особенностей личности (локус-контроля, тип темперамента, эмоциональная устойчивость и т.д.).

Так как, большинство авторов подчёркивали значимость эмоциональной устойчивости, как эквивалента стрессоустойчивости, и вместе с тем делали акцент на том, что успех выполнения необходимых действий в сложных ситуациях обеспечивается не только эмоциональной устойчивостью, но и многими личностными особенностями, а также опытом человека, то в качестве рабочего определения, нами было сформулировано следующее: стрессоустойчивость – это такое сочетание эмоциональных, когнитивных и поведенческих составляющих личности в стрессовой ситуации, которое обеспечивает способность человека успешно осуществлять необходимую деятельность и поддерживать оптимальный для неё уровень напряжения психофизиологических процессов.

Выбор трёхкомпонентного подхода в качестве теоретической основы разрабатываемого тренинга опирается на обобщения N.H.Rizvi относительно трактовки разными авторами понятия стресса и состоит в том, что психологические и поведенческие реакции, которые отражают состояние внутреннего беспокойства или его подавления наблюдаются в различных функциональных проявлениях, включая эмоциональные, когнитивные, поведенческие. Таким образом, акцентируя внимание на данных составляющих, можно качественно преобразовать как особенности их протекания, так и характер функционирования.

В исследовании принимали участие ученики 10-11 классов средних образовательных учреждений (44 человека). На предварительном этапе, для формирования тренинговой группы, использовались ИТО (Л.Н. Собчик) [12], опросник «Адаптивные способности к стрессу» (В.И. Розов) [12], проективная психодиагностическая методика «Тест двенадцати животных» (Б.К. Пашнев) [9], авторская анкета для выявления оценки собственных качеств и их выраженность у одноклассников.

В результате анализа полученных вследствие предварительного тестирования данных с применением стратегии попарного отбора были сформированы из общей

совокупности испытуемых две эквивалентные выборки, численностью 10 чел. и 15 чел. Отсутствие значимых различий между экспериментальной группой (10 чел.), члены которой выступили в качестве участников тренинга, и контрольной группой (15 чел.), представители которой не участвовали в тренинге, подтверждается показателями U-критерия Манна-Уитни для двух независимых выборок. Данные приведены в таблице 1.

Следующий этап нашей работы состоял в проведении тренинговых занятий. Программа основывается на принципах постепенности, поэтапности: каждый последующий этап должен вытекать из предыдущего. Благодаря этому человек постепенно углубляется в процесс осознания себя, приоткрывая разные стороны своего Я, что является основанием саморегуляции в стрессовых ситуациях.

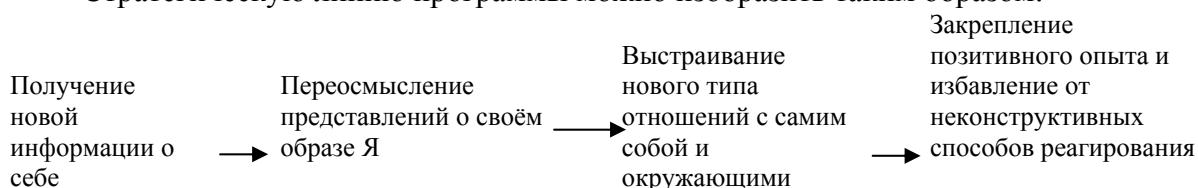
Таблица 1

Статистики критерия Манна-Уитни до тренинга ЭГ и КГ

	ОП	АМ	УВ	УПФС	Инд. адап
Статистика U Манна-Уитни	44,000	51,000	50,000	63,000	68,000
Асимпт. знч. (двухсторонняя)	,083	,178	,159	,493	,697

Примечание. ОП – оптимистичность; АМ – адаптивное мышление; УВ – уверенность в себе; УПФС – управление психофизиологическим состоянием; Инд. адап. – индекс адаптивности.

Стратегическую линию программы можно изобразить таким образом:

Цель тренинга- развитие стрессоустойчивости личности путём: вооружения старшеклассников системой понятий и представлений, необходимых для психологического анализа своей личности, группы и социально-психологических ситуаций; понимания себя как личности, снятие внутриличностных конфликтов и напряжений; развитие умений эмоциональной и поведенческой саморегуляции, психологического анализа ситуаций; развития навыков рефлексии и обратной связи.

Характеристики тренинговой группы: объем группы составляет 10 человек. Участники объединены сходством выполняемой деятельности и знакомы друг с другом. Продолжительность тренинга составляет 15 часов, то есть 5 занятий по 3 часа.

Итоговое тестирование было проведено спустя неделю после окончания тренинга с целью получения более объективных результатов, не связанных с посттренинговым эмоциональным состоянием.

Статистический анализ данных осуществлялся следующим образом:

1. В экспериментальной группе по методике «Адаптивные способности к стрессу» рассчитывалась описательная статистика до тренинга и после проведения тренинга.

Сопоставляя результаты необходимо отметить, что показатели по рассматриваемым шкалам после тренинга изменились в сторону повышения их минимальных и максимальных значений, а также среднего по группе. Степень значимости таких преобразований можно оценить, опираясь на вычисленный статистический критерий Вилкоксона, охватывающий данные, полученные по методике до проведения тренинга и после него.

Таблица 2

Описательные статистики до и после тренинга

До тренинга	N	Минимум	Максимум	Среднее	Стд. отклонение	Дисперсия
ОП	10	9,00	16,00	11,9000	2,60128	6,767
АМ	10	7,00	16,00	12,0000	3,09121	9,556
УВ	10	10,00	16,00	12,5000	2,36878	5,611
УПФС	10	10,00	15,00	12,8000	2,29976	5,289
Инд.адап	10	73,00	116,00	95,2000	17,04765	290,622
После тренинга						
ОП	10	10,00	16,00	13,5000	2,41523	5,833
АМ	10	9,00	16,00	13,7000	2,21359	4,900
УВ	10	12,00	16,00	14,7000	1,33749	1,789
УПФС	10	9,00	16,00	13,6000	2,36643	5,600
Инд.адап	10	83,00	121,00	109,2000	13,48085	181,733

Таблица 3

Статистики критерия Вилкоксона. Различия до и после тренинга

	ОП
Названия Z	-1,550 ^a
Асимпт. знч. (двухсторонняя)	,121
	АМ
Z	-1,620 ^a
Асимпт. знч. (двухсторонняя)	,105
	УВ
Z	-1,975 ^a
Асимпт. знч. (двухсторонняя)	,048
	УПФС
Z	-1,121 ^a
Асимпт. знч. (двухсторонняя)	,262
	Инд.адап
Z	-2,431 ^a
Асимпт. знч. (двухсторонняя)	,015

Как видно из таблицы значимыми являются изменения по шкалам – «Уверенность в себе», где максимальный показатель остался на прежнем уровне, а минимальный возрос на 2 единицы, также среднее в группе увеличилось на 2,5 единицы; «Индекс адаптивности» - минимальный показатель увеличился на 10 единиц, максимальный – на 5 единиц, а среднее возросло на 14 единиц.

2. В контрольной группе по методике «Адаптивные способности к стрессу» рассчитывалась описательная статистика в соответствии с данными, полученными на предварительной и итоговой диагностике.

Таблица 4

Описательные статистики предварительной и итоговой диагностики

Предварительная диагностика	N	Минимум	Максимум	Среднее	Стд. отклонение	Дисперсия
ОП	15	10,00	16,00	13,6667	1,71825	2,952

Продолжение табл. 4

АМ	15	9,00	16,00	13,5333	2,44560	5,981
УВ	15	10,00	16,00	13,8000	1,97122	3,886
УПФС	15	11,00	16,00	13,4000	1,63881	2,686
Инд.адап	15	84,00	110,00	98,0667	8,39614	70,495

Итоговая диагностика

ОП	15	9,00	16,00	13,2667	2,18654	4,781
АМ	15	9,00	16,00	13,8667	1,76743	3,124
УВ	15	9,00	16,00	13,4667	2,38647	5,695
УПФС	15	8,00	15,00	13,3333	1,95180	3,810
Инд.адап	15	77,00	111,00	99,333	11,68434	136,524

Рассматривая приведённую таблицу, можно заключить, что по учитываемым показателям нет изменений. Это подтверждается вычисленным критерием Вилкоксона.

Таблица 5

Статистики критерия Вилкоксона

	ОП
Z название	-,848 ^a
Асимпт. знч. (двухсторонняя)	,397
	АМ
Z	-,726 ^a
Асимпт. знч. (двухсторонняя)	,468
	УВ
Z	-,054 ^a
Асимпт. знч. (двухсторонняя)	,957
	УПФС
Z	-,206 ^a
Асимпт. знч. (двухсторонняя)	,837
	Инд.адап
Z	-2,927 ^a
Асимпт. знч. (двухсторонняя)	,103

Таким образом, в контрольной группе по шкалам: оптимистичность, адаптивное мышление, уверенность в себе, управление психофизиологическим состоянием, индекс адаптивности при учёте показателей предварительной и итоговой диагностики значимых различий не наблюдается, тогда, как в экспериментальной группе такие различия имеются.

3. В методике ИТО (Л.Н. Собчик) учитывались значения по шкале тревожности. Значимые различия в показателях рассматриваемого свойства не наблюдались, но рассчитанный коэффициент корреляции Пирсона по выборке до тренинга, а также в экспериментальной группе до тренинга и после него (табл. 6, табл.7), свидетельствует о тенденции к обратной связи между шкалой оптимистичности, адаптивного мышления, уверенности в себе и тревожностью. А именно, повышение показателей по вышеупомянутым шкалам способствует некоторому снижению уровня тревожности. Отсюда можно предположить, что развиваемые компоненты оказывают опосредующее влияние на тревожность, уменьшая её проявления.

Таблица 6

Корреляции по выборке до тренинга

		ОП	АМ	УВ	УПФС	Инд.адап
тревожность	Корреляция Пирсона	-,141	-,264	,092	,020	-,180
	Знч.(2-сторон)	,363	,083	,551	,900	,243
	N	44	44	44	44	44

Таблица 7

Значения коэффициента корреляции в экспериментальной группе

До тренинга

		ОП	АМ	УВ	УПФС	Инд.адап
тревожность	Корреляция Пирсона	-,082	,023	,180	-,031	,008
	Знч. (2-сторон)	,822	,950	,619	,932	,982
	N	10	10	10	10	10

После тренинга

тревожность	Корреляция Пирсона	-,505	-,683*	-,557	-,489	-,533
	Знч. (2-сторон)	,137	,030	,094	,152	,112
	N	10	10	10	10	10
	Знч. (2-сторон)	,822	,950	,619	,932	,982
	N	10	10	10	10	10

4. Результаты анкеты, предлагаемой членам экспериментальной группы, анализировались путём расчёта описательных статистик до и после проведения тренинга (табл.8). Как видно из таблицы, показатели по оптимизму, спокойствию, уверенности в себе, умению владеть и управлять собой, находчивости и сообразительности после проведения тренинга повышаются, а по тревоге и пессимизму – снижаются.

Таблица 8

Описательные статистики

До тренинга	N		Минимум	Максимум	Среднее	Стд. отклонение	Дисперсия
оптимизм	10		2,8	4,7	3,657	,6806	,463
пессимизм	10		1,7	2,4	2,000	,2694	,073
спокойствие	10		1,9	4,2	3,066	,7507	,564
тревога	10		1,6	3,2	2,323	,4861	,236
уверенность в себе	10		3,1	4,3	3,822	,3852	,148

Продолжение табл. 8

умение владеть и управлять собой	10		2,9	4,2	3,567	,4303	,185
находчивость и сообразительность	10		3,0	4,3	3,821	,4165	,173
N валидных (целиком)	10						

После тренинга

оптимизм	10		3,2	4,6	4,011	,3865	,149
пессимизм	10		1,6	2,2	1,802	,2188	,048
спокойствие	10		2,3	4,6	3,479	,5764	,332
тревога	10		1,6	2,6	2,001	,3791	,144
уверенность в себе	10		3,6	4,7	4,134	,3618	,131
умение владеть и управлять собой	10		3,3	4,1	3,800	,2718	,074
находчивость и сообразительность	10		3,8	4,2	3,978	,1538	,024
N валидных (целиком)	10						

Степень значимости различий оценивалась с помощью критерия Вилкоксона и представлена в таблице 9.

Таблица 9

Статистики критерия Вилкоксона. Различия до и после тренинга

	оптимизм
Z	-2,134 ^a
Асимпт. знч. (двухсторонняя)	,033
	пессимизм
Z	-2,172 ^a
Асимпт. знч. (двухсторонняя)	,030
	спокойствие
Z	-2,040 ^a
Асимпт. знч. (двухсторонняя)	,041
	тревога
Z	-1,535 ^a
Асимпт. знч. (двухсторонняя)	,125
	уверенность в себе
Z	-2,243 ^a
Асимпт. знч. (двухсторонняя)	,025
	умение владеть и управлять собой
Z	-1,628 ^a
Асимпт. знч. (двухсторонняя)	,103
	находчивость и сообразительность
Z	-1,486 ^a
Асимпт. знч. (двухсторонняя)	,137

Приведённые результаты свидетельствуют о значимых различиях по категории «оптимизм», учитывая значения которой по табл.8, можно заключить, что показатель

минимального значения вырос на 0,4 единицы, среднее на 0,354 единицы. Категория «пессимизм» – минимальное значение снизилось на 0,1 единицу, максимальное на 0,2 и среднее на 0,197. По категории «спокойствие» отмечается повышение минимального и максимального значения на 0,4 балла, среднего на 0,413 балла. Категория «уверенность в себе» – минимальные показатели возросли на 0,5 балла, максимальные на 0,4 балла и среднее значение на 0,312 балла. Итак, в описанных категориях имеются значимые различия до и после проведения тренинга, что соответствует определённым предполагаемым изменениям, описанным в выдвигаемой гипотезе.

5. Для определения значимости различий в экспериментальной и контрольной выборках после проведения тренинга по изначально выбранной в качестве точки отсчёта для формирования групп испытуемых методике «Адаптивные способности к стрессу», рассчитывался критерий Манна-Уитни.

Таблица 10

Статистики критерия Манна-Уитни после тренинга ЭГ и КГ

	ОП	АМ	УВ	УПФС	Инд.адап
Статистика U Манна-Уитни	70,000	75,000	55,500	64,000	70,000
Асимпт. знч. (двухсторонняя)	,778	1,000	0,04	,532	0,03

Учитывая полученные данные, можно заключить, что существуют различия между экспериментальной и контрольной группами по показателям уверенности в себе и индексу адаптивности. Поэтому указанные особенности свидетельствуют об эффективности тренинговой программы и являются подтверждением выдвинутой гипотезы о том, что научно обоснованная и апробированная программа тренинга способствует развитию эмоционального, поведенческого и когнитивного компонентов, включающих следующие параметры: оптимизм, уверенность в себе, самоуправление психофизиологических процессов, адаптивное мышление.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аболин Л. М. Эмоциональная устойчивость и пути её повышения / Л.М. Аболин // Вопросы психологии. – 1999. – № 4. – С. 141–149.
2. Бодров В.А. Психологический стресс: развитие и преодоление / В.А. Бодров. – М. : ПЭРСЭ. – 2006. – 528 с.
3. Вачков И.В. Основы технологии группового тренинга. Психотехники / И.В. Вачков. – М.: Ось – 89, 2003. – 224 с.
4. Кон И.С. Люди и обстоятельства. Детство и юность / И.С. Кон // 80 лет одиночества. – М.: Время, 2008. – 448 с.
5. Мухина В.С. Возрастная психология. Феноменология развития / В.С. Мухина. – 11-е изд. – М.: Академия, 2006. – 608 с.
6. Ремшмидт Х. Подростковый и юношеский возраст: проблемы становления личности / Х. Ремшмидт. – М.: Мир, 1994. – 320 с.
7. Маклаков А.Г. Личностный адаптационный потенциал: его мобилизация и прогноз / А.Г. Маклаков // Психологический журнал. – 2001. – № 1. – С. 16–24.
8. Падун М.А. Психологический дистресс у лиц с различными когнитивными стилями / М.А. Падун // Психологический журнал. – 2007. – № 6. – С. 15–23.
9. Пашнев Б.К. Проективная психодиагностическая методика «Тест двенадцати животных» / Б.К. Пашнев // Практична психология та соціальна робота. – 2005. – № 3. – С. 37–48.
10. Петрушин С.В. Психологический тренинг в многочисленной группе / С.В. Петрушин. – М.: Академический проект, 2000. – 256 с.
11. Пономаренко В.А. Экстремальность и проблема отношения к профессиональной деятельности и жизнедеятельности / В.А. Пономаренко // Мир психологии. – 2006. – № 4. – С. 38–46.

12. Тарабрина Н.В. Теоретико-эмпирическое исследование посттравматического стресса / Н.В. Тарабрина // Психологический журнал. – 2007. – № 4. – С. 5–17.

Поступила в редакцию 10.12.2017 г.

DEVELOPMENT OF STRESS RESISTANCE IN EARLY ADOLESCENCE

T.B. Ilyina

The article stresses the research topicality of stress resistance in early adolescence. The components of stress resistance are described as well as the peculiarities of their development by means of training technologies are described. Psychological characteristics of individuals with different level of stress resistance are identified and described.

Key words: stress, structure of stress-resistance, early adolescence.

Ильина Татьяна Борисовна

Кандидат психологических наук, доцент
ГОУ ВПО «Донецкий национальный
университет»

Доцент кафедры психологи филологического
факультета

e-mail: kafedra.ilynaUMO@yandex.ru

Ilyina Tatyana Borisovna

Candidate of Psychology, Associate Professor
Donetsk National University

Associate Professor of the Department of Psychology

e-mail: kafedra.ilynaUMO@yandex.ru

УДК 159. 923

ОБРАЗНОЕ МЫШЛЕНИЕ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СОВРЕМЕННЫХ ПОДХОДОВ К ИЗУЧЕНИЮ

© 2017. *И. В. Киселёва*

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк

В статье осуществляется теоретический анализ образного мышления как полноценного типа мышления взрослого человека. Рассматриваются понятие, структура, категории образного мышления. Сравниваются образный и логико-вербальный типы мышления. Перечисляются и объясняются функции образного мышления.

Ключевые слова: образ, образное мышление, представления, когнитивные схемы, образная способность, операции образного мышления.

Исходя из позиции, рассматривающей образное мышление как самостоятельный тип мышления, а также психический процесс, свойственный не только ребенку в период активного развития высших психических функций, но и взрослому, мы неминуемо сталкиваемся с проблемой его недостаточной изученности.

Образное мышление является психическим процессом, который заключается в решении задач при помощи мыслительных операций, основанных на использовании психических образов [1, с. 455]. В осуществлении такой функции оно опирается на образную память и воображение, которые необходимы для воспроизведения и переработки образов. К тому же, образное мышление включает в себя визуальное мышление, которое осуществляет свои функции путем мыслительных операций с визуальными представлениями [2, с. 99].

В данной статье мы рассмотрим такие теоретические проблемы изучения образного мышления, как его функционирование и роль в психической активности взрослого человека; связь образного мышления со смежными психическими функциями и дифференциация с ними; сложность практического изучения операций образного мышления; категории образного мышления. Главной целью мы ставим проведение теоретического анализа существующих работ, посвящённых образному мышлению с последующим обобщением материалов по малоизученным проблемам, представленным выше.

Теоретико-методологическую основу исследований образного мышления заложили работы: С.Л. Рубинштейна о положении образного мышления в структуре психики; Л.Б. Ительсона и И.С. Якиманской о формировании данного типа мышления в онтогенезе; А.А. Гостева о мыслительных операциях и роли образного мышления для человека; Л.М. Веккера о системном подходе к психическим функциям; Р. Арнхейма о визуальном мышлении. Также занимались данной проблемой Н.В. Беломестнова, И.К. Ларионов, С.В. Маланов и другие.

В психологической науке сложилось традиционное понимание образного мышления как одного из этапов развития мыслительных функций в онтогенезе в рамках наглядно-образного. Мы предполагаем, что данный факт, а также преобладание вербального мышления у взрослого человека стали причиной игнорирования образного мышления, как в теоретических, так и в эмпирических психологических работах.

Поэтому одной из главных проблем изучения образного мышления является изучение его места в развитии и функционировании психики на протяжении жизни человека.

Относительно развитости и проявлений данного типа мышления у взрослого человека, по мнению Л.Б. Ительсона, оно упоминается недостаточно, несмотря на то, что играет значимую роль в процессах переработки информации в психике и адаптации человека к внешней среде [3, с. 184]. Исследования подтверждают, что у взрослого человека сосуществуют два принципиально различных типа мышления: логико-вербальное и образное. Оба типа мышления находятся в процессе постоянного сложного взаимодействия. Вербальное мышление получило своё развитие на определённом этапе филогенеза как способ приспособления к меняющейся социальной среде, которая требовала новых форм взаимодействия между людьми, среди которых появилась речь. Данный тип мышления начал доминировать среди психических функций человека, но это не отменило его естественных ограничений. Но чтобы стали возможными логико-знаковые операции с предметами и явлениями действительности, а также прием и передача вербальной информации, логико-вербальное мышление должно было обеспечить дискретное упорядоченное отражение реальной действительности. Только объективная действительность не может ограничиваться рамками логико-вербального мышления. По мнению А.Н. Леонтьева, элементы дискретности и упорядоченности, которые содержатся в объективной действительности, искусственно вычлняются из неё вербальным мышлением для создания внутренне непротиворечивой модели мира. При этом за рамками остаётся все, что не укладывается в такую модель или не может быть логически организовано.

У любого конкретного человека на протяжении какого-либо отрезка времени логико-вербальное мышление не может охватить и исчерпывает всего богатства и разнообразия проявлений реальности. При выполнении функции адаптации к социальному миру, данный тип мышления отражает его неполно. За пределами вербального мышления (а часто и сознания) остаются явления, которые не подлежат логической и вербальной переработке и трансформации. Тем не менее, такого рода явления могут быть психически отражены, поддаваясь переработке на невербальном уровне. Они влияют на поведение и образуют сферу неосознаваемых явлений психики. Неосознанность обусловлена тем, что информация, которая поступает от объекта, может быть слишком сложной и хаотической для переработки с помощью логико-вербального мышления. Другой причиной неосознанности могут быть конфликтное, противоречивое отношение к определённой информации, приходящей извне.

Основным инструментом психического отражения неосознаваемых явлений является невербальное, образное мышление. Разнообразие форм его проявления определяется разным соотношением осознанности отражаемых явлений, разной степенью активности сознания по отношению к ним.

Для создания целостного психического образа окружающей действительности необходимо взаимодействие обоих типов мышления. Операции логико-вербального мышления обеспечивают выбор главных, значимых явлений реальности из всего их разнообразия. А для того, чтобы эти явления не были отрывистыми и разрозненными, они должны быть дополнены хаотическими деталями и связями, т. е. пройти этап образного синтеза как операции образного мышления.

Образное мышление имеет механизмы и операции, отличные от вербально-логического. По мнению С.В. Маланова, оно оперирует образными когнитивными структурами, в которых зафиксированы чувственные образы, которые проявляются в форме представлений. Их можно разделить на образные репрезентации и когнитивные

схемы (скрипты и фреймы). В образных репрезентациях актуализируются события и ситуации, участником которых в прошлом был субъект, а также предметы и явления, которые составляют непосредственный чувственный опыт человека. Когнитивные схемы – обобщённые когнитивные структуры, которые можно применить к определённым ситуациям и событиям [4, с. 69]. При этом он ссылается на работы А. Пейвио и Р. Солсо, которые полагают, что содержание психических образов, представлений, понятий и их мысленные превращения возникают в процессе реализации разных видов внешних практических предметных действий, которые переходят во внутренний план мышления.

В свою очередь, И.С. Якиманская подчёркивает, что образное мышление развивается в течение всей жизни человека и является способностью, которая определяет целостное развитие личности, её уникальность, своеобразие и устойчивые характеристики. В развитии образного мышления, согласно А. А. Гостеву, имеют место также индивидуальные отличия, которые определяются феноменом, названным образной способностью.

Образная способность – это операция образного мышления, которая заключается в способности формировать яркие вторичные образы, оперировать ими, а также легко переходить от одного образа к другому. Она способствует адекватности психического отражения и регуляции [5, с. 190].

В эмпирических исследованиях образной способности было установлено, что у большинства людей преобладают образы зрительной модальности. Циркулирующая информация внешней и внутренней среды сходится в основных узлах системы сенсорной организации человека: слухоречевой и зрительной, которая интегрирует сигналы любой другой модальности. Визуализация всего чувственного опыта человека позволяет зрительной модальности быть доминирующей, играя роль внутреннего канала связи между анализаторными подсистемами, как на перцептивном уровне, так и на уровне представлений [6, с.38].

Согласно Н.В. Беломестновой, образное мышление является полноценным типом мышления, не менее значимым, чем логико-вербальное. Она рассматривает проблему отсутствия образного мышления в общих дефинициях психологии важной для рассмотрения. Другой теоретической проблемой автор считает отсутствие полного описания механизма перехода наглядно-образного в абстрактно-логическое мышление. Возможно, наглядно-образное мышление просто теряет обязательное условие наглядности и становится чисто образным, переходя во внутренний план.

Рассматривая первую проблему, Н. В. Беломестнова анализирует структурно-информационный подход Л.М. Веккера и опирается на его определение мышления, которое существенно отличается от классического.

Мышление, по Л.М. Веккеру, - это процесс непрерывного обратимого перевода информации с языка образно-предметных гештальтов на символичный операторный язык. Мышление – это взаимодействие двух языков: языка образов и языка слов-понятий. Такой подход к мышлению не разделяет процесс мышления на типы образного и логико-вербального, а включает их как структурные элементы в единый процесс. Поэтому у конкретного человека когнитивный стиль включает при нормальных условиях устойчивое повторение логико-вербальной и образной стратегии переработки информации [7, с.53].

Анализ процесса образного мышления требует специальных категорий. Н.В. Беломестнова выделяет следующие категории:

- операнды (материал, которым оперирует данный тип мышления, форма представления информации);
- операции (действия, которые выполняются с операндами, способы переработки информации, или логические операции);
- функции (цель и содержание превращений информации данным типом мышления);
- темпоральный статус (характер отношения к категории времени).

Операндами образного мышления являются образы, или знаки-иконы. Их атрибутами являются:

1. Образность, иконический материал знаков, который позволяет их произвольно трансформировать.
2. Континуальность – отсутствие явных и принципиальных границ между любыми явлениями мира; она проявляется в неразделённости объективного и идеального мира, неударжимом потоке ассоциаций, метафоричности.

3. Целостность, или холистичность, которая проявляется в том, что любой объект рассматривается как нечто целостное, все его признаки являются важными.

Знаки-иконы – это образы, которые в общих чертах отражают объекты действительности (реалистичные рисунки, психические образы, иероглифы, пиктограммы). Знаки-иконы являются противоположностью знаков-символов, которые не имеют ничего общего с объектами (буквы, цифры, логические и математические символы и т.д.). Такое дихотомическое деление является возможным, если рассматривать категорию знак как фундаментальный атрибут психики и психического. В отличие от образного, операндами логико-вербального мышления являются знаки-символы. Их атрибутами являются: символичность, конвенциональность, дискретность. Следствием этого является некоторая «примитивность» логико-вербального мышления – понимание только буквального содержания вербальной формулы, языкового выражения.

Следующей категорией для анализа являются мыслительные операции. Для образного мышления свойственны следующие:

1. Синтез – операция мышления, с помощью которой происходит восстановление целого из отдельных частей, которое раскрывает более-менее существенные для него связи и отношения отдельных элементов [6, с.43].

2. Сравнение и установление аналогии – операция мышления, сущность которой состоит в нахождении подобия или отличия объектов на основе конкретных признаков, которые свойственны только данной группе объектов.

3. Трансдукция (по В. Штерну и Ж. Пиаже) – операция образного мышления, способность перемещаться не в вертикальном направлении иерархического древа, а в горизонтальном без критического отношения к неравнозначности признаков. В данном случае, ассоциации возникают по принципам внешнего подобия, пространственной или временной смежности.

4. Абдукция, или ретродукция (по Ч. Пирсу) – операция образного мышления, сущность которой состоит в выведении из отдельного свойства более обобщённого вывода без соблюдения каких-либо условий.

5. Топологическая трансформация – операция образного мышления, способность к соединению частей во внутреннем плане, которые невозможно соединить в реальности. Это способность к медленной, постепенной трансформации одного образа путём изменения деталей в другой образ.

6. Пространственное манипулирование, вращение и масштабное превращение – родственные операции образного мышления, с помощью которых осуществляется мысленная визуализация, изменение, вращение, изменение размера и внешнего вида образов (по Е.Д. Хомской и Т.Ш. Гагошидзе).

7. Комбинация и рекомбинация – операция образного мышления, сущность которой состоит в создании новых образов путём приобщения элементов нескольких других образов (отдельной разновидностью комбинации является агглютинация – создание новых комбинированных образов из элементов других образов, которые невозможно соединить по законам логики) [6, с. 45].

8. Генерализация, или обобщение – операция мышления, которая состоит в том, что субъект совершает генерализованное действие в ответ на разнообразные раздражители в разных ситуациях на основе общности только некоторых их свойств.

Отличие операций образного от логико-вербального мышления состоит в частичном отсутствии формально логических операционных действий (абстрагирования, анализа, классификации и других), также создании и манипулировании образами по определённым законам при отсутствии той самой формальной логики. Поэтому во многих теоретических источниках образное мышление часто сравнивают и находят общее с психическим процессом воображения [8, с. 53].

Функциями образного мышления выступают:

- отражение индивидуальных признаков, или конкретизация (установление различий похожих объектов и идентификация актуального отражаемого образа с образом памяти, что предусматривает совпадение по максимуму деталей);
- разворачивание информации (превращение ранее «свёрнутой» в знак информации в чувственный репрезентативный образ) [6, с. 47].

И, наоборот, функциями логико-вербального мышления являются отражение обобщённых свойств среды и «свёртывание» информации в знаковую форму.

По темпоральному статусу, образное мышление является симультанным (одномоментным, происходящим «здесь и сейчас»), что проявляется в целостном отражении репрезентативного и перцептивного образов преимущественно пространства, а также в переживании «здесь и сейчас», особенной ценности данного момента. Образное мышление опирается в своём функционировании на прошлое, в отличие от логико-вербального мышления, которое ориентируется на будущее и направлено на разворачивание во времени последовательности логических шагов [6, с. 47].

Обобщая различные теоретические работы по проблеме образного мышления, мы можем сделать вывод о том, что образное мышление – это фундаментальная особенность психики, способность, которая определяет целостное развитие личности и ее устойчивые характеристики. Образное мышление является единой системой, которая имеет несколько взаимодополняющих компонентов (форм отражения). Оно является полноценным типом мышления не только в возрастном периоде детства, но и во взрослости.

Для эффективного анализа и эмпирического исследования образного мышления необходимы специальные категории, к которым относятся: операнды, операции, функции, спатильный статус. Данный тип мышления использует большое количество операций, среди которых абдукция, типологическая трансформация, трансдукция, установление аналогии, пространственное манипулирование, вращение, масштабное превращение, комбинация и рекомбинация, генерализация и другие. Главной функцией образного мышления является создание образов и оперирование ими в процессе решения задач.

В результате данного теоретического анализа становится очевидной сложная по своей структуре организация образного мышления как психического процесса. Рассмотренные и обобщённые нами операции образного мышления требуют своего экспериментального подтверждения. Для этого необходимо найти и операционализировать инструменты для такого рода исследований, что может составлять перспективу дальнейшего изучения данной проблемы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Большой психологический словарь / [сост. Б. Г. Мещеряков, В. П. Зинченко]. – М.: АСТ, 2008. – 924 с.
2. Арнхейм Р. Визуальное мышление / Р. Арнхейм // Хрестоматия по общей психологии. Психология мышления. / [Под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, В. В. Петухова]. – М.: Изд-во Московского университета, 1981. – 400 с. – С. 97–107.
3. Ительсон Л. Б. Лекции по современным проблемам психологии обучения / Л.Б. Ительсон – Владимир: Пединститут им. П.И. Лебедева, 1972. – 192 с.
4. Маланов С. В. Предметный образ, «гипотеза уподобления» и генезис образа мира / С. В. Маланов // Мир психологии. – 2009. – № 4. – С. 67–76.
5. Гостев А. А. Психология вторичного образа / А. А. Гостев – М.: Издательство ИП РАН, 2007. – 512 с.
6. Беломестнова Н. В. Модусы мышления в естественно-системных детерминантах / Н. В. Беломестнова // Мир психологии. – 2009. – №2. – С. 37–49.
7. Веккер Л. М. Мир психической реальности: структура, процессы и механизмы / Л.М. Веккер. – М.: Издательское агентство «Русский мир», 2000. – 512 с.
8. Матюшкин А. М. Психология мышления. Мышление как разрешение проблемных ситуаций / А. М. Матюшкин, под. ред. канд. психол. наук А.А. Матюшкиной – М.: КДУ, 2009. – 190 с.

Поступила в редакцию 28.11.2017 г.

CREATIVE THINKING: THEORETICAL ANALYSIS OF CONTEMPORARY APPROACHES TO STUDY

I.V. Kiseleva

The paper deals with theoretical review of creative thinking as an adult's full-fledged type of thinking. The concept, structure, and mechanisms of creative thinking are described. Creative and logical types of thinking are compared. The functions of creative thinking are enumerated and explained.

Key words: image, creative thinking, representations, cognitive schemes, imaginative ability, operations of creative thinking.

Киселева Ирина Владимировна

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
Старший преподаватель кафедры психологии
e-mail: irema.psy@yandex.ru

Kiseleva Irina Vladimirovna

Donetsk National University
Senior Lecturer of the Department of Psychology
e-mail: irema.psy@yandex.ru

УДК 159.925

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА В СТРУКТУРЕ ИНТУИТИВНО-ЧУВСТВЕННОГО ОТРАЖЕНИЯ ПСИХОЛОГОВ

© 2017. С.В. Руденко

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк

Данная статья посвящена определению места социального интеллекта в структуре интуитивно-чувственного отражения психологов. Раскрыта сущность феномена социального интеллекта в современной психологии, особенности функциональной системы интуитивно-чувственного отражения. Представлены результаты эмпирического исследования социального интеллекта в структуре интуитивно-чувственного отражения психологов.

Ключевые слова: социальный интеллект, интуитивно-чувственное отражение.

Проблема исследования феномена социального интеллекта для психологии не нова. Однако на сегодняшний день понятие и сущность социального интеллекта не относятся к числу глубоко изученных. По большей части в современной психологии социальный интеллект рассматривается как важная способность личности, необходимая для понимания поступков и действий людей, их вербальных и невербальных реакций. Под социальным интеллектом также понимают общую способность понимать других и действовать или поступать мудро относительно других людей; способность находить общий язык с окружающими; способность легко сходитьсь с другими людьми, умение входить в их положение, ставить себя на место другого. На настоящий момент проведено немало исследований, посвящённых изучению места социального интеллекта в структуре общего интеллекта, содержательных компонентов социального интеллекта, гендерных различий, обусловленных данной характеристикой, взаимосвязи социального интеллекта и эмпатии, эмоционального интеллекта, коммуникативной компетентности и т.п. На наш взгляд, интересным является изучение взаимосвязи социального интеллекта и интуитивно-чувственного отражения. Соответственно, целью данной статьи является исследование особенностей социального интеллекта в структуре интуитивно-чувственного отражения психологов.

Социальный интеллект даёт возможность прогнозировать развитие межличностных отношений, обостряет интуицию, предусмотрительность и обеспечивает психологическую выносливость; помогает преодолевать внезапные кризисы, длительные стрессы и ситуации, несущие угрозу самоуважению [4, 7].

В зарубежной психологии проблема социального интеллекта наиболее представлена в трудах Э. Торндайка, Г. Олпорта, Дж. Гилфорда, Г.Ю. Айзенка, Р. Стернберга, Н. Кэнтора; среди отечественных исследователей стоит вспомнить Ю.М. Емельянова, Н.А. Кудрявцеву, В.Н. Куницыну, Н.Ф. Калину, Е.С. Михайлову-Алешину, О.Б. Чеснокову и Д.В. Ушакова. В целом в западных исследованиях социального интеллекта внимание акцентируется или на способности понимать окружающих, прогнозировать их поведение, или – на социально-полезной адаптации, приспособлении к жизни в обществе. В отечественной психологии социальный интеллект понимается как способность к рациональным мыслительным операциям, объектом которых являются процессы межличностного взаимодействия; как способность понимать себя и окружающих, их взаимоотношения и таким образом

прогнозировать их поведение; как система интеллектуальных способностей, связанных, прежде всего, с познанием поведенческой информации; как когнитивная основа коммуникативной компетентности [4; 5; 6; 7].

Анализ трудов отечественных и зарубежных психологов позволил сформулировать следующее определение социального интеллекта. Социальный интеллект является когнитивной основой коммуникативной компетентности; предполагает способность человека понимать и прогнозировать поведение людей в разных жизненных ситуациях, учитывая их вербальные и невербальные проявления, понимать и адекватно оценивать себя и свои действия и поступки относительно окружающих. Соответственно, социальный интеллект обеспечивает адекватность и эффективность межличностного взаимодействия, объединяя и регулируя познавательные процессы, связанные с отражением социальных объектов [4; 7].

Сущность социального интеллекта может быть раскрыта через основные способы его существования, определение его характеристик и функций. Анализируя работы отечественных и зарубежных психологов, мы можем выделить следующие функции социального интеллекта:

- коммуникативная – обеспечивает эффективность собственно процесса общения, что связано с адекватным пониманием партнёра по общению;
- рефлексивная – находит своё отражение, прежде всего, в самопознании;
- познавательно-оценочная – от неё зависит верная переработка информации, поступающей к человеку; предполагает адекватную оценку вербальной и невербальной информации;
- прогностическая – на её основе осуществляется планирование и прогнозирование развития межличностных взаимодействий.

Перейдём к феномену интуитивно-чувственного отражения.

Вообще категория отражения является одной из центральных в психологической науке. Традиционно под отражением понимают всеобщее свойство материи, предполагающее способность объектов отражать с разной степенью адекватности признаки, структурные характеристики и отношения других объектов. [2] Нас интересует, конечно, психическое отражение. Психическое отражение рассматривается как процесс, направленный на восприятие, переработку и воспроизведение информации окружающей среды; это процесс пластичный и постоянно развивающийся, порождающий определённые результаты и явления (психические состояния, обиды, ощущения, понятия, эмоции и т.п.).

Интуитивно-чувственное отражение трактуется В.Д. Потаповой как психический процесс, направленный на создание адекватного объекту образа; как целостный охват условий проблемной ситуации, предоставляющий возможность выхода за пределы устоявшихся стереотипов поведения и деятельности, в частности, алгоритмов решения проблемы. Процессуальная сторона интуитивно-чувственного отражения рассматривается как взаимодействие сознательных и неосознаваемых механизмов психики, обусловленное совместной работой левого и правого полушарий.

Функциональная система интуитивно-чувственного отражения определяется автором как взаимодействующая и взаимообусловленная совокупность психологических механизмов, связанных единой функцией. Сущность составляющих функциональной системы интуитивно-чувственного отражения может быть описана таким способом: сочувствую через проникновение во внутренний мир другого (эмпатия); обособляюсь для принятия личности другого, его точки зрения, индивидуально-психологических особенностей (децентрация); рассуждаю

относительно собственной личности, личности другого, особенностей взаимодействия (рефлексия); прогнозирую характер взаимодействия, реакции партнёров, предусматриваю последствия воздействий (антиципация); способствую актуализации резервов личностного роста, повышению энергии жизнедеятельности других, помогаю (фасилитация). Целостность и дееспособность функциональной системы интуитивно-чувственного отражения обеспечивается активностью каждой ее составляющей и их взаимообусловленностью [1; 2].

Рассмотрим компоненты функциональной системы интуитивно-чувственного отражения несколько подробнее.

Чаще всего эмпатию рассматривают как понимание, ощущение эмоционального состояния, проникновение, вчувствование в переживания другого человека. В понимании В.Д. Потаповой эмпатия рассматривается как психологический механизм, функцией которого является проникновение во внутренний мир чувств другого, сочувствие, «вчувствование», сопереживание [1; 2].

Децентрация чаще всего определяется как механизм преодоления эгоцентризма личности, предусматривающий изменение позиции субъекта в результате столкновения, сопоставления и интеграции с позициями, отличающимися от собственной. По мнению исследовательницы, децентрация – это психологический механизм, выполняющий функции «обособления» (но не отчуждения!) специалиста от клиента или группы людей, обеспечивая ему принятие последних без собственной предубеждённости, «проекции», «идентификации» и т. п. [1; 2].

Следующий психологический механизм – рефлексия. Сначала данный термин рассматривался как процесс рассуждения индивида о том, что происходит в его сознании. Рефлексия в исследовании автора рассматривается как психологический механизм, отображающий мысли и переживания человека относительно собственной личности, других лиц, предмета, процесса и результата деятельности [1; 2].

Антиципация – психологический механизм, обуславливающий предположение, прогнозирование последствий действий и влияний на других людей. В.Д. Потапова данное понятие несколько расширяет и руководствуется следующим определением: антиципация – психологический механизм, который лежит в основе предвосхищения, прогнозирования психологами особенностей развития (деградации) индивида; будущих событий, результатов и последствий влияний на людей [1; 2].

Последний компонент функциональной системы интуитивно-чувственного отражения, – фасилитация. Под фасилитацией понимают увеличение скорости или производительности деятельности индивида в результате воображаемого или реального присутствия другого человека или группы людей. Фасилитация, с точки зрения исследовательницы, – это психологический механизм, обеспечивающий влияние на других людей и самого себя, которое направлено как минимум на преодоление негативных переживаний, возникающих при невозможности удовлетворения значимых для личности потребностей, и как максимум – на выявление резервов личностного роста, профессиональное становление, развитие способности к творческой адаптации в изменяющихся условиях [1; 2].

Таким образом, функциональная система интуитивно-чувственного отражения рассматривается как совокупность взаимодействующих согласованных процессуальных компонентов (механизмов) психики, которые, усиливая и обогащая друг друга, приобретают большую стойкость и определённую структуру (психическое новообразование), характеризующуюся новыми содержательными признаками [1; 2].

Мы считаем, что социальный интеллект и функциональная система интуитивно-чувственного отражения взаимосвязаны и даже взаимозависимы. То есть социальный интеллект является важным инструментом, с помощью которого реализуются компоненты интуитивно-чувственного отражения, но и сам приобретает развитие благодаря этой форме отражения [3].

С целью определения особенностей социального интеллекта в структуре интуитивно-чувственного отражения психологов была сформирована выборка, которую составили 20 магистрантов-психологов и 20 врачей-интернов в возрасте от 22 до 26 лет. Критериями диагностики социального интеллекта мы выделили следующие:

- способность человека понимать поведение людей в разных жизненных ситуациях, учитывая их вербальные и невербальные проявления;
- способность человека прогнозировать поведение людей в разных жизненных ситуациях, учитывая их вербальные и невербальные проявления;
- адекватность и эффективность межличностного взаимодействия.

Для определения наличия (отсутствия) функциональной системы психологических механизмов интуитивно-чувственного отражения в экспериментальных заданиях были определены конкретные критерии (выделено по В.Д. Потаповой):

1. Эмпатия: распознавание психических состояний людей, изображенных в произведениях искусства; определение эмоциональных состояний персонажей; партнёров по общению, конгруэнтность поведения при решении практических психологических задач.

2. Децентрация: удержание в сознании субъекта двух противоречивых идей одновременно и при этом сохранение возможности анализировать художественные произведения, создавать собственные рассказы, разрешать ситуации; преодоление личностных эгоцентрических проявлений; учёт точки зрения, поступков, образа жизни других и др.

3. Рефлексия: определение самооценки и собственного уровня притязаний; определение этапа собственного личностно-профессионального развития; объединение элементов ситуации в конструктивную систему; обоснование собственного отношения к ситуации, её участников и др.

4. Антиципация: предвосхищение развития возможных эмоциональных состояний других, характера отношений, развития событий в рассказе, ситуации; предположение последствий нарушения конкретных требований; прогнозирование развития событий в рассказе, ситуации; предвидение последствий нарушения конкретных требований; прогнозирование развития и последствия разрешения психологических ситуаций.

5. Фасилитация: превращение потенциальной ситуации в актуальную как для себя, так и для других, осуществление воздействий, направленных на активизацию деятельности, создания деловой, психологически комфортной атмосферы; содействие позитивному разрешению конфликтной ситуации; осуществление помощи в действиях.

Таким образом, согласно выделенных диагностических критериев, мы считаем целесообразным использование следующих методик:

- методика исследования социального интеллекта Дж. Гилфорда и М. Салливена (модификация Е.С. Михайловой-Алешиной). Методика позволяет выяснить, насколько человек может предвосхитить, прогнозировать последствия поведения на основе невербальных реакций; оценить чувствительность к невербальным проявлениям эмоциональных состояний; выявить способность к распознаванию межличностных отношений в динамике и др.

■ решение психолого-художественных ситуаций: анализ художественных произведений (избранных испытуемыми – проза, поэзия); последующая обработка автором исследования полученных данных с использованием метода контент-анализа. Критерии решения психолого-художественных ситуаций: использование научной психологической терминологии при анализе психических явлений, представленных в художественной форме; применение в процессе решения психолого-художественных ситуаций форм и средств воздействий, влияний, присущих искусству; дееспособность и согласованность психологических механизмов функциональной системы интуитивно-чувственного отражения.

■ разрешение профессионально-ориентированных ситуаций; последующая проработка автором исследования полученных данных с использованием метода контент-анализа. Критерии разрешения профессионально-ориентированных ситуаций: научное обоснование собственных ответов относительно потребностей и мотивов, обусловивших те или иные действия субъектов, наличие 2–3 возможных вариантов решения профессионально-ориентированной ситуации; расценивание преподавателем и большинством студентов средства данного разрешения ситуации как наиболее эффективного; целесообразность и согласованность психологических механизмов функциональной системы интуитивно-чувственного отражения.

Данное исследование носит пилотажный характер, что обусловлено, во-первых, небольшим количеством испытуемых и, во-вторых, отсутствием разрешения ими профессионально-ориентированных ситуаций.

Результаты исследования показали следующее.

Методика исследования социального интеллекта Дж. Гилфорда и М. Салливена в модификации Е.С. Михайловой-Алешиной позволила выявить уровень социального интеллекта в группе психологов и врачей.

В группе психологов 30% испытуемых набрали 38 до 46 баллов, что говорит об уровне социального интеллекта выше среднего; 10% обследуемых, набравших от 47 до 55 баллов, характеризует высокий уровень социального интеллекта; 50% набрали от 27 до 37 баллов, что позволяет определить их социальный интеллект как средний; результаты 5% находятся в диапазоне от 13 до 26 баллов, что свидетельствует о слабом социальном интеллекте; наконец, обследуемые с очень низким уровнем социального интеллекта в группе психологов отсутствуют.

В группе врачей 25% обследуемых набрали от 38 до 46 баллов, что позволяет охарактеризовать уровень их социального интеллекта как выше среднего, в сравнении со статистической нормой; 10% получили от 47 до 55 баллов, что говорит о высоком уровне их социального интеллекта; у 60% испытуемых – от 27 до 37 баллов, что свидетельствует о среднем уровне их социального интеллекта; у 5% – от 13 до 26 баллов – социальный интеллект ниже нормы; наконец, 5% этой группы набрали от 0 до 12 баллов, что говорит об очень низком уровне социального интеллекта.

Среднее значение по обеим группам отличается слабо. Проанализировав данные по композитным оценкам теста, можно отметить, что большинство обследуемых в группах врачей и психологов имеют средний и выше среднего уровень развития социального интеллекта, который помогает им в общении и взаимопонимании с пациентами и клиентами.

Анализ данных по гендерному признаку позволил выявить следующие различия:

■ в группе психологов при одинаковом количестве обследуемых (10 женщин, 10 мужчин) больший процент – 10% – женщин с высоким уровнем социального интеллекта;

- 40% обследуемых психологов с уровнем развития социального интеллекта выше среднего оказались также женского пола;

- в группе врачей лишь 5% обследуемых с высоким уровнем социального интеллекта оказались мужского пола.

Контент-анализ в нашей работе использовался с целью выявления у психологов и врачей основных элементов структуры интуитивно-чувственного отражения. Анализ результатов по написанным обследуемыми эссе и творческий анализ стихотворений русской литературы показал следующие результаты:

- Эффективными для выявления эмпатии оказались оба задания;

- Психологический механизм децентрации был более ярко выражен при выполнении задания на написание эссе. Обследуемых стимулировал характер задания, где автор становился обособленным от других участников произведения;

- Оба задания способствовали развитию рефлексии как психологического механизма, который используется человеком ещё со школы, пусть даже в неосознанном виде;

- Анализ стихотворений русской литературы показал среднюю способность обследуемых к антиципации;

- Анализ характеристик психологического механизма фасилитации выявил слабую способность к использованию этого механизма психологами и более высокий ее уровень – у врачей. Это может быть связано с профессиональной деятельностью, в основе которой лежит умение управлять своими эмоциями, подавлять негативное влияние на себя и окружающих определённых факторов окружающего мира.

Обобщая результаты, можно сделать вывод, что анализ стихотворений русской литературы и написание сочинений не только позволяет выявить основные компоненты интуитивно-чувственного отражения, но и способствует их развитию.

По результатам развития у обследуемых структуры интуитивно-чувственного отражения были выделены 2 группы, которые мы условно назвали «стабильные» и «лабильные». В группе стабильных (75% от общей выборки) система интуитивно-чувственного отражения отличалась наиболее устойчивым настроением и высокой работоспособностью. Группа лабильных (25% от общей выборки) использовала только некоторые из компонентов структуры интуитивно-чувственного отражения и легко поддавалась влиянию настроения.

Согласно результатам контент-анализа в группе стабильных преобладало использование местоимения «Я», которое может рассматриваться как активное самоутверждение собственной позиции, проявление уверенности и ответственности за свои поступки. Использование местоимения «Мне» объясняется стремлением обследуемых к приписыванию себе определённых знаний, умений и навыков в своей профессии. Частота использования местоимения «Мы» была меньшей в сравнении с употреблением «Я», другие же вербальные конструкторы обнаруживали склонность этих обследуемых к монологизму.

Зафиксировано практически одинаковое количество использованных оценочных и эмоциональных прилагательных. Глаголы содержали указания на действия, смыслом которых является помощь, а иногда и манипуляция.

Практически не использовались восклицательный и вопросительный знаки. Терминология встречалась редко и по большей части в группе врачей. Также зафиксированы проявления конформизма и неконформизма.

Отмечалась способность к прогнозированию развития событий и поведения.

Контент-анализ в группе лабильных обследуемых показал, что они более склонны к употреблению местоимения «Мы». Это может быть связано с нежеланием отвечать за свои действия, тенденцией перекладывать ответственность и неуверенностью в своих силах. Прилагательные носили также эмоциональный и оценочный характер (как и в группе стабильных). Глаголы соответствовали значениям «подчиняться», «плыть по течению». Предложения строились преимущественно короткими фразами, разделёнными в основном точкой. Также была отмечена склонность к конформизму.

Сравнение групп психологов и врачей проводилось с помощью критерия U Манна-Уитни.

Таблица 1.

Результаты сравнения социального интеллекта и компонентов интуитивно-чувственного отражения психологов и врачей с использованием критерия U Манна-Уитни.

	Социальный интеллект	Эмпатия	Децентрация	Рефлексия	Фасилитация	Антиципация
U	165	120*	203	144*	118*	123*

* - $p \leq 0,05$

Было выявлено, что обследуемые-психологи в большей мере проявляют эмпатию и рефлексивность, в группе же врачей отмечалось проявление более развитой способности к фасилитации и антиципации. Что же касается общего уровня социального интеллекта и децентрации, как мы видим, выявленные отличия в группах обследуемых являются незначимыми.

Заключение. Проведённое исследование позволило выявить некоторые особенности социального интеллекта в структуре интуитивно-чувственного отражения психологов и врачей. В группе психологов, согласно результатам исследования, преобладает средний уровень социального интеллекта в сочетании с достаточно высоко развитой способностью к рефлексии и эмпатии. Это позволяет предположить хороший уровень взаимопонимания и взаимодействия психологов с клиентами и окружающими людьми в целом. В группе врачей также преобладает средний уровень социального интеллекта, но, в отличие от группы психологов, присутствует небольшой процент обследуемых с очень низким социальным интеллектом. Это может быть связано с недостаточно понятной инструкцией, недостаточной мотивацией для выполнения теста или плохим самочувствием обследуемого. Врачам, по данным исследования, присуща более развитая способность к фасилитации антиципации, что может быть обусловлено специфическими требованиями к этой профессии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Потапова В.Д. Розвиток функціональної системи інтуїтивно-почуттєвого відображення у майбутніх психологів : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня д-ра психол. наук : спец. : 19.00.01 «Загальна психологія, історія психології» / В.Д. Потапова. – Київ, 2005. – 36 с.
2. Потапова В.Д. Функціональна система психологічних механізмів інтуїтивно-почуттєвого відображення. Монографія / В.Д. Потапова. – Донецьк : Юго-Восток, 2005. – 334 с.
3. Руденко С.В. Соціальний інтелект у структурі інтуїтивно-почуттєвого відображення // Проблеми сучасної психології. Збірник наукових праць Кам'янець-Подільського національного університету ім. І. Огієнка, Інституту психології ім. Г.С. Костюка НАПН України. – Вип. 14 : Кам'янець-Подільський : Аксіома, 2011. – 928 с. – С. 695–705.
4. Руденко С.В. Соціальний інтелект як чинник успішності педагогічної діяльності : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. психол. наук : спец. : 19.00.01 «Загальна психологія, історія психології» / С.В. Руденко. – Київ, 2008. – 20 с.
5. Калина Н.Ф. Диагностика социального интеллекта личности / Н.Ф. Калина // Журнал практикующего психолога. – 1999. – № 5. – С. 159–178.
6. Куницына В.Н. Межличностное общение. Учебник для вузов / В.Н. Куницына, Н.В. Казаринова, В.М. Погорельца – СПб. : Питер, 2002. – 544 с.

7. Руденко С.В. Социальный интеллект как фактор успешности педагогической деятельности / С.В. Руденко // Практична психологія та соціальна робота. – 2007. – № 12. – С. 7–12.

Поступила в редакцию 30.11.2017 г.

PECULIARITIES OF SOCIAL INTELLECT IN THE STRUCTURE OF PSYCHOLOGISTS' INTUITIONAL-PERCEPTIBLE REFLECTION

S.V. Rudenko

The article deals with the study of social intellect in the structure of psychologists' intuitional-perceptible reflection. The essence of the phenomenon of social intellect in modern psychological science is revealed. Specific features of the functional system of intuitional-perceptible reflection are analyzed. The results of empirical analysis of social intellect in the structure of psychologists' intuitional-perceptible reflection are presented.

Key words: social intellect, intuitional-perceptible reflection.

Руденко Светлана Викторовна

Кандидат психологических наук, доцент
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
Доцент кафедры психологии
e-mail: Rudenko_SV@mail.ru

Rudenko Svetlana Viktorovna

Candidate of Psychology, Associate Professor
Donetsk National University
Associate Professor of the Department of Psychology
e-mail: Rudenko_SV@mail.ru

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

1. Для публикации в журнале «Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология» принимаются оригинальные научные работы, содержащие результаты исследований в области филологии и психологии. Статьи, опубликованные ранее в других журналах, к рассмотрению не принимаются. Решение о публикации выносится редакционной коллегией журнала после рецензирования. Рукописи, не соответствующие редакционным требованиям, и статьи, не соответствующие тематике журнала, к рассмотрению не принимаются. Если рецензия положительная, но содержит замечания и пожелания, редакция направляет статью авторам на доработку вместе с замечаниями рецензента. Автор должен ответить рецензенту по всем пунктам рецензии. После такой доработки редколлегия принимает решение о публикации статьи. В случае отклонения статьи редакция направляет авторам либо рецензии или выдержки из них, либо аргументированное письмо редактора. Редколлегия не вступает в дискуссию с авторами отклонённых статей, за исключением случаев явного недоразумения. Рукописи авторам не возвращаются. Статья, задержанная на срок более трёх месяцев или требующая повторной переработки, рассматривается как вновь поступившая. Редакция оставляет за собой право проводить редакционную правку рукописей. Корректур статей авторам не высылаются.

2. Рукопись подаётся в одном экземпляре, напечатанном с одной стороны листа бумаги формата А4 (экземпляр подписывается авторами). Объём рукописи, как правило, не должен превышать диапазона **4-8** страниц, включая рисунки, таблицы, список литературы. Страницы рукописи должны быть последовательно пронумерованы. Параллельно с предоставлением рукописи на адреса редколлегии (terkulov@rambler.ru, hiteeva.v@gmail.com) высылается во вложении полный текст статьи (в формате WORD или RTF, Office 97-2010) (название файла «(Фамилия автора)_статья», например, «Петров_статья»). В случае невозможности передачи в редколлегию рукописи на электронную почту редакции высылается во вложении полный текст статьи в формате pdf.

ВНИМАНИЕ! ОБЯЗАТЕЛЬНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ:

1. **Основной текст статьи** — шрифт Times New Roman, размер 12 пт., с выравниванием по ширине;

2. **Резюме, список литературы, таблицы, подрисуночные подписи, информация об авторах** — шрифт Times New Roman, размер 10 пт.

3. **Поля зеркальные:** верхнее — 20 мм, нижнее — 25 мм, слева — 30 мм, справа — 20 мм. Междустрочный интервал — одинарный.

4. Абзацный отступ — 1 см.

5. Текст набирается **без** автоматической расстановки переносов (выравнивание по ширине);

6. В тексте допускаются выделения курсивом, жирным шрифтом, разрядкой (**но не подчёркиванием**). Для выделения примеров в тексте используется только курсив, например: Слово *прилагательное* — субстантивированное прилагательное. При необходимости выделения примеров в пределах набранного курсивом предложения, а также для акцентирования внимания на какие-то из примеров — полужирный курсив: *Я памятник себе **воздвиг** нерукотворный*; слова категории состояния: *хорошо, **можно**, пора*;

7. Для названий произведений используются «угловые» кавычки: «Война и мир»;

8. Цитирование, прямая речь и т.д. оформляются угловыми кавычками вида «...»; при необходимости использовать кавычки внутри цитаты, внешними должны быть «угловые» кавычки: «... "..."...»;

9. Необходимо правильно употреблять тире (–) и дефис (-); различие заключается в размере и наличии пробелов перед и после тире: Жуковский – поэт-романтик; первый знак пунктуационный, второй орфографический;

10. Для обозначения страничных, временных и других интервалов используется не отделённое пробелами от смежных знаков тире: с. 24–26;

11. Если стихотворные тексты печатаются как включение в текст, то стихи разделяются наклонной чертой, а строфы – двумя наклонными чертами:

Ты этого хотел. – Так. – Аллилуйя. / Я руку, бьющую меня, целую. // В грудь, оттолкнувшую – к груди тяну, / Чтоб, удивясь, прослушал тишину. (М. Цветаева. Пригвождена...);

12. Если стихи воспроизводятся с соблюдением строфического оформления, то необходимо использовать следующие параметры: размер шрифта – 12, межстрочный интервал одинарный, абзацный отступ – 4 см.:

*В нем пушица и войны кипит всегдашний жар,
На Марсовых полях он грозный был воитель.
Друзьям он верный друг, красавицам мучитель,
И всюду он гусар.*

(А. Пушкин. К портрету Каверина);

13. Неразрывный пробел (Ctrl+Shift+пробел) обязательно используется:

а. между инициалами и фамилией (между инициалами имени и отчества пробел не используется): В.И. Супрун, Супрун В.И., В. Супрун, Супрун В.

б. после знака «с.» (страница) перед номером страницы (страничным интервалом): в тексте статьи – с. 212, с. 212–218; в библиографическом описании – С. 212–218;

в. после указания на количество страниц в библиографическом описании: 418 с.;

г. в сочетаниях и т.д., и т.п.

3. Текст рукописи должен быть построен по следующей схеме:

– Индекс УДК в верхнем левом углу страницы (без абзацного отступа и без выделения).

– **НАЗВАНИЕ** статьи — полужирный, по центру (прописными буквами без переноса слов);

– Через строчку: копирайт ©, год (точка после года не ставится) (полужирный), (три пробела), инициалы и фамилия (фамилии) автора (авторов): выравнивание по левому краю без абзацного отступа (полужирный курсив).

– На следующей строке: официальное название организации (курсив).

– Через строчку: аннотация на русском языке (10 кегль) объёмом до 500 печатных знаков (с пробелами), которая должна кратко отражать цели и задачи проведённого исследования, а также его основные результаты. **Ключевые слова:** (это словосочетание – курсивом) (3–5 слов).

Образец оформления начала статьи

УДК 811.161.1'373.611

ГЛАГОЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ С ПРЕДЛОГОМ ПОД СО ЗНАЧЕНИЕМ СРАВНИТЕЛЬНО-УПОДОБИТЕЛЬНЫМ

© 2016 А. В. Петров

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»

В статье проанализированы глагольные конструкции с предлогом *под*, имеющим сравнительно-уподобительное значение. В глагольных конструкциях исследованы компоненты логической формулы сравнения, их состав и лексическая наполняемость: отнесённость к именам одушевлённым или неодушевлённым, именам нарицательным или собственным, конкретным или абстрактным, арте- или биофактам.

Ключевые слова: глаголы со значением подобия, глагольные конструкции с предлогом под, сравнительно-уподобительное значение предлога под, логическая формула сравнения.

Для создания отделяющих линий используется инструмент «Границы».

– Через строчку – текст статьи (12 кегль), который включает введение, основную часть и заключение.

Введение: постановка проблемы в общем виде и связь с важнейшими научными и практическими задачами, краткий анализ последних исследований и публикаций, в которых начато решение данной проблемы и на которые опирается автор, выделение нерешённых ранее частей общей проблемы, которым посвящена статья, формулировка цели и задач статьи.

Основная часть: основные материалы исследования с полным обоснованием полученных научных результатов; как правило, содержит такие структурные элементы: постановка задачи, метод решения, анализ результатов.

Заключение: констатация решения поставленных во введении задач, перспективы дальнейших изысканий в данном направлении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ (10 кегль без абзацного отступа). Перечень литературных источников (СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ) приводится общим списком в конце рукописи по алфавиту на языке оригинала в соответствии с ГОСТ 7.1-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание» и ГОСТ 7.05-2008 «Библиографическая ссылка». Ссылка на источник даётся в квадратных скобках. Ссылки допускаются только на опубликованные работы. Необходимо включение в список как можно больше свежих первоисточников по исследуемому вопросу (не более чем трёх–четырёхлетней давности). Не следует ограничиваться цитированием работ, принадлежащих только одному коллективу авторов или исследовательской группе. Желательны ссылки на современные зарубежные публикации.

В тексте работы **не допускаются** пристрастные и концевые сноски. Ссылка на источник в библиографии оформляется по модели [номер в списке литературы, запятая, с., страница]: [4, с. 23].

Словосочетание **СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ** (Полужирный) выравнивается по левому краю:

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс / Н.Д. Арутюнова // Теория метафоры. – М.: Наука, 1990. – С. 5–33.
2. Белозерова Е.В. Текстовые реализации лингвокультурных концептов / Е.В. Белозерова // Профессиональная коммуникация: проблемы гуманитарных наук : [сб. науч. тр.]. – Волгоград : ВГСХА, 2005. – Вып. 1. Филология, лингвистика, лингводидактика. – С. 10–17.
3. Леонтьев А.А. Психолингвистические особенности языка СМИ [Электронный ресурс] / А.А. Леонтьев. – Режим доступа: [http : www.genhis.philol.msu.ru/article_286.shtml](http://www.genhis.philol.msu.ru/article_286.shtml) (дата обращения: 25.10.2014).
4. Магера Т.С. Текст политического плаката: лингвориторическое моделирование (на материале региональных предвыборных плакатов): автореф. дисс. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / Т.С. Магера. – Барнаул, 2005. – 18 с.
5. Методология исследований политического дискурса : [сб. научн. тр. / под ред. Васюткина Е. С.]. – М.: Мысль, 2000. – 347 с.

– Далее приводится аннотация на английском языке (10 кегль), включающая:
 о название статьи (полужирный шрифт – выравнивание по центру),
 о через строку: инициалы и фамилия автора (авторов) (полужирный курсив – выравнивание по ширине),
 о через строку: аннотация, ключевые слова (словосочетание **Key words:** – полужирный курсив) – выравнивание по ширине.

VERBAL CONSTRUCTIONS WITH THE PREPOSITION 'UNDER' IN THE MEANING OF COMPARISON AND SIMILARITY

A.V. Petrov

The study deals with the constructions formed on the pattern «the verb with the meaning of similarity + preposition *under* with the meaning of comparison and similarity + the noun in the Accusative case». The components of the logical formula of comparison have been considered as well as their structure and lexical characteristics. The following lexical features have been revealed: their relatedness to animate or inanimate names, concrete or abstract names, generic names or proper names, artifacts or bio facts.

Key words: verbs with the meaning of similarity, verbal constructions with the preposition *under*, the preposition *under* in the meaning of comparison and similarity, a logical formula of comparison.

– После аннотации курсивом (10 кегль, выравнивание по левой стороне) делается запись:
Поступила в редакцию xx.xx.20xx г.

– В конце статьи обязательно параллельно в таблице на русском и английском языках указываются (10 кегль, выравнивание по ширине, без абзачного отступа) следующие сведения об авторах (для каждого автора – отдельная строка):

- о Фамилия, имя, отчество полностью (полужирный);
- о Ученая степень и звание (без выделения).
- о Полное название организации – места работы каждого автора, страна, город (без выделения).
- о Должность (без выделения).
- о Адрес электронной почты.

В конце каждой строки ставится точка.

Образец:

Петров Александр Владимирович. Доктор филологических наук, профессор. ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского». Заведующий кафедрой русского, славянского и общего языкознания факультета славянской филологии и журналистики. E-mail: liza_nada@mail.ru.	Petrov Alexandr Vladimirovich. Doctor of Philology, Professor. Taurida Academy of Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky. Head of Russian, Slavic and General Linguistics Department. E-mail: liza_nada@mail.ru.
---	---

4. Отдельным файлом подаётся анкета автора для индексирования и для авторской картотеки «Вестника» (название файла «(Фамилия автора)_сведения», например, «Петров_сведения»):

Для индексирования

	На русском языке	На английском языке
Фамилия, имя, отчество (полностью)		
Учёные степень и звание (если имеются)		
Должность		
Организация, в которой работал автор на момент		

выхода в свет (или написания) статьи		
Подразделение организации		
Город		
Страна		
Адрес организации		
e-mail		
SPIN-код каждого автора, зарегистрированного в РИНЦ (написан в регистрационной анкете автора на сайте www.elibrary.ru)		
Разделы рубрикатора ГРНТИ, отражающие тематическое направление публикации (www.grnti.ru)		
Название статьи		
Аннотация (до 300 печатных знаков)		
Ключевые слова (3-5 слов/словосочетаний)		

Для авторской картотеки

ФИО	
Учёная степень	
Звание	
Место работы	
Должность	
Электронная почта	
Мобильный телефон	

5. В отдельном файле и на отдельном листе подаются **фамилия и инициалы автора**, а также **название статьи на русском и английском языках**. При этом **фамилия и инициалы автора** набираются через неразрывный пробел и с разреженным межбуквенным интервалом (3 пт) (название файла «(Фамилия автора)_для_оглавления», например, «Петров_для_оглавления»).

Образец

Петров А. В. Глагольные конструкции с предлогом «под» со значением сравнительно-уподобительным.

Petrov A. V. Verbal constructions with the preposition 'under' in the meaning of comparison and similarity

6. Аспиранты и соискатели вместе со статьёй подают рецензию научного руководителя.

7. Авторы научных статей несут персональную ответственность за наличие элементов плагиата в текстах статей, а также за содержание и достоверность фактов, цитат, имён собственных и других сведений.

8. Плата с авторов за публикацию статей не взимается.

9. Контактная информация:

283001, г. Донецк, ул. Университетская, 24, 1 корпус, Филологический факультет (ауд. 451, 452).

Ответственный редактор: **Теркулов Вячеслав Исаевич**, д-р филол. наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка Донецкого национального университета (E-mail: terkulov@rambler.ru).

Ответственный секретарь: **Вильдгрубе Светлана Александровна**, канд. психол. наук, доцент кафедры психологии ДонНУ (E-mail: s.vildgrube@mail.ru).

Технический секретарь: **Хитеева Виктория Сергеевна**, преподаватель кафедры русского языка ДонНУ (hiteeva.v@gmail.com).

Научное издание

Вестник Донецкого национального университета

Серия Д. Филология и психология

Научный журнал

2018. – № 1

На русском, украинском и английском языках

Технические редакторы: М.В. Фоменко, В.С. Хитеева

Подписано в печать 07.05.2018 г.
Формат 60х84/8. Бумага офсетная.
Печать – цифровая. Условн. печ. л. 10,96
Тираж 100 экз. Заказ № 18-май48

Издательство ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
83001, г. Донецк, ул. Университетская, 24.
Тел.: (062) 302-92-27.
Свидетельство о внесении субъекта издательской деятельности
в Государственный реестр
серия ДК № 1854 от 24.06.2004 г.